THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

На память многим

НА ПАМЯТЬ МНОГИМЪ

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ

ВЪ

РОССІИ, СИБИРИ И НА АМУРѢ.

Stakheev, Dmitrii Ivanovich

Д. И. Стахѣева.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

ТИПОГРАФІЯ РЮМИНА И КОМП. (ГР. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО) ВЪ БОРОВОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 7.

PG3470
.S74N3
1867

НА ПАМЯТЬ МНОГИМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть статей вошедшихъ въ эту книгу были помѣщены въ періодическихъ изданіяхъ 1865, 1866 и 1867 годовъ. Въ первый разъ здѣсь являются только „На большой Сибирской дорогѣ“, Зимнія сцены, „Всуе трудяхуся“ повѣсть изъ амурской жизни и „Посольство„.

Издавая первый томъ своихъ сочиненій, я считаю необходимымъ объяснить, что говоря во многихъ мѣстахъ моей книги о купеческой жизни въ уѣздныхъ городахъ, о темной сторонѣ этого быта, о семейномъ деспотизмѣ, о слабости умственныхъ силъ того сословія, которое по силѣ матеріальной, должно-бы составлять оплотъ и могущество государства, — говоря объ этомъ сословіи, я не бралъ для своихъ матеріаловъ какую либо отдѣльную мѣстность, какъ это было ложно понято многими изъ близкихъ мнѣ людей, а рисовалъ общія картины, припоминая и группируя въ одно цѣлое различныя явленія, типы и сцены изъ видѣннаго, слышаннаго и пережитаго во время моего продолжительнаго скитанія по Россіи, Сибири и Амуру.

Я долженъ сказать, что описываемыя въ этой книгѣ

явленія не есть общія, присущія всему русскому купечеству, но къ сожалѣнію они такъ-же, не есть явленія единичныя, исключительныя,—они повторяются и будутъ повторяться въ темныхъ закоулкахъ русской земли до того времени, пока не расширится умственный кругозоръ торговаго сословія, пока образованіе будетъ ограничиваться тѣми азбучными свѣдѣніями, съ какими изживаетъ свой вѣкъ русскій купецъ въ уѣздномъ городѣ.

Есть въ этомъ неразвитомъ сословіи одна хорошая сторона, которая къ стыду нашего вѣка, слабѣетъ въ классахъ получившихъ высшее умственное развитіе. Эта хорошая сторона — преданность христіанской религіи, но какъ я говорю, въ образованныхъ классахъ слабѣетъ эта вѣрность христіанству, такъ въ сословіи русскаго уѣзднаго купечества, она не всегда ясно усвоена, ложно понята и во многихъ случаяхъ діаметрально противуположна убѣжденіямъ и дѣйствіямъ, на томъ основаніи, что чистосердечное покаяніе можетъ загладить всѣ вины и прегрѣшенія. Истина о покаяніи свята и неприкосновенна, какъ и каждое слово сказанное въ Вѣчной книгѣ Великаго Учителя, но она дѣйствительна только въ такихъ случаяхъ, когда за чистосердечнымъ покаяніемъ слѣдуетъ радикальное преобразованіе къ лучшему всей нравственной стороны человѣка. Многіе-же изъ преданныхъ христіанской религіи, часто повторяя эту истину, злоупотребляютъ ею много и много разъ... Нужно и то сказать что преданность христіанству въ средѣ купечества развилась въ ущербъ другимъ такъ же

необходимымъ знаніямъ. Великій учитель сказалъ: „Ищите свѣта!“ и эти святыя слова имѣютъ слишкомъ широкое значеніе...

Кромѣ всего вышесказаннаго, я, по лично касающимся меня обстоятельствамъ, считаю долгомъ сказать слѣдующее.

Принадлежа самъ порожденію и воспитанію къ сословію купечества уѣздныхъ городовъ и принимая во вниманіе полувѣковую торговую извѣстность моего отца, его честное, никогда ничѣмъ незапятнанное имя, я считаю нравственною обязанностію заявить, что говоря отъ своего лица (въ статьѣ „Уѣздный городъ“) о неправильности воспитанія купеческихъ дѣтей, я, тѣмъ не менѣе, лично самъ былъ поставленъ въ такія благопріятныя условія по воспитанію, которыя никогда немогли и немогутъ набросить хотя какую либо малѣйшую тѣнь на личность моего уважаемаго отца.

Относительно заглавія книги „Въ Россіи, Сибири и на Амурѣ“, нѣкоторые господа, пожалуй, могутъ сказать, что Сибирь и Амуръ не составляютъ собою отдѣльной территоріи, а были и есть нераздѣльной частію Россіи. Да, въ этомъ никто, никогда не сомнѣвался, всякій это зналъ и знаетъ, но тѣмъ не менѣе, всякій при разговорѣ о губерніяхъ Тобольской или Томской, скажетъ: „Это въ Сибири;“ о г. Благовѣщенскѣ-же или о какой либо Амурской станицѣ скажетъ: „Это на Амурѣ“. Россія слишкомъ велика, чтобы не имѣть частныхъ, такъ сказать, не официальныхъ названій.

Основываясь на такомъ усвоенномъ наименованіи мѣстностей, я и озаглавилъ свою книгу такъ, а не иначе.

Затѣмъ прошу извиненія у читателя за это длинное предисловіе.

Авторъ.

С.-Петербургъ
Апрѣль 1867 г.

БЛАГОПРІОБРѢТЕНІЕ.

I.

Лѣтній вѣтренный день переходилъ въ пасмурныя холодныя сумерки. Густая темная туча медленно надвигалась, съ западной стороны, на богатое торговое село Челныково. У пристани этого села, на широкой судоходной рѣкѣ, кипѣла тревожная, торопливая работа,— мужики, бабы и дѣвки оканчивали поденщину. Всѣ обсыпанные мукой, они усиленно тянули изъ прибрежныхъ амбаровъ по сходнямъ, тяжелые девяти-пудовые кули хлѣба и сваливали ихъ въ суда. Непрерывные крики и брань далеко разносились по берегу и, уносимые усиливавшимся каждую минуту вѣтромъ, густымъ эхомъ отдавались въ ущельи высокой сосѣдней горы. Вѣтеръ шумѣлъ все сильнѣе и сильнѣе. Стоявшіе у берега суда раскачивались съ боку на бокъ и немилосердно скрипѣли; въ мачтахъ и снастяхъ слышался свистъ и визгъ, переходившій то въ злобные, то въ тоскливые тоны. Вѣтеръ злился и, казалось, старался сорвать съ поденьщиковъ послѣднюю одежонку... Туча

надвигалась и росла все болѣе и болѣе, кругомъ все темнѣло; рѣка изъ свѣтло-голубаго цвѣта перешла въ темно-сѣрый, волны набѣгали одна на другую, пѣнились, разбрасывали высоко вверхъ брызги воды и снова росли, и снова мчались, гонимыя вѣтромъ...

— Эй вы, черти! Эй! едва слышался въ общемъ шумѣ и крикѣ охришій голосъ судоваго прикащика:— эй вы! будетъ! не вываливай больше изъ амбара кулей-то!

— Горлопа-ай!

— Оретъ тамъ дьяволъ... Ча-во-о? слышалось отъ амбара.

Прикащикъ махалъ руками и кричалъ во все горло.

— Не вывалива-ай! черти!

Онъ побѣжалъ по трясущимся сходнямъ къ амбару, пересчитывая на бѣгу лежавшіе по дорогѣ кули.

— Довольно! убирайте проворнѣй! Эй, бабы, не лѣнитесь! остатки! живо! кричалъ прикащикъ на снующую мимо его толпу.

Ругая другъ друга неизвѣстно за что, рабочіе таскали послѣдніе кули. Дѣвки уцѣпившись крючьями за куль, хохотали и визжали, слушая площадную брань, молодые парни мимоходомъ давали имъ подзатыльники, выражая этимъ свои нѣжныя чувства. Пожилая баба, свалившись, по милости своего обожателя, со сходней на землю, болѣзненно стонала и охала, вѣтеръ раздувалъ ее старенькій сарафанишко, она торопливо поджи-

мала его между ногъ, не переставая охать и ёжиться отъ боли.

— Экъ тебя лѣшій-то угораздилъ! сердито ворчали бабы.

— Отдохнуть видно захотѣла! хихикали дѣвки.

— Прикройся вѣдьма! подсмѣивались рабочіе.

Вдругъ среди шума и свиста вѣтра долетѣлъ съ сельской колокольни на пристань звонъ въ набатъ.

— Пожаръ! пожаръ! разомъ закричали рабочіе и бросая работу, пустились бѣжать въ село.

— Ой батюшки! Царь небесный! Микола многомилостивый! Ужъ не моя-ли это избушка загорѣлась! слезливо пищали бабы, пускаясь въ догонку мужикамъ.

— Стойте! стойте! неистово кричалъ прикащикъ, отчаянно махая руками и топая ногами: — черти! дьяволы! стойте! уберите послѣдніе-то кули!

Но отчаянный его призывъ терялся въ порывахъ вѣтра, въ шумѣ волнъ, бившихся въ борта судовъ и въ общемъ крикѣ перепуганной толпы.

— Пожаръ! пожаръ! слышалось съ берега.

Народъ валилъ толпой по улицамъ. Изъ средины села поднимался зловѣщій густой дымъ и быстро разстилался по вѣтру. Учащенно и рѣзко заколотили сельскія трещотки—предвозвѣстницы пожара, и непріятный звукъ набатнаго колокола далеко уносился по рѣкѣ...

Горѣлъ домъ принадлежавшій, умершему теперь, „акцизно-откупному“ коммисіонерству.

II.

Мѣщанинъ Ѳедоръ Григорьевъ Бѣловъ, служившій по акцизному откупу, за недѣлю до разсказаннаго случая, объѣзжалъ по деревнямъ и селамъ всѣ кабаки, собирая деньги вырученныя цѣловальниками отъ продажи водки. Тихъ и задумчивъ былъ онъ во время своего путешествія, не бранилъ цѣловальниковъ за недочеты, не замѣчалъ, или просто не хотѣлъ замѣчать ихъ мелкихъ плутней, заключавшихся въ нахальномъ превращеніи воды въ вино. Не обращалъ онъ, противъ обыкновенія, никакого вниманія на тихую ѣзду, не бранилъ за это ямщиковъ, не заставлялъ ихъ, какъ бывало прежде, пѣть веселыя пѣсни, но молча сидѣлъ въ телѣгѣ, прислушиваясь къ унылому, однообразному звуку почтоваго колокольчика. Онъ объѣхалъ всѣ находившіеся въ его завѣдываніи кабаки и собралъ денегъ до пятнадцати тысячъ рублей серебромъ. Возвратившись въ Челныково въ день пожара, онъ былъ еще задумчивѣе и мрачнѣе, видно было по его лицу, что какая-то тяжолая дума давитъ его и не даетъ ни на минуту покоя. Въ челныковскомъ акцизномъ домѣ была его резиденція, гдѣ помѣщался онъ съ женой и маленькимъ двухъ-лѣтнимъ сыномъ.

— Что это ты, голубчикъ, здоровъ-ли ужъ? заботливо спрашивала молодая жена возвратившагося мужа.

— Да чево-то плохо... надо-бы вотъ сегодня ѣхать

въ городъ, надо-бы деньги-то отвезти въ главную контору, да ужъ видно ночую, — голова чево-то разболѣлась,—потирая лобъ, нехотя отвѣчалъ мужъ, не смотря на жену.

Жена ушла въ сѣни съ самоваромъ. Бѣловъ сѣлъ къ окну и прислушивался къ вою вѣтра. Долго онъ сидѣлъ погрузившись въ свои неотвязчивыя тяжелыя думы, и то безцѣльно смотрѣлъ на улицу, по которой вихремъ проносились тучи пыли, то пугливо озирался кругомъ и снова задумывался. Жена внесла въ комнату кипѣвшій самоваръ и стала вынимать изъ шкафика посуду.

— Здравствуй, Ѳедоръ Григорьичъ! крикнулъ съ улицы проходившій мимо окна мужикъ и отвѣсилъ большой поклонъ.

Бѣловъ отошелъ отъ окна, обдернулъ свою красную рубаху, надѣтую поверхъ черныхъ плисовыхъ штановъ, встряхнулъ черными, густыми волосами, какъ будто сбрасывая съ себя тяжелыя думы и, погладивъ обѣими руками свою маленькую бородку, сѣлъ къ чайному столу.

— Эти плуты мужичонки, какіе проныры,—сказалъ онъ стараясь улыбнуться, — вотъ теперь-такъ поклоны мнѣ отвѣшиваютъ, а помнишь Агафья, когда я былъ безъ мѣста, такъ рыло въ сторону отворачивали. А что Агафья, — сказалъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени,—все вѣдь это деньги дѣлаютъ, а?

— Извѣстно, богатымъ всегда почетъ и первое мѣсто въ избѣ... Только намъ-то съ тобой, вѣдь это

такъ ужъ, за чужія деньги почетъ-то, отвѣчала жена, прикладываясь губами къ блюдцу съ чаемъ.

Бѣловъ вздохнулъ, помолчалъ нѣсколько времени, посмотрѣлъ внимательно на жену, опустилъ потомъ глаза въ полъ, опять посмотрѣлъ долгимъ взглядомъ и снова вздохнулъ. Жена не замѣчала его взглядовъ и молча наслаждалась чаепитіемъ. Бѣловъ взялся за свою чашку, хлѣбнулъ раза два и спросилъ, но спросилъ какъ-то глухо, сердито, съ неудовольствіемъ:

— А гдѣ у насъ Гришутка-то?

— Да спитъ, отвѣчала жена, утирая рукавомъ лобъ,—давеча все бѣгалъ да игралъ по избѣ-то, вотъ только передъ твоимъ пріѣздомъ уснулъ, да крѣпко такъ уснулъ.

Бѣловъ торопливо допилъ чашку и отошелъ опять къ окну. Туча набѣжала снова на его красивое выразительное лицо.

— Что-же ты чаю-то нехочешь, что-ли? спросила жена.

— Нѣтъ, не хочу... нездоровится... я пойду лягу, тяжело мнѣ чево-то...

— Выпилъ-бы, согрѣлся съ дороги-то.

— Голова болитъ, лягу...

Чрезъ нѣсколько минутъ Бѣловъ лежалъ на кровати и звалъ къ себѣ жену.

— Вотъ что Агафья, ты съѣзди-ко за меня въ городъ. Чего-то мнѣ больно не по себѣ, пожалуй что къ завтрему и не поправлюсь, а въ конторѣ-то, того и

гляди, суета пойдетъ. Ты съѣзди да и скажи: боленъ молъ мужъ-отъ у меня, просилъ молъ прислать довѣреннаго получить деньги... Я-бы съ тобой послалъ, да знаешь не ловко, не случилось-бы грѣха дорогой-то...

— Пошли, Ѳедорушко, лучше мужика съ пакетомъ, право! а то тебѣ хуже-бы не было здѣсь, помочь-то не кому, пошли мужика,—стала упрашивать жена.

— Дура ты баба! а чего за это управляющій-то скажетъ? Ишь, скажетъ, баринъ — пакеты разсылаетъ, пожалуй еще и отъ мѣста откажетъ, — поѣзжай ужъ, коли говорю. Бѣги вонъ къ Максиму, пусть снарядитъ пару лошадей, а завтра, Богъ дастъ, съ довѣреннымъ вмѣстѣ и воротишься.

— Да и погода-то, Ѳедорушка, какая... Господи Вѣтеръ реветъ страшенной, дождь скоро ударитъ чай, отговаривалась жена.

— Ну, ну! поѣзжай коли говорю! не по напрасну вѣдь посылаю — нужно. Вели Максиму-то съ верхушкой телегу запречь, чево больно нѣжишься-то. Охо-хо! простоналъ Бѣловъ, разъигрывая больнаго.

Жена глубоко вздохнула. Предчувствовала она, что какое-то горе ожидаетъ ее впереди, а гдѣ? когда? какое это горе и за что оно,—она конечно не понимала.

Вскорѣ телѣга въѣхала во дворъ. Агафья закутлась въ шубейку, помолилась на образъ, хотѣла поцѣловать своего Гришутку, но онъ крѣпко спалъ и мать не захотѣла его будить.

— Ну, Ѳедорушко, я собралась...

Бѣловъ повернулся на кровати и, какъ будто не имѣя силы поднять голову, махнулъ женѣ рукой.

Только что шумъ колесъ затихъ въ дальней улицѣ села, Бѣловъ торопливо вскочилъ съ кровати, торопливо затолкалъ въ коженный сапогъ деньги, завязалъ его веревкой и, осторожно пробравшись около стѣны въ огородъ, зарылъ сапогъ глубоко въ землю въ углу огорода. Наступали сумерки, вѣтеръ шумѣлъ и рвалъ на крышѣ дома доски. Сердце Бѣлова билось подобно стуку карманныхъ часовъ, въ ушахъ звенѣло, руки дрожали... Онъ осторожно пробрался назадъ, торопливо разжегъ кучу лучинъ, сломалъ доски стула и поджогъ домъ съ угла. Долго онъ смотрѣлъ въ щелку сѣнныхъ дверей, какъ сумасшедшій, на увеличивавшееся пламя, глаза горѣли какимъ-то дикимъ огнемъ, самъ онъ весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и едва успѣвалъ переводить духъ. Пламя увеличилось. Видя, что домъ загорѣлся сильно, Бѣловъ вошелъ въ комнату, искоса взглянулъ въ уголъ, гдѣ на полу спалъ Гришутка и легъ на кровать, стоявшую около окна. Скоро пламя ворвалось въ избу и охватило собой стѣны, полъ, лавки... Бѣловъ дико смотрѣлъ на его приближеніе; Гришутка началъ тревожно метаться на полу отъ дыма, съ улицы уже слышался шумъ и крикъ набѣгавшаго народу. Пламя приближалось къ кровати; Бѣловъ сдернулъ съ себя сапоги и кафтанъ, но все еще оставался внутри избы. Въ сосѣднее съ кроватью окно пламя вырвалось на улицу и широко разстилалось по наружной стѣнѣ сво-

ими длинными, красными языками. Бѣлову дѣлалось душно, Гришутка исчезалъ въ густомъ слоѣ дыму... Задыхающійся малютка своимъ предсмертнымъ плачемъ рвалъ на куски сердце отца. Бѣловъ останавливался на минуту, хотѣлъ броситься къ печкѣ, гдѣ спалъ сынъ, но пламя охватило уже его самого,—онъ съ силой ударилъ въ оконную раму и бросился безъ чувствъ на улицу...

Бѣлова оттащили въ сторону отъ лежавшихъ на землѣ головней и облили водой. Собравшійся народъ снималъ шапки.

— Слава Богу! Слава Богу! слышалось въ толпѣ.

— Гдѣ же твоя жена? сочувственно спрашивалъ народъ.

— Сынишка-то гдѣ?

— Уѣхала! едва могъ выговорить Бѣловъ.

— Съ сыномъ, что-ли?

— Нѣтъ... сынъ тамъ...

— О, Господи помилуй! вздыхали спрашивавшіе.

— Бѣдненькой! Младенецъ! плачевно вторили другіе.

— Деньги тамъ... деньги акцизныя, пятнадцать тысячъ... продолжалъ тоскливо Бѣловъ не вставая съ земли.

— Да ну ихъ къ чорту, деньги-то! паренекъ-то сгорѣлъ...

— Эка махина! 15, слышъ, тысячъ...

— Чортъ съ ними — акцизные! а вотъ грѣхъ-отъ паренекъ-отъ сгорѣлъ, охъ наказанье божеское!..

— Эй! эй! воды сюда! давай ведро-то! эй! слышалось съ сосѣднихъ домовъ.

Акцизный домъ пылалъ, охваченный со всѣхъ сторонъ. На сосѣднихъ домахъ копошились и суетились мужики и бабы съ ведрами, кадушками и ковшами, вѣтеръ разносилъ пламя въ разныя стороны, но туча, надвинувшаяся на село, пролилась благодатнымъ дождемъ, и пожаръ ограничился однимъ домомъ акцизнаго откупа.

III.

Началось слѣдствіе. Наѣхали чиновники, заскрипѣли перья, пошла переписка, допросы показанія, очныя ставки... пріѣхалъ главный управляющій изъ города и лично присутствовалъ при допросахъ, но всѣ кончилось благополучно для Бѣлова. Всѣ факты, разсказанные свидѣтелями пожара, были за него, всѣ говорили, что онъ выскочилъ изъ окна обожжонный, въ то время когда уже домъ былъ охваченъ со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Самъ Бѣловъ объяснялъ, что по возвращеніи изъ объѣзда кабаковъ заболѣлъ, отправилъ жену въ городъ и заснулъ. Проснувшись, онъ увидѣлъ себя кругомъ въ дыму и пламени, помнитъ только какъ выбивалъ оконную раму, а какъ выскочилъ и очнулся на улицѣ, этого и самъ незнаетъ. Доказательства подкрѣплялись тѣмъ, что Бѣловъ не только не могъ спасти акцизныхъ денегъ, но даже сына своего роднаго неимѣлъ возможности вых-

ватить изъ пламени и, если спасся самъ, то исключительно потому, что кровать, на которой онъ спалъ, стояла у окна. Причины пожара остались неизвѣстны, сильное подозрѣніе пало на самоваръ, изъ котораго, по заключенію судей, вѣроятно вывалились угли и погубили въ пламени откупныя акцизныя деньги. На этомъ дѣло и покончилось, но Бѣлову, не смотря на его очевидную правоту, акцизно-откупное коммисіонерство отказало отъ мѣста.

Жена Бѣлова долго и неутѣшно плакала. Она бранила себя за то, что послушала мужа и поѣхала въ день пожара въ городъ, рыдая бранила мужа, что онъ не спасъ своего родного сына и схватывая себя за волосы, кричала:

— Ужъ я бы спасла свое родное дѣтище! я бы его выхватила изъ самой середины огня, либо ужъ сама сгорѣла-бы съ нимъ, съ моимъ ненаглядным Гришенькой!..

— Да перестань ты, Агафья, не убивай себя по напрасну, не терзай меня! упрашивалъ мужъ.

— Охъ я бѣдная, несчастная! — Гриша мой родимый! Сгорѣлъ ты, голубчикъ въ огнѣ горячемъ! Некому тебя, моего голубчика, было вытащить... охъ я бѣдная, горемычная!...

Рыданія и стоны жены мучили и терзали мужа. Онъ торопливо накидывалъ на плечи дырявый ярмячишко, купленный у сосѣда и уходилъ изъ избы. Жилъ онъ послѣ пожара на квартирѣ у знакомаго мужика въ ожи-

даніи, какъ говорилъ, случая поступить къ кому нибудь на службу.

— Ужъ очень у меня Агафья убивается, такъ инда сердце мое на части рветъ, думалъ онъ бродя около пепелища сгорѣвшаго дома и развлекался тѣмъ, что изрѣдка взглядывалъ на тайнственный уголокъ въ огородѣ, гдѣ хранилось его сокровище.

— А вынять-бы ихъ оттуда? приходило ему не рѣдко на мысль, но не смотря на сильнѣйшее желаніе овладѣть поскорѣе своимъ богатствомъ, онъ удерживалъ себя.

— Рано, рано. Подождать надо, впереди — все мое, рѣшалъ онъ и уходилъ съ пепелища назадъ, раздумывая о томъ, куда-бы по дальше уѣхать изъ Челнykова.

Полгода онъ прождалъ.

Агафья начинала сживаться съ своимъ горемъ, поплакала, поплакала и, покорившись волѣ божіей, примирилась съ несчастіемъ, казавшимся ей сначала неизбывнымъ: время взяло свое.

Бѣловъ нерѣдко сталъ уѣзжать въ городъ, какъ говорилъ, для пріисканія себѣ мѣста и однажды, возвратившись въ Челныково, сказалъ женѣ:

— Ну Агафья, говори слава Богу.

— Слава Богу, повторила жена, думая, что мужъ получилъ мѣсто.

— Дѣло я себѣ нашолъ, завтра поѣдемъ въ городъ Черемисовъ...

— Какое-же дѣло, мѣсто, что-ли, у кого?

— Да, мѣсто, отрывисто объяснилъ мужъ: — собирайся къ завтрему.

На другой день утромъ, въ крестьянскихъ санишкахъ тощая лошаденка везла его въ городъ, вмѣстѣ съ женой.

— Куда-же ты теперь, Ѳедоръ Григорьичъ, пробираешься? спрашивалъ Бѣлова возница, ежась отъ мороза на козлахъ.

— Въ Черемисовъ ѣду, тамъ у меня есть одинъ знакомый купецъ — дѣло обѣщалъ дать, — нехотя отвѣчалъ Бѣловъ.

— Тэкъ-съ, задумчиво заключилъ возница, — а что, Ѳедоръ Григорьичъ, чай тебѣ сынишка-то жалко, а?

Бѣловъ не отвѣчалъ и закутался подъ кошму.

Добравшись до перваго города, Бѣловъ взялъ почтовыхъ лошадей и поѣхалъ далѣе. Чрезъ нѣсколько дней показались высокія колокольни церквей города Черемисова, и почтовая пара привезла Бѣлова на постоялый дворъ.

Въ Челныковѣ мужики разсказывали послѣ отъѣзда Бѣлова, что наканунѣ видѣли, какъ онъ поздно ночью бродилъ около сгорѣвшаго дома; другіе говорили, что видѣли его когда онъ перелѣзалъ черезъ плетень изъ огорода.

— Зачѣмъ онъ лазилъ въ огородъ ночью и что онъ такое тамъ дѣлалъ? спрашивали крестьяне другъ друга и остались въ большомъ недоумѣніи...

IV.

Холодный зимній день. Морозъ стоитъ на сторожѣ. Хруститъ и скрипитъ подъ ногами снѣгъ, солнце свѣтитъ, но нисколько не согрѣвая, только играетъ и искрится на бѣлыхъ сугробахъ снѣга. Суббота. Въ городѣ Черемисовѣ базарный день. По улицамъ уставлены въ два длинные ряда крестьянскія сани, съ сельскими произведеніями. Мужики переступаютъ съ ноги на ногу, постукивая облелѣнѣвшими лаптями, какъ камнями, хлопаютъ рукавицами рука объ руку; бороды ихъ похожи на снѣжные комки, на усахъ висятъ длинныя заледѣнѣвшія сосульки. Холодно. Народъ, погоняемый морозомъ, торопливо снуетъ по улицамъ; въ числѣ покупателей видится фигура Ѳедора Григорьева Бѣлова. Одѣтый въ теплую, крытую синимъ сукномъ шубу, подпоясанный краснымъ, кумачевымъ кушакомъ, отъ торопливо переходитъ отъ воза къ возу, долго и горячо торгуется съ мужиками, покупаетъ у нихъ кули, муку, овесъ, пухъ и проч. и проч. Часть возовъ двигается за нимъ по направленію къ его собственному домику. Бѣловъ самъ принимаетъ и вѣшаетъ и считаетъ купленное отъ крестьянъ, самъ расчитываетъ ихъ. Мужики внимательно смотрятъ на вѣсы, почесывая спины и головы, внимательно пересчитываютъ по нѣскольку разъ полученныя отъ Бѣлова деньги и набранившись досыта за то, что обвѣсилъ и обсчиталъ, выѣзжаютъ со двора и огляды-

ваясь назадъ, еще посылаютъ къ амбару, — гдѣ господствуетъ Бѣловъ, — послѣднюю брань, вырывающуюся изъ сердца при воспоминаніи о потерѣ трудовой копѣйки.

— Чтобъ тебѣ, прости Господи, не было ни дна ни покрышки.

— Чтобъ тебя за мою гривну, лѣшака, колесомъ переѣхало, слышится съ улицы отъ удаляющихся саней.

— А чортъ васъ побери, брань не чадъ, — глаза не ѣстъ, думаетъ Бѣловъ и продолжаетъ свое дѣло.

Около вѣсовъ стоитъ низенькій, сухощавый, подслѣповатый вотякъ; давно погасшая маленькая трубка торчитъ у него между зубовъ. Онъ безсмысленно и тупо смотритъ на вѣсы и вздыхаетъ. Бѣловъ взвѣсилъ его мѣшокъ съ пухомъ, высыпалъ пухъ въ общій большой кулъ и положилъ на вѣсы пустой мѣшокъ.

— Вотъ смотри, обратился онъ къ вотяку, — видишь, у тебя было пуху съ мѣшкомъ вмѣстѣ двѣнадцать фунтовъ, — теперича мѣшокъ вѣситъ три фунта, видишь?

— Вижу бачка, также тупо и боязливо отвѣчаетъ вотякъ.

— Ну, значитъ пуху-то чистаго девять фунтовъ, понялъ?

— Ой бачка, не понялъ... мѣшокъ у меня большой, больно большой, пуху у меня бачка было много, много было пуху... не понялъ бачка, запинаясь отвѣчалъ вотякъ и принялся сосать давно остывшую трубку.

— Понимай, девять фунтовъ твоего пуху...

— Ой, бачка не понялъ... пуху у меня много было...

— Дуракъ ты! Вотякъ такъ вотякъ и есть — пухъ вѣдь легкой, по вѣтру летитъ, а мѣшокъ-то тяжолый...

— Назадъ я лучше возьму бачка, давай лучше назадъ мой мѣшокъ, пуху много...

— Ну чортъ съ тобой, — бери! я тебѣ сейчасъ девять фунтовъ пуху накладу въ мѣшокъ, сердито заключилъ Бѣловъ.

Вотякъ торопливо упалъ на колѣни и заплакалъ.

— Бачка-а! жалѣй! жалѣй! я бѣдный вотякъ, жалѣй Христа ради! Въ звукѣ его голоса слышалось такое отчаянное горе, такая глубокая печаль выражалась въ немъ, что даже Бѣловъ съежился и отошелъ къ дверямъ амбара.

— О, бачка, не обижай бѣдной вотякъ! со слезами просилъ обиженный и стукался лбомъ о холодный снѣжный полъ амбара.

— На, вотъ деньги, вотская лопатка! на, за двѣнадцать фунтовъ кладу, — пошолъ! крикнулъ Бѣловъ и вытащилъ вотяка изъ амбара.

Медленно поднялся вотякъ на ноги, худенькій зипунишко его былъ весь въ снѣгу. Онъ тревожно и боязливо посмотрѣлъ кругомъ, — пусто было во дворѣ. Глубоко вздохнувъ, бѣдный, обиженный человѣкъ взялъ безсознательно сунутыя ему грубо въ руку деньги, не считалъ даже ихъ и молча, повѣсивъ голову, выѣхалъ со двора.

Бѣловъ заперъ амбаръ, постоялъ еще нѣсколько времени у воротъ *благопріобрѣтеннаго* дома и, засунувъ въ ворота запоръ, отправился въ комнату.

Послѣ дневныхъ трудовъ онъ съ удовольствіемъ пилъ чай и весело разговаривалъ съ своей Агафьей.

— Ничево Агафья, молись только Богу, — вотъ по немногу, по немногу и разживемся, знаешь есть поговорка: „худъ торжокъ — да свой горшокъ.“

— Дай Господи Батюшка! а я ужъ Ѳедорушка притужилась, какъ намъ съ тобой и жить — домъ, ты говоришь, купилъ въ долгъ, о хо-хо!..

— Ничего Агафья — ты только помалчивай больше, да не болтай ни съ кѣмъ — молись Богу, все будетъ ладно.

— Я ужъ и то молюсь...

Поужиналъ Ѳедоръ Григорьевичъ, сотворилъ свою вечернюю молитву и отходя ко сну, соображалъ, сколько ему останется барыша отъ базарнаго дня. Вспомнился ему вотякъ:

— Экой казанской сирота, какъ жалобно выводилъто каналья — подумалъ Бѣловъ и заснулъ.

V.

Богатъ и славенъ въ городѣ Черемисовѣ купецъ Ѳедоръ Григорьевичъ Бѣловъ. Каменный двухъ-этажный домъ его, что твой дворецъ, красуется противъ голубо-

го соборнаго храма; въ окнахъ вставлены цѣльныя бемскія стекла, изъ-за которыхъ красиво выглядываютъ на улицу всевозможныя растенія и цвѣты. Лавки и амбары его полны товарами, на пристани у судоходной рѣки кипитъ работа: тысячи кулей хлѣба, овса, ячменю, гороху перегружаютъ изъ амбаровъ въ коноводныя машины, составляющія, какъ и означенные выше продукты, полную неотъемлемую собственность Ѳедора Григорьевича. Сотни рабочихъ двигаются взадъ и впередъ, согнувъ свои изможженныя усиленнымъ трудомъ спины; десятки прикащиковъ наблюдаютъ за работами и покрикиваютъ на поденщиковъ. Въ сторонѣ около амбаровъ тянутся постройки канатнаго завода,—тамъ кипитъ тоже работа,—и все это покорно и подвластно Ѳедору Григорьевичу, подвластно потому, что онъ собственникъ капиталистъ, дающій рабочимъ возможность заработывать тяжелымъ трудомъ кусокъ хлѣба...

На высокомъ берегу широко раскинулась и далеко ушла вдаль, точно лѣсъ дремучій,—большая роща съ фруктовыми деревьями. Сторожа охраняютъ зрѣющіе плоды отъ неподвластныхъ Бѣлову птицъ; стеклянныя колокола, развѣшанныя по всему саду, издаютъ при легкомъ вѣтрѣ звонъ на страхъ и угрозу пернатымъ воришкамъ. Различной архитектуры бесѣдки красуются на площадкахъ сада, окруженныя густой зеленью растеній, и какъ будто манятъ къ себѣ, въ прохладную тѣнь, подъ свои разноцвѣтныя фигурныя крыши.

Лѣтнее солнце ярко и весело свѣтитъ. По дорожкамъ,

усыпаннымъ мелкимъ желтымъ песочкомъ, прохаживается владѣтель сада Ѳедоръ Григорьевичъ. Онъ уже не тотъ черноволосый, ловкій и статный парень съ маленькой бородкой,—время его измѣнило, онъ сгорбился и посѣдѣлъ, длинная бѣлая борода покрываетъ почти всю грудь. Голосъ его сдѣлался глухимъ—точно изъ бочки раздается, глаза вѣчно смотрятъ изъ-подлобья, вѣчно онъ нахмуренъ и ни на минутку не перестаетъ поводить, изъ стороны въ сторону, густыми, тоже посѣдѣвшими, бровями.

Шолъ онъ по саду и, замѣтивъ на землѣ отвалившееся отъ куста яблоко, крикнулъ:

— Эй вы, хамы!

Нѣсколько сторожей прибѣжали на зовъ хозяина.

— За что я вамъ, подлецамъ, деньги плачу?

Сторожа молчатъ.

— За что деньги я плачу вамъ, а?

— За охранененіе сада, робко отвѣчаютъ сторожа.

— Только? За охраненіе сада только, а? возвышая тонъ, сердито спрашиваетъ хозяинъ.

Сторожа робко взглядываютъ на разгнѣваннаго хозяина и не знаютъ, что отвѣчать.

— Слышите? за охраненіе сада, что-ли, я вамъ даю деньги, а?

— Точно такъ, едва слышно прошепталъ одинъ изъ сторожей, стоявшій впереди.

Бѣловъ подскочилъ къ нему и далъ ему пощечину.

— Простите, Ѳедоръ Григорьевичъ, виноватъ! не зная своей вины, извинялся сторожъ.

— Что-жъ ты стоишь, столбъ? сердится Бѣловъ.

— Чево прикажите,—мы готовы...

— А это что, а? кричалъ Бѣловъ, указывая на лежавшее въ сторонѣ яблоко.—Это что, видишь?

— Вижу, робко прошепталъ стоявшій впереди сторожъ съ багровымъ румянцемъ на правой щекѣ.

— Что это такое?

— Яблоко, Ѳедоръ Григорьевичъ, зашинаясь объяснилъ сторожъ и, совершенно растерявшись, не трогался съ мѣста.

Бѣловъ далъ ему толчокъ въ шею, сторожъ упалъ и ткулся носомъ въ землю.

— Понюхай ее, — послѣ будешь чутьемъ слышать гдѣ яблоко упало.

— Простите Ѳедоръ Григорьевичъ! Оплошали!.. Мы, то есть, завсегда... оправдывались сторожа.

— Дармоѣды вы, вотъ что! Деньги только брать ваше дѣло, а не за садомъ смотрѣть.

— Простите, то есть, мы завсегда съ усердіемъ, это ужъ какъ-то нечаянно проглазѣли...

— Я вамъ дамъ глазѣть!.. Если еще разъ когда замѣчу безпорядки, грозно говорилъ онъ своимъ глухимъ голосомъ, обращая рѣчь ко всѣмъ сторожамъ:— если замѣчу что нибудь не такъ, то всѣхъ васъ прогоню въ шею и ни гроша вамъ не отдамъ за службу,— поняли?

— Поняли, Ѳедоръ Григорьичъ, будемъ стараться, всегда, значитъ, съ полнымъ усердіемъ...

— Я вамъ задамъ полное усердіе. Дармоѣды! ворчалъ онъ, уходя по песчаной дорожкѣ вдоль сада къ выходу.

Ушелъ грозный хозяинъ изъ сада и, возвратившись въ свой богатый домъ, поджидалъ возвращенія своихъ прикащиковъ съ пристани. Вскорѣ сумерки смѣнились вечеромъ, въ кабинетъ Бѣлова подали стеариновыя свѣчи, и прикащики, осторожно ступая своими большими сапогами по коврамъ, стали по очереди входить въ кабинетъ своего хозяина.

Первый вошедшій прикащикъ осторожно кашлянулъ себѣ въ ладонь и остановился у косяка двери.

— Ну что? раздался глухой вопросъ сѣдаго хозяина, сидѣвшаго по обыкновенію нахмурясь, въ своемъ высокомъ мягкомъ креслѣ.

— Принялъ-съ, почтительно доложилъ прикащикъ.

— Отъ кого сколько?

Прикащикъ переименовалъ всѣхъ, отъ кого принималъ купленный Бѣловымъ хлѣбъ.

— Какъ принималъ? повторился снова короткій вопросъ.

— Отъ всѣхъ принималъ куль въ куль, потому— осторожны. Только вотъ-съ Капитона Петровича прикащика угостилъ, значитъ какъ вы изволили приказывать,—чаю, примѣрно съ ромомъ, водки этой полшто-

фа поставилъ... Ну потомъ, значитъ, слободно было, все равно изъ своего амбару вываливалъ...

Хозяинъ сгорбился на креслѣ, и низко опустивъ голову, спросилъ.

— Ну, а другіе прикащики что-же?

— Тѣ, тово-съ... осторожны,—послѣ пріемки, говорятъ, пожалуй...

Бѣловъ, не перемѣняя положенія, долго сидѣлъ, смотря въ полъ и молчалъ.

Прикащикъ опять кашлянулъ въ руку.

— Сколько отъ Капитона-то лишнихъ кулей принялъ?

— Шестьдесятъ два, видно...

— Ну, ступай.

Прикащикъ переступилъ съ ноги на ногу и опять кашлянулъ.

Ступай, повторилъ глухо хозяинъ.

— Да я, Ѳедоръ Григорьичъ, то есть на счетъ жалованья... мать вчера приходила, на хлѣбъ, говоритъ, надо...

— Завтра, обрѣзалъ хозяинъ, смотря по прежнему въ полъ.

Прикащикъ вышелъ. На смѣну явилея другой съ вопросомъ:

— Что прикажите?

— Ну? роздался глухой вопросъ съ кресла.

— Что прикажите? снова повторилъ прикащикъ, перебирая пальцами.

Хозяинъ медленно поднялъ голову, долго смотрѣлъ на прикащика, какъ будто видѣлъ его въ первый разъ и потомъ не торопливо протянулъ:

— Дуракъ! Ты зачѣмъ ко мнѣ пришелъ, а?

— Получить разсчетъ поденщикамъ, отвѣчалъ прикащикъ, начиная трусить отъ грознаго хозяйскаго взгляда.

— Такъ какихъ же ты у меня приказаній просишь, а? Дуракъ! вставая съ кресла, сказалъ хозяинъ и подошелъ къ большему желѣзному сундуку.

Раздался звукъ отпираемаго замка, смѣшанный съ какимъ-то непріятно дребезжавшимъ звономъ; три раза повернулся ключъ въ рукахъ сѣдого хозяина и три раза прозвучалъ замокъ свое отвратительное вступленіе къ открытію отверстія въ сокровищницу Бѣлова.

— Сколько рабочихъ было? уткнувшись лицомъ въ сундукъ спросилъ хозяинъ, стоя предъ своими сокровищами на колѣняхъ.

— На перегрузкѣ хлѣба было шестьдесятъ человѣкъ, по тридцати копѣекъ рядились, всего выходитъ восемнадцать рублей,—объяснилъ прикащикъ.

— Ну, будетъ имъ и по четвертаку, не велика работа,—все равно пропьютъ, канальи... Ну, а на канатной-то сколько?

— На канатной сегодня — восемдесятъ, цѣна тоже по тридцати, на двадцать четыре рубля. Всего нужно-съ сорокъ два рубля.

— Жирно, жирно, какъ бы про себя бормоталъ

хозяинъ, считая кредитные билеты, — всѣмъ по четвертаку отдай, довольно, да и счетъ ровнѣе.

Онъ вынулъ изъ сундука тридцать пять рублей. Снова повторился непріятный звукъ щелканья замка съ дребезжащимъ звономъ. Старикъ поднялся на ноги, разогнулъ свою старую спину и, подойдя къ столу, положилъ на него деньги.

— Бери, сказалъ онъ прикащику, отойдя въ сторону и указывая пальцемъ на столъ.

Прикащикъ молча подошелъ къ столу и взялъ положенныя деньги.

Бѣловъ уже лѣтъ сорокъ не давалъ ни кому, изъ рукъ въ руки, деньги, а всегда клалъ ихъ на столъ, отходя самъ въ сторону. Онъ придавалъ этой тактикѣ таинственное значеніе и находилъ, что она имѣетъ прямое и непосредственное отношеніе къ его капиталу: деньги, не переданныя руками ихъ владѣльца, а просто взятыя со стола, какъ-бы украденныя,—тоскуютъ и сами спѣшатъ поскорѣе возвратиться въ сундукъ своего прежняго хозяина.

Прикащикъ съ деньгами стоялъ у дверей.

Бѣловъ тихо опустился въ свое мягкое кресло и, уставивъ глаза въ полъ, спросилъ прикащика.

— Ну, что стоишь?

— Ѳедоръ Григорьевичъ, робко началъ прикащикъ,— рабочіе будутъ кричать...

— Выгони ихъ въ шею... Ступай.

— Я нанималъ по тридцати копѣекъ...

— Завтра,—скажи, что остальныя завтра получатъ, теперь въ кассѣ больше нѣту,—глухо говорилъ хозяинъ, не поднимая отъ полу глазъ.

— Послѣ, пожалуй, наниматься не будутъ, прошепталъ едва слышно прикащикъ, боязливо взглядывая на сгорбленнаго старика, сидѣвшаго въ креслѣ, низко опустивъ сѣдую голову.

— Дуракъ! спокойно и тихо заключилъ хозяинъ,— болванъ! продолжалъ онъ, грустно покачивая головой,— какже они будутъ жить-то, и что же они по твоему будутъ жрать, а? Наниматься не будутъ, такъ и жрать нечего будетъ...

Прикащикъ молчалъ.

— Ступай, заключилъ старикъ, махнувъ рукой.

Чрезъ нѣсколько минутъ дверь кабинета тихо отворилась и фигура прикащика снова показалась въ дверяхъ.

Бѣловъ быстро поднялся съ кресла.

— Что тебѣ нужно? раздался его грозный вопросъ

— Ничево-съ, Ѳедоръ Григорьевичъ, отвѣчалъ оробѣвшій прикащикъ.

— Вонъ! какъ ты смѣешь меня безпокоить? Вонъ!

— Рабочіе кричатъ, просятъ остальныя деньги...

— Вонъ!... Скажи, что завтра...

Прикащикъ не замѣтно скрылся за дверью. Сѣдой хозяинъ заперся на замокъ въ своемъ кабинетѣ и началъ считать деньги.

Со двора долго слышался шумъ и крикъ, рабочіе

просили свои пятаки, прикащикъ уговаривалъ ихъ и божился, что хозяинъ отдастъ.

— Да вѣдь мы знаемъ твоего хозяина — обманетъ, слышалось за разъ сто голосовъ.

— Отдай наши пятаки!

— Завтра ребята, ей Богу право хозяинъ сказалъ, что завтра—теперь въ кассѣ гроша нѣту, божился прикащикъ.

— Врете вы жидоморы!

— Нечестное это дѣло, а еще — богатые купцы!

— Подавиться-бы вамъ нашими пятаками!

Толпа покричала, поругалась и пошла со двора, не переставая бранить Бѣлова.

Прикащикъ стоялъ посреди двора и все вслушивался въ говоръ уходящей толпы.

— Что это мнѣ здѣсь за мука, думалъ онъ уходя въ душную и тѣсную прикащескую комнату, — ушелъ-бы вотъ кажется, убѣжалъ-бы сломя голову въ лѣсъ... Судьба моя!.. А поди попросись къ другому — два мѣсяца будешь пороги обивать да кланяться, точно нищій будешь просить милости принять на службу,—доходишь до того, что жрать нечего будетъ, да пожалуй найдешь мѣстечко не лучше здѣшняго...

Онъ вошелъ въ прикащескую.

На столѣ стоялъ штофъ водки и нѣсколько пустыхъ бутылокъ, сальная свѣча чуть горѣла въ общей духотѣ, подсвѣчникъ былъ затыканъ окурками папиросъ.

Пьяныя грязныя фигуры прикащиковъ торчали около стѣнъ. Сынъ хозяина, Дмитрій Ѳедоровичъ, восемнадцатилѣтній мальчикъ, отплясывалъ посреди грязной комнаты, казачка, подъ отчаянные звуки балалайки.

— Важ-ж-но! поощряли пьяные голоса.

— Откалывай! ревѣлъ тренькавшій на балалайкѣ.

— Сенька! закричалъ хозяйскій сынъ, увидя входящаго:—слышь! вали сичасъ черезъ заплотъ къ Шабалкину въ погребокъ—живо,—двѣ бутылки шампандуріи—понимашь?

— Дмитрій Ѳедоровичъ, какъ бы тятенька въ окно не увидѣлъ...

Осторожнѣй! Умѣй!..

— Въ кабинетѣ у него огонь горитъ,—грѣха-бы не было...

— Паш-шолъ, мор-р-да!

Семенъ повернулся назадъ и вышелъ изъ конуры.

Въ кабинетѣ сѣдого хозяина дѣйствительно горѣлъ огонь, свѣтъ изъ окна падалъ длинной широкой полосой по двору. Ночь была тихая, звѣздная, теплая... Съ улицы доносился лай собакъ и унылая пѣсня сторожа, охранявшаго ворота Бѣловскаго дома.

— „Эхъ вы ночки, ночки те-е-мны,
Надоѣли вы, ночки мнѣ да надоскучили...“

Тоскливо слышалось въ тишинѣ ночи.

Сторожъ выводилъ свои деревенскія рулады и изрѣдка постукивалъ палкой о заборъ. Семенъ осторожно пере-

лѣзъ на заднемъ дворѣ чрезъ заплотъ и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился тѣмъ же путемъ назадъ.

Въ прикащеской комнатѣ шла по прежнему гулянка.

— Ай-да Сенька! Молодецъ Сенька! Помни — буду хозяиномъ, заслуги твои оцѣню вполнѣ, какъ должно! обѣщалъ давно захмѣлѣвшій будущій наслѣдникъ.—Нуко, Егорушка, жарь барыню, а послѣ маціону шампандурію потянемъ, распорядился онъ.

Егорушка, давно осоловѣвшій съ сивухи, пошатываясь, прижался въ уголъ и затренькалъ, подтягивая дискантомъ:

«Ахъ барыня, барыня,
«Сударыня барыня...

Дмитрій Ѳедоровичъ, упираясь руками въ бока, шолъ козыремъ по избѣ, присѣдалъ, кланялся и потомъ, встряхнувъ кудрявыми волосами, пускался въ присядку, выдѣлывая ногами разныя колѣнца.

— Важ-жно! поощряли прикащики.

— Вали шампандурію!... ходитъ! вскрикивалъ будущій наслѣдникъ, продолжая выдѣлывать ногами свой хитрые, отчаянные па.

VI.

Разгулъ былъ въ полной силѣ, какъ вдругъ наружная дверь прикащеской конуры отворилась, и сѣдая борода суроваго хозяина показалась въ дверяхъ. Пья-

ная толпа ошалѣла и въ первый моментъ не могла прійдти въ себя, потомъ черезъ нѣсколько секундъ, всѣ стали приглаживать на опьянѣвшихъ головахъ всклокоченные волосы и старались принять на себя болѣе или менѣе приличный видъ. Сынъ хозяина сначала остановился какъ вкопанный, потомъ хотѣлъ скрыть свою съежившуюся печальную фигуру за спинами своихъ товарищей, но голосъ отца уже давно гремѣлъ въ душной атмосферѣ, и тяжеловѣсныя пощечины летѣли на пьяныя, красныя рожи прикащиковъ.

— Подлецы! сволочь! пьяницы! приговаривалъ за каждымъ ударомъ разгнѣванный старикъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... помилуйте... бормотали непослушные языки прикащиковъ.

— Что вы въ моемъ домѣ кабакъ открыли, а? Сына моего пьянствовать учите, а?

— Какъ м-мо-ж-жно... это никогда-съ...

— Молчи, пьяная рожа, растопчу на мѣстѣ! продолжалъ кричать хозяинъ, тыкая кулакомъ прямо въ средину лица оправдывавшагося прикащика.

— Ключи! ключи отъ амбаровъ! Давайте ключи, сволочь! пьяницы!...

Дошла очередь и до сына.

— Ты паршивецъ, обратилъ свой гнѣвъ старикъ на угнетенную жалкую фигуру Дмитрія Ѳедоровича: — ты мальчишка поганый! Пьянствовать научился, подлецъ!

Старикъ схватилъ его за длинные волосы и началъ кружить и таскать своего сына по грязному полу при-

кащеской комнаты, тыкая по временамъ носомъ въ полъ.

— Тятинька! голубчикъ! Помилуйте, Христа ради, ревѣлъ сынъ.

— Я тебя, скотину, помилую! Я васъ всѣхъ подлецовъ помилую! кричалъ старикъ, не переставая возить сына по грязному полу и угощать ногами въ бока. Сначала сынъ кричалъ, просилъ помилованія, потомъ голова его закружилась, голосъ дѣлался тише и тише, наконецъ совсѣмъ замолкъ, обезсиленное тѣло, какъ снопъ, волочилось по полу. Старикъ съ презрѣніемъ бросилъ его въ сторону, какъ старую тряпку, какъ негодную ни на что вещь и снова кричалъ на прикащиковъ.

— Ключи! Давайте ключи! Будьте вы прокляты!

— Помилуйте, мы завсегда... готовы то есть въ огонь и въ воду...

— Черти! сволочь!

Хозяинъ еще болѣе сердился отъ пьяныхъ оправданій прикащиковъ и сыпалъ пощечинами на всѣ стороны. Прикащики корчили рожи, мигали, сами подставляли свои щеки, снова мигали и покачивались отъ опьяненія.

— Ключи отъ абаровъ, лавокъ и пакгаузовъ! Ключи говорю, давайте! топая ногами, кричалъ старикъ. Сѣдые волосы его были всклокочены, борода тряслась и самъ онъ начиналъ задыхаться отъ злобы, усталости и душной атмосферы прикащеской конуры.

Лежавшій на полу избитый сынъ пришелъ въ себя и ползкомъ началъ выбираться изъ конуры.

— Стой! подлецъ! закричалъ отецъ: — куда хочешь улизнуть? Пьяница!

Усердный толчокъ ногой былъ снова пущенъ въ бокъ сыну.

— Вставай, скотина!

Сынъ едва поднялся на ноги. Старикъ отобралъ у прикащиковъ ключи и пошелъ.

— Ишь, подлецъ, присмирѣлъ — не ходишь козыремъ-то по избѣ, я тебя выучу—приговаривалъ отецъ, тыкая сына въ шею и погоняя его идти проворнѣй по лѣстницѣ.

Агафья, мать Дмитрія Ѳедоровича, сдѣлавшаяся со времени переѣзда изъ Челнykова въ Черемисово, — Агафьей Ивановной, — всплеснула руками, увидя избитаго, окровавленнаго сына.

— Ахъ ты мой батюшка! взвизгнула она.

— Что, заревѣлъ Ѳедоръ Григорьевичъ на жену:— ты потатчица! ты виновата, что Митька совсѣмъ съ кругу спился, а?

Супруга скушала пощечину, утерла набѣжавшія слезы и ничего не отвѣчала.

— Чего ты смотрѣла, что его въ комнатѣ нѣтъ? Отчего мнѣ не сказала? Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что если Митька изъ комнаты уйдетъ, сейчасъ мнѣ сказывай, а? Не говорилъ я тебѣ, а? Старикъ подскочилъ къ своей сожительницѣ, затрясъ ее темную, шер-

стяную шаль и кричалъ. Старуха пугливо взглядывала на своего сожителя и шептала молитву.

— Господи! укроти ты его гнѣвъ! думала она, а старикъ между тѣмъ тормошилъ ея старое тѣло.

— Да пусть онъ собака сгніетъ тутъ у тебя на глазахъ. У! скотина! заревѣлъ онъ, бросаясь снова къ сыну, стоявшему у стѣны, угрюмо повѣсивъ голову...

На дворѣ была уже полночь. Луна свѣтила полнымъ свѣтомъ въ богатыя широкія стекла Бѣловскаго дома, и еще отвратительнѣе казались лица озлобленнаго старика, придавленной, покорной старухи и избитаго изувѣченнаго сына.

Сторожъ дремалъ у калитки воротъ. Тишина стояла надъ городомъ, гдѣ-то въ дальней улицѣ раздалось „караулъ“ —и потомъ снова все затихло.

VII.

Не пришлось Дмитрію Ѳёдоровичу быть наслѣдникомъ батюшкиныхъ денегъ, не имѣлъ онъ возможности вознаградить заслугъ прикащиковъ, доставлявшихъ ему случай развернуться въ ихъ конурахъ, отвести душу въ ихъ пріятномъ обществѣ. Ѳедоръ Григорьевичъ, открывъ тайное убѣжище начинавшаго загуливать сынка, поучилъ его по отечески, разогналъ всѣхъ прикащиковъ безъ всякаго разсчета; сторожъ, распѣвавшій у воротъ унылыя пѣсни, тоже пострадалъ, ни за что ни про что,

при общей свалкѣ и былъ уволенъ безъ жалованья. Старикъ усерднѣе прежняго сталъ заниматься воспитаніемъ сына, чаще обыкновеннаго сталъ заглядывать въ его комнату и иногда запиралъ его на ключъ, но не далась сынку наука: чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе съ кругу спивался сынокъ, начиная,—по закрытіи въ погребкахъ и кабакахъ кредита,—таскать изъ дому серебрянныя ложки.

— Женить развѣ его? подумалъ отецъ,—не даромъ пословица гласитъ, что женится — перемѣнится.

Сказано — сдѣлано. Послали сватовъ въ другой городъ,—въ своемъ-то трудненько было, потому что всѣ уже знали Дмитрія Ѳедоровича до тонкости. Пріѣхали сваты отъ богатаго жениха и сосватали богатую невѣсту. Кой какъ вытрезвили жениха и справили свадьбу добрымъ порядкомъ. Возвратились молодые въ Черемисовъ, встрѣтили ихъ съ торжествомъ и почетомъ, домъ Бѣлова былъ иллюминованъ разноцвѣтными огнями, народу были выкачены на улицу бочки пива и водки, въ домѣ и на улицѣ всю ночь играла музыка, толпа за даровое угощеніе кричала ура и желала молодымъ счастія... Но ни разноцвѣтные огни, ни музыка, ни желанія опьянѣвшей толпы не внесли счастія въ семейную жизнь Дмитрія Ѳедоровича. Пословица впрочемъ сбылась: перемѣнился сынокъ, — прежде пилъ по полуштофу, а женившись началъ вышивать по цѣлому штофу. Пожила съ нимъ молодая супруга, помучилась лѣтъ пять, чахла, чахла и умерла. Вслѣдъ за ней вскорѣ и жена Ѳедора

Григорьевича Агафья Ивановна отправилась — эта ужъ отъ старости: смирная была баба и прожила свой вѣкъ спокойно, не смотря на то, что подъ сердитую руку Ѳедора Григорьевича, попадалась нерѣдко, — но вѣдь это вещь обыкновенная...

Схоронивъ невѣстку и жену, старикъ сдѣлался еще сумрачнѣе и еще болѣе хмурились его сѣдыя брови. Сына онъ не хотѣлъ видѣть потому, что досадно-же наконецъ: училъ, училъ, билъ — рукъ своихъ не жалѣючи и—вдругъ такая черная неблагодарность! Далъ онъ въ его распоряженіе флигель, положилъ на его имя въ банкъ часть капиталу,—какая-то бѣдная женщина,— отъ хорошей вѣроятно жизни, — рѣшилась выйдти за овдовѣвшаго Дмитрія и связала себя навсегда съ человѣкомъ — идіотомъ. Впрочемъ, онъ ведетъ себя смирно спитъ и пьетъ, пьетъ и спитъ и, вѣроятно, скоро покончитъ свое безслѣдное существованіе, потому что человѣческій организмъ не можетъ такъ долго выносить постояннаго систематическаго пьянства.

Остался Ѳедоръ Григорьевичъ одинъ одинешенекъ въ своемъ большомъ домѣ. Пуста и тяжела стала для него жизнь,—на сына рухнулись послѣднія надежды и порой въ часъ ночи, старикъ тревожно мечется въ своей мягкой постели; ему снится пожаръ, дымно и душно дѣлается ему и въ ушахъ снова раздается замолкшій когда-то давно, давно предсмертный вопль задыхавшагося въ горѣвшей избѣ малютки Гриши. Старикъ вскакиваетъ съ постели и начинаетъ креститься.

— Боже прости мои прегрѣшенія вольныя и невольныя! стонетъ онъ падая на колѣни предъ образами и долго долго стоитъ онъ въ согнутомъ положеніи и слышатся въ тишинѣ ночи его тяжелые стоны и глубокіе вздохи...

Чѣмъ старѣе дѣлался Ѳедоръ Григорьевичъ, тѣмъ чаще стала ему западать мысль о спасеніи своей грѣшной души. Прекратилъ онъ всѣ свои торговыя дѣла и обратился къ душеспасительной цѣли. По берегамъ широкой многоводной рѣки въ селахъ и деревняхъ воздвигалъ онъ церкви и часовни, въ городскіе храмы жертвовалъ разные вклады, дѣлалъ на св. иконы серебряныя ризы; садъ свой фруктовый отдалъ въ вѣчное владѣніе дѣтскому пріюту, построенному имъ же самимъ въ томъ саду. Успокоилась нѣсколько его душа отъ треволненій міра сего и началъ старикъ ожидать дня своей смерти. Въ черемисовской кладбищенской церкви, имъ-же построенной, онъ оставилъ для себя мѣсто подъ престоломъ, заказалъ гробъ и часто спускается въ этотъ склѣпъ смотрѣть на мѣсто своего успокоенія и предаваться благочестивымъ размышленіямъ о смертномъ часѣ. Часто слышится и теперь изъ склепа его глухой, замогильный голосъ: „помилуй раба Твоего!“,—прохожій, заслышавъ вдругъ изъ подъ церкви странные заупокойные звуки, со страхомъ крестится и, торопливо шагая дальше, долго не можетъ прійдти въ себя.

Прошло послѣ устройства могилы лѣтъ пять. Старикъ все ожидаетъ смертнаго часа но смертный часъ

не приближается. Ѳедоръ Григорьевичъ потерялъ зрѣніе, одряхлѣлъ, согнулся въ дугу и все живетъ и живетъ.

Славою въ народѣ, почетомъ и уваженіемъ отъ сограждан пользуется сѣдовласый старецъ. Дожидаетъ онъ своего смертнаго часа, а смертный часъ что-то замедлилъ и время еще болѣе сгибаетъ въ дугу сѣдовласаго семидесяти-лѣтняго старца, почетнаго гражданина и кавалера.

УѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ.

I.

Въ двухъ верстахъ отъ широкой рѣки К... на высокомъ, мѣстами поросшемъ деревьями, берегу, омываемомъ рѣчкой Поймой, стоитъ уѣздный городъ. На первомъ планѣ видѣнъ пятиглавый соборъ, мутно-голубого цвѣта, за нимъ и около него лѣпятся дома жителей; направо виднѣются еще двѣ церкви, въ значительномъ разстояніи одна отъ другой. Дома, стоящіе между церквами, чѣмъ далѣе уходятъ вправо, тѣмъ болѣе мельчаютъ и наконецъ совершенно переходятъ въ кривыя и косыя избушки сосѣдней деревеньки прилѣпившейся къ городу.

Внутри городка есть гостинный дворъ, есть вѣчная, никогда непросыхающая грязь по улицамъ, есть большіе каменные дома купцовъ, разбогатѣвшихъ отъ оптовой торговли, есть маленькіе домики мѣщанъ, перебивающихся мелкимъ торгомъ на базарѣ, есть магистратъ и больница, уѣздный судъ и тюремный замокъ, кабаки и базарная площадь, — словомъ, все то же, что можно

встрѣтить во всякомъ русскомъ уѣздномъ городѣ. Описываемый уѣздный городъ имѣлъ только ту особенность, что обладалъ чрезвычайно красивымъ, веселымъ и привлекательнымъ видомъ съ берега многоводной рѣки К... Простоватый проѣзжій нерѣдко думалъ, любуясь издали на городъ: „вотъ гдѣ благодать-то Божія!“ Но наружность иногда обманчива бываетъ: деревья городского сада хороши только издали; желавшій вблизи полюбоваться ими совершенно разочаровывался при видѣ громадныхъ кучь всевозможнаго навоза, наваленнаго кругомъ на огромное пространство. Небольшая рѣчка Пойма не допускала любопытнаго близко къ себѣ, потому что страшная вонь отъ свозимой къ ея берегамъ падали—коней, коровъ, собакъ — обдавала подходившаго нестерпимой вонью и вмѣсто того, чтобъ подышать одной жизнію съ природой, прохожій закрывалъ носъ рукой и бѣжалъ, насколько хватало силы, прочь отъ этой несчастной рѣчки.

Имѣлъ уѣздный городъ единственное порядочное вблизи себя мѣсто — березовую рощу. Въ этой-то рощѣ, именуемой „Козьей Горкой“, часто собираются жители уѣзднаго города отдохнуть въ жаркій лѣтній день отъ городской пыли и вони. Часто подростающія дѣти выпрашиваются у *тятиньки погулять на Козью горку,* посидѣть на скамьѣ около разваливающагося стараго домика, представляющаго собою воксалъ и поглазѣть въ щелки забитыхъ лубьями оконъ въ тёмную внутренность этаго зданія.

Въ прошедшіе годы моей невеселой юности, нерѣдко и я бывалъ въ этой рощѣ, нерѣдко задумывался, смотря на разрушающійся домикъ: какой это веселый человѣкъ тебя строилъ, и какую цѣль онъ имѣлъ при постройкѣ; служилъ-ты потѣхой прежнему отживающему теперь барству, или просто самодуръ купецъ, заполучивъ большіе барыши, построилъ тебя, чтобы наливаться до отвалу чаемъ *на вольномъ воздухѣ?* Бывалъ ли ты свидѣтелемъ веселыхъ юношескихъ радостей, билось ли въ стѣнахъ твоихъ молодое горящее сердце влюбленной дѣвушки, или не видали и не видятъ твои дряхлыя стѣны ничего подобнаго, кромѣ самодурства, деспотизма да приниженія человѣческой личности?

Вотъ сидятъ на твоихъ рузрушающихся скамейкахъ три подростающіе купеческіе сынка. Грустны ихъ лица и не веселый разговоръ они ведутъ между собою.

— Вчера тятинька, говорилъ одинъ, вырвалъ у меня книгу, и хорошая такая, занимательная книжка. Вся изъ пѣсней, сочинителя Кольцова... Вырвалъ, да и бросилъ въ печку. Зачѣмъ, говоритъ, ты такую похабщину читаешь?

— А мой тятинька, разсказывалъ другой, каждое утро приходитъ къ намъ въ горницу и обшариваетъ всѣ углы, и подъ подушками и вездѣ.—„потерялъ я, говоритъ, ребята одну бумажку—не завалялась ли она какъ у васъ тутъ?„... А мы ужь давно знаемъ, что онъ не бумажку ищетъ, а книги... Да какія у насъ книги? Все однѣ церковныя. Тятинька самъ все читаетъ вечерами и

насъ съ братомъ часа по два заставляетъ слушать. Скучно-то какъ, Господи!..

—Эхъ, вы ребятушки счастливые,—все это ничего, началъ третій, экая важность, что книги ищутъ да жгутъ, пусть ихъ жгутъ, за то хоть не дерутся...

—Что и говорить—не дерутся! сказалъ первый. У насъ тоже въ худой часъ подвернешься, такую затрещину съѣшь, что искры изъ глазъ посыплются.

—А у насъ-то что дѣлается! Дымъ коромысломъ стоитъ. Третьяго дня отецъ мою сестру за волосы поймалъ, да по двору такъ и тащилъ въ горницу: она въ огородѣ была, а сосѣдъ черезъ заплотъ разговаривалъ съ ней...

Вздохнулъ мальчикъ, вспомнивъ, какъ отецъ волочилъ его сестру по всему двору за волосы. Вздохнули и товарищи, вспоминая вѣроятно нѣчто похожее, бывавшее и съ ними.

Молчаніе прервалъ первый.

—Ты слышалъ, вчера у барина Шарыгина вечеромъ барышни плясали?

—Слышалъ, только не видѣлъ. А ты видѣлъ, что-ли?

—Нѣтъ, мы было просились съ братомъ мимо пройдти посмотрѣть, да тятинька не пустилъ: соблазъ, говоритъ, дьявольское, говоритъ, навожденіе.

—А я посмотрѣлъ, сказалъ грустно третій, да лучше-бы и не смотрѣть...

—Что, побили развѣ?

—Побили. Стряпка, подлая, сказала! Тятинька легъ спать, а мы съ прикащикомъ Ефимомъ и пошли тихонько... Сегодня меня тятинька ужь таскалъ, таскалъ за волосы, даже и теперь еще голова-то болитъ. Мамонька было вступилась, такъ онъ и ее треснулъ,—она такъ и завизжала...

—А Ефима что, билъ тоже?

—Ефима было прогналъ изъ дому. Тотъ сколько въ ногахъ у него валялся, плакалъ, прощенія просилъ... Тятинька еле уломался, а потомъ привелъ его къ образу, да перекреститься велѣлъ, чтобы былъ завсегда въ покорности и послушаніи...

Вотъ какіе разговоры велись объ отцахъ между подростающимъ поколѣніемъ. Вотъ что слышали нѣмыя стѣны разрушающагося домика. Эти будущіе купцы, конечно, не понимали и не могли себѣ представить всю неизмѣримую глубину невѣжества ихъ почтенныхъ родителей. Они только чувствовали боль и нравственную тяжесть, высказывали ее между собой, въ безъискуственной дѣтской жалобѣ и съ бараньей покорностью, всосанной съ молокомъ матери, несли свой тяжелый крестъ тяжелаго, гнетущаго, подавляющаго рабства. И шла ихъ жизнь своей томительной дорогой; вмѣсто сыновней любви былъ только страхъ и опасеніе за потасовку, вмѣсто откровенности и искренности были только скрытность да обманы. Потребность свободы давилась при первомъ своемъ проявленіи, и такимъ образомъ въ душной атмосферѣ деспотизма и самодурства выростали будущіе тор-

говые дѣятели—„могучее среднее сословіе„. Любознательность не удовлетворялось и вмѣсто нравственнаго и интеллектуальнаго развитія, дѣтей угощали одними проповѣдями, которыхъ и сами отцы не понимали, думая въ простотѣ души, что даже одинъ процессъ чтенія „Богу пріятенъ и для души спасенья полезенъ„. Поколѣніе, перешедшее за 18—20 лѣтъ, уже не думало и не печалилось о томъ, что тятинька книгу сжегъ.

Это поколѣніе сжилось уже съ своею жизнію, примилось съ окружающей средой и развлекается себѣ „заперши тятинькину лавку„, преферансикомъ, трыночкой до истощенія послѣднихъ силъ, въ шашки на орѣхи, а пожалуй, которые побогаче, и на сулейку-шипучку.

Уѣдетъ тятинька на ярмарку или въ Москву, и развернутъ дѣтушки по отъѣздѣ его всѣ свои силы, тѣшутся, какъ умѣютъ, на свободѣ. Одинъ покупаетъ рысака и тѣшится имъ въ отсутствіе тятиньки, другой гуляетъ съ утра до вечера гдѣ-нибудь въ слободкѣ, являясь домой съ обрюзглой рожей и пустыми карманами; третій изощряетъ всѣ свои способности въ кулачномъ бою и въ тасканіи двухъ-пудовыхъ гирь на ногахъ къ вящему изумленію товарищей, или оретъ во все горло многолѣтіе, подражая соборному дьякону.

—И что это, матушка, Анна Романовна, сынокъ-то вашъ все куралеситъ да дебоширничаетъ? плаксиво спрашиваетъ сосѣдка.

Какое, матушка, дебоширство? Пареньку-то только двадцатый годъ—пусть погуляетъ, боюсь только какъ

бы *самъ* не узналъ... Такой-то онъ у меня грозный да суровый.

А двадцатилѣтній паренекъ урѣзалъ въ слободкѣ полштофа, и расходилась его *купеческая натура*, зачесались молодецкія руки и разлетѣлись въ дребезги оконныя рамы.

—Што это вы, батюшка, Михайло Алексѣевичъ? Перестаньте! упрашиваютъ его оробѣвшіе хозяева.

—Молчать! Рожи сворочу на сторону... Ты знаешь, кто я? говоритъ паренекъ, дико поводя пьяными глазами.

—Знаемъ, слышится оробѣвшій голосъ.

—Зубы вышибу!

—Помилуйте! Вы наши отцы-кормилицы.

—То-то! На, вотъ двадцать-пять рублевъ на стекла,—бери!...

Заслышатъ дѣтушки о скоромъ пріѣздѣ *самого*, начинаютъ смекать свое опасное положеніе, вытрезвляютъ пьяныя головы и придумываютъ всевозможную ложь, которой бы можно отдѣлаться отъ неизбѣжныхъ встрепокъ и потасовокъ.

Къ чему приготовлялись эти люди, какъ они должны были представлять себѣ свою будущую дѣятельность, что такое богатство и зачѣмъ стремятся къ нему ихъ отцы всякими грѣшными и безгрѣшными средствами—эти вопросы оставались и остаются до сей поры нетронутыми и нерѣшенными, какъ для самихъ отцовъ, такъ и для дѣтей ихъ. Живутъ ихъ отцы въ своемъ тѣсномъ міркѣ, вздыхая о своихъ грѣхахъ вольныхъ и неволь-

ныхъ, представляютъ себѣ порой смертный часъ и философствуютъ о загробной жизни. „Міръ сей,—говоритъ какой нибудь уѣздный искатель истины,—есть юдоль грѣха, порока и скверны...“ Не пецытеся, сказано, а непрестанно молитеся, дабы Господь сподобилъ принять христіанскую кончину и далъ время покаянію...„

Имъ и въ головы никогда не приходило, что грѣшно и стыдно опираться на одно только покаяніе, жить только надеждой на прощеніе. Никогда не западала въ нихъ мысль о человѣческихъ обязанностяхъ, о благѣ общемъ, о несовершенствѣ ихъ общественной и частной жизни, о средствахъ къ ея улучшенію. Дѣти подростутъ, будутъ торговать, если только семейный гнетъ не свихнетъ ихъ натуру и, по смерти отца, сынъ не сдѣлается пьяницей или мотыгой. Будутъ и они воспитывать своихъ дѣтей по образцу своего воспитанія. Торгуя, будутъ они сколачивать свои гроши тѣмъ же порядкомъ, какъ и почтенный ихъ тятинька сколачивалъ, оставаясь глухи и нѣмы къ остальному міру, какъ будто весь онъ въ одномъ ихъ городѣ только и заключается. Такимъ образомъ минуетъ забитое дѣтство, бѣдное радостями и беззаботною веселостію, пройдетъ безцвѣтная юность купеческаго сынка, обиженнаго, по волѣ родителей, воспитаніемъ, возмужаетъ онъ и сдѣлается купцомъ. Выберутъ его на общественную службу, какъ богатаго и потому достойнаго человѣка, придетъ онъ въ магистратъ, слѣпой и нѣмой человѣкъ, подписываетъ бумаги, подкла-

дываемыя *дѣлягой*-секретаремъ, получающимъ отъ купцовъ тысячами.

—Ты ужь только, значитъ, Маркелъ Маркычъ, все, какъ есть, по закону, въ порядкѣ, чтобы,—понимаешь,—одно слово! А ужь мы, выходитъ, на счетъ, то-есть, благодарности завсегда готовы и, примѣрно, тово, съ почтеніемъ чаю и сахару во всякое время сколько хошь... одно слово! говоритъ купецъ секретарю.

Секретарь Маркелъ Маркычъ съ сладенькой улыбкой жметъ здоровенную руку купца. Перышко у него за ухомъ торчитъ.

—Все будетъ сдѣлано на точномъ основаніи свода законовъ, только вы подписывайте... Вотъ еще тутъ отступите немножко отъ этой строки... почтительно докладываетъ онъ.

—Коё мѣсто? спрашиваетъ купецъ.

—А вотъ тутъ, гдѣ сказано тридцать-перваго дня... тыкая своимъ тощимъ пальцемъ, объясняетъ Маркелъ Маркычъ:—тутъ и пишите: „бургомистръ такой-то„.

—Ну, и ладно. Дѣло выходитъ покончено... А „руку приложилъ„ не надо, что ли?

—Нѣтъ, нѣтъ, спѣшитъ перебить рѣчь купца заботливый секретарь.

—То-то; а я какъ-то прошеніе подавалъ на гербовомъ листѣ, такъ говорили, что завсегда, значитъ, такой-то, примѣрно, и руку приложилъ.

—Ну то, изволите видѣть, было прошеніе, а это приговоръ, объясняетъ Маркелъ Маркычъ.

—Вотъ оно што! глубокомысленно говоритъ купецъ.

Толкаясь между людьми, другой, одаренный отъ природы болѣе здоровой головой и незабитый на повалъ въ дѣтствѣ, мало по малу начинаетъ вдумываться въ прежнюю свою жизнь и, уясняя всю нелѣпость своего воспитанія, старается о развитіи своихъ дѣтей; но, къ крайнему сожелѣнію, это—рѣдкіе, очень рѣдкіе случаи.

Проходятъ теперь въ моей памяти изломанныя, задавленныя натуры, жертвы самодурства. Грустно мнѣ припоминать ихъ, грустно потому, что эти люди могли бы быть хорошими общественными дѣятелями, вліяли бы, можетъ быть, на перемѣну къ лучшему въ ихъ средѣ; но все это затоптано, сломано, забито...

Вотъ сынъ посѣдѣвшаго и украшеннаго медалями и орденомъ слѣпого старика-купца, единственный наслѣдникъ его громаднаго капитала,—допившійся до идіотизма. Ослѣпшій отецъ положилъ на его имя въ банкъ часть капитала и воображаетъ, что сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать для сына. Ему и въ голову не приходитъ мысль, что сынъ уже испорченъ въ конецъ его родительскими заботами.

Вотъ другой, съ желѣзной волей, направленной въ дурную сторону, родной племянникъ богачей Бутаковыхъ, сиднемъ сидитъ десять лѣтъ въ опустѣвшемъ, послѣ смерти отца, домѣ, безъ средствъ, пробиваясь изо дня въ день. Представляю себѣ, что могло бы быть изъ этого желѣзнаго человѣка, еслибъ жизнь подарила его хотя какимъ нибудь маленькимъ вліяніемъ, могущимъ

открыть ему прямую дорогу. Но сначала забытый отномъ, потомъ, по раззореніи его, поступившій на службу къ дядямъ, гдѣ снова униженіе и оскорбленіе человѣческихъ правъ выпало ему на долю, не желая и не считая нужнымъ выносить ихъ, онъ ударился въ пьянство и разгулъ. Явилась бѣдность безъ поддержки нравственной и матеріальной и наконецъ полное ожесточеніе противъ всего міра и затворническая жизнь.

Поднимаются въ моей головѣ родные, близкіе моему сердцу, образы. Вижу я тебя, безхитростный, простодушный Вася, вижу твои горячія слезы, ручьемъ текущія изъ кроткихъ, покорныхъ глазъ твоихъ въ отвѣтъ на отчаянные удары, щедро отпускаемые рукой заботливаго родителя; вижу, какъ забиваются твои невеликія послѣднія способности, и ты рѣшительно берешься за злодѣйку-водку.

— Не пей! говаривалъ я тебѣ, держись крѣпче. Сила солому ломитъ.

— Я—солома, съ отчаяніемъ говорилъ ты, и невольные слезы падали изъ твоихъ глазъ.

Вижу тебя, раззорившійся Сеня, вижу твою бѣдную, плачущую семью и грустно становится на сердце и больно мнѣ за васъ, мои близкіе, хотя и упавшіе въ людскомъ мнѣніи, но дорогіе моему сердцу люди. Шлю вамъ мой глубокій, искренній привѣтъ, задавленные и униженные братья,—выражаю мое полное сочувствіе къ вашему положенію.

—Вотъ бы поддержали, поставили бы на ноги ва-

шихъ родственниковъ, говаривалъ я вашимъ дядямъ и отцамъ.

—Покорности въ нихъ нѣтъ, духа смиренія и послушанія не имѣютъ, отвѣчали отцы.

—Да вы сначала улучшите ихъ положеніе.

—Какое имъ положеніе? Они пятой заповѣди не помнятъ.

Много такихъ субъектовъ въ уѣздномъ городѣ, много бы можно поразсказать поучительнаго изъ этихъ живыхъ фактовъ; но отъ этого будетъ еще грустнѣе и мнѣ и читателю...

II.

Прекрасный полъ уѣзднаго города, невидимый постороннимъ взглядомъ, подростаетъ въ своихъ свѣтелкахъ, обучаясь, большею частію у приходящей старицы, грамотѣ по часослову. Чистописаніе, какъ вещь совершенно лишняя въ хозяйствѣ, оставляется въ сторонѣ.

— Да и нашто имъ эта грамота? говоритъ отецъ,— почитали бы онѣ только мужа, да молились Богу. Состояніемъ мы, благодаря Создателя, не обижены, женихи пороги обиваютъ — выберемъ что ни на есть лучшаго.

— А и правду ты говоришь, Степанъ Кузьмичъ, поддакиваетъ ему супруга, — чего дѣвку понапрасну ученьемъ томить; знала бы только молитвы. Вотъ и мы

съ тобой тоже, благодаря Бога, живемъ не первый десятокъ и отъ Бога не обижены, и отъ людей въ почетѣ; а тоже грамотѣ-то не больно учены.

— Это точно, заключаетъ мужъ и порѣшаетъ воспитаніе дочки окончить часословомъ...

Видѣть прекрасный полъ можно только въ церкви въ воскресный день, или въ большой праздникъ, который означенъ въ святцахъ крестомъ въ кругѣ. Иногда какой-нибудь ближайшій родственникъ случайно встрѣтитъ дѣвицу въ прихожей и скажетъ „здравствуйте-съ!“ а дѣвица, ничего не отвѣчая, сейчасъ убѣжитъ въ свою свѣтелку. „Застыдилась“, скажетъ сердобольная мать, — „дѣло дѣвичье“.

— Скромная дѣвица, скромная — нечего сказать, и водой не замутитъ. Похвально, оченно т. е. пріятно видѣть даже такихъ скромницъ и стыдливицъ,—скажетъ родственникъ въ утѣху матушкѣ.

А у матушки и ушки на макушкѣ, и улыбка расползлась по всему широкому откормленному лицу.

Единственнымъ мѣстомъ собранія, пожалуй отчасти развлеченія, можно считать церковь. Купеческая семья одѣвается въ самое лучшее платье; запрягаются здоровые и сильные кони въ экипажъ, цѣлую недѣлю сохраняемый подъ замкомъ, и купецъ парадно катитъ въ церковь.

Ахъ, мамонька, пожалуйста встанемъ впередъ, къ столбу-то бѣлому (къ колоннѣ), а то право ничего

не видно, говоритъ дочка, разодѣтая въ яркіе наряды, при входѣ въ церковь.

— Фу ты Господи, царь небесный, какая гордая стала Фекла Семеновна-то... и не кланяется, на-поди! А мнѣ очень нужно... Настасья-то Ивановна въ новой шляпкѣ—раздобрился видно муженекъ-то, купилъ... Въ Казанѣ чай купили-то... А Петръ-Петровичъ-отъ какимъ соколомъ, какимъ соколомъ!.. Шапочка это въ рукѣ и ногу эдакъ на сторону — чудо какъ хорошо, пречудесно!.. Вотъ женихъ-отъ! И не бѣдный... разсуждаетъ семья послѣ обѣдни, кушая мягкую просфору, которую имъ поднесъ дьяконъ на серебрянномъ блюдѣ по приказанію батюшки, отца Якова.

Большущій и блестящій самоваръ кипитъ и пыхтитъ на столѣ, бросая на всю комнату паръ. Въ кухнѣ въ это время кормятъ нищію братію—обычай, соблюдаемый во всѣхъ богатыхъ купеческихъ домахъ, въ память объ умершихъ родственникахъ. Придетъ какая-нибудь бѣдная родственница въ темномъ коленкоровомъ платьѣ; старки (монахини) иногда пріѣдутъ на своей сѣрой кобылкѣ въ длинныхъ дрогахъ, съ сидящей на козлахъ вмѣсто кучера послушницей; просфирня зайдетъ изъ приходской церкви. Посидятъ, попьютъ чайку, потолкуютъ о знакомыхъ, вспомнятъ о смертномъ часѣ, вздохнутъ о грѣхахъ... хозяйка дастъ имъ „на дорожку“ орѣшковъ или сахарку и отправитъ съ миромъ.

Но стоитъ только придти хотя самому ближайшему родственнику—онъ уже не будетъ пить чай за общимъ

столомъ: хозяинъ уведетъ его въ другую комнату, и дѣвушка въ синемъ холщевомъ сарафанѣ будетъ перебѣгать изъ комнаты въ комнату то съ пустыми, то съ наполненными стаканами, наблюдая въ замочную скважину за ихъ опустошеніемъ.

Обѣдать родственники оставляются рѣдко; въ такихъ случаяхъ мужчины обѣдаютъ особо отъ женщинъ. Послѣ жирной кулебяки, щей, гусей и неизмѣннаго сладкаго пирога съ ягодами, семья заснетъ до вечеренъ. Звонъ большого соборнаго колокола разбудитъ ее, снова запрягаются жирные кони, и всѣ ѣдутъ „къ акаѳисту“.

Протяжно и долго носится надъ городомъ звонъ большаго колокола каждое воскресенье. За рѣкой, широко несущей вдали отъ города свои воды, слышится его густой сердитый гулъ, глухимъ эхомъ раздающійся въ дальнихъ селахъ. Остановится иногда у пристани пароходъ захватить дровъ, принять какого-нибудь куща, ѣдущаго на пристань, и удивленные пассажиры спрашиваютъ носильщиковъ: „какой завтра праздникъ?“

— Акаѳистъ, лаконически отвѣчаютъ мужики, шастая по сходнямъ съ дровами.

— По какому же случаю?

— Да такъ, значитъ, примѣрно молятся кущы.

Захватитъ пароходъ дрова, свистнетъ, запыхтитъ, обдастъ своимъ густымъ дымомъ пристань, носильщиковъ, берегъ и быстро исчезнетъ изъ виду, догоняемый только звономъ неумолкающаго колокола.

А въ городѣ къ церковной паперти начинаютъ по-

немногу пробираться нищіе, отдохнувшіе послѣ сытнаго обѣда гдѣ нибудь подъ сѣнію кабачка, и останавливаются они около паперти въ два длинные правильные ряда. Потомъ старки ѣдутъ на той же кобылѣ, съ послушницей на козлахъ. Прикащики, задвигаютъ желѣзные запоры хозяйскихъ лавокъ и, исполняя хозяйское приказаніе, тоже тянутся толпами въ церковь. Вотъ и купцы съ семьями подъѣхали на пыхтящихъ лошадяхъ къ церковной паперти и одѣляютъ грошиками нищую братію.

Духовенство всѣмъ соборомъ служитъ вечерню и потомъ читаетъ акаѳистъ Спасителю съ колѣнопреклоненіемъ. Протоіерей съ громадной бородой тихо шагаетъ съ кадиломъ, стараясь подражать въ манерахъ архіерею. Служба вообще торжественна. Зажженныя свѣчи отражаются на серебрянныхъ ризахъ иконъ, въ алтарѣ видѣнъ блестящій серебрянный престолъ. Акаѳистъ читаютъ поочередно всѣ священники, а по окончаніи его парами подходятъ къ образу Спасителя, кладутъ по три земныхъ поклона и цалуютъ образъ. Потомъ подходитъ къ образу народъ.

Служба кончилась. Дома ожидаетъ опять чай. Лѣтомъ публика гуляетъ пѣшкомъ на Козью Горку: посидѣть, потолковать, посмотрѣть на отдаленную широкую рѣку, на пробѣгающіе мимо пароходы. Молодежь тихонько пробирается къ кому-нибудь изъ знакомыхъ опять-таки попить, ради праздника, въ десятый разъ чайку, да поиграть отъ скуки въ картишки. А ста-

рички посиживаютъ себѣ на Козьей Горкѣ, переливая изъ пустого въ порожнее. Вдали передъ ними риеустся высокая гора, а на ней видна полуразрушенная отъ времени башня—остатокъ монастыря, построеннаго, послѣ покоренія Казани, повелѣніемъ царя Ивана Грознаго.

— Да вотъ оно-бы хорошо, очень бы хорошо поддержать этотъ историческій памятникъ, говоритъ одинъ почтенный старичекъ, поглядывая на башню.

— Напрасно, Иванъ Васильевичъ, право напрасно, это значитъ — даромъ деньги... На что она годится? возражаетъ кто-нибудь изъ купцовъ.

— Нѣтъ, господа, какъ ни говорите — это не напрасно: памятникъ историческій.

— Оно пожалуй, что историческій, да для насъ-то оно, Иванъ Васильевичъ, дѣло совсѣмъ неподходящее, потому—даромъ деньги бросишь. Другое дѣло, примѣрно часовня или что нибудь такое...

— Ну, ну ладно. Часовню и стройте... желчно говоритъ. Иванъ Васильевичъ и сердито стучитъ своей суковатой палкой по ветхому полу балкона, придѣланнаго къ бесѣдкѣ.

— Вотъ вамъ теперь, продолжаетъ онъ нѣсколько успокоившись: это вотъ теперь—взвозы у насъ худы и круты: грязь стоитъ по колѣно, подняться съ бочкой у лошади силы не хватаетъ. Фанталы въ городѣ и спорчены, воды хорошей нѣтъ,—вотъ это дѣло подходящее; какъ вы объ этомъ думаете?

— Поправить бы точно что надо, говоритъ одинъ.

— А примѣрно сказать, на какія суммы? спрашиваетъ торопливо другой.

— Полагать надо на городскіе.

— Конечно на городскіе, а то на свои што-ли? говорятъ нѣсколько человѣкъ вдругъ.

Иванъ Васильевичъ грустно усмѣхается.—Ну на городскіе, говоритъ онъ, а велики-ли онѣ?

— Все же, должно, есть таки...

— Какъ не быть, все-же городъ...

— Какъ не быть, передразниваетъ Иванъ Васильевичъ; а много-ли есть-то? Три гривны съ пятакомъ! Вонъ говорили, что нужно съ хлѣбныхъ анбаровъ сборъ сдѣлать въ пользу города, ну что-же вышло? Сами говорили, а какъ пришло дѣло къ тому, что деньги давай, такъ и стали отговариваться; послѣ да послѣ...

— Не наше это дѣло, Иванъ Васильевичъ, какъ обчество, какъ будетъ угодно обчеству...

— Мы во всяко время, какъ только обчество...

— Ну обчество... а мы-то что-же, развѣ мы-то не обчество?... Всякій такъ-то станетъ говорить, чего-же хорошаго? Потому у насъ все и идетъ, прости Господи, хуже татарскаго...

— Что-же у насъ хуже татарскаго? Чѣмъ мы, примѣрно сказать, худо живемъ? Посмотрите у другихъ-то лучше, что-ли? У насъ еще можно сказать благоденственное и мирное житіе... Вонъ и губернаторъ, когда пріѣзжалъ, говорилъ: первѣющій, говоритъ, можно ска-

зать, подъ моимъ начальствомъ городъ; а его преосвященство такъ не нахвалится просто,—рыбная, говоритъ, сторона, благодатная... Вотъ оно какъ! А фанталы поправимъ какъ нибудь; были вѣдь хороши, да Бутаковъ Захаръ Захарычъ испортилъ, когда головой служилъ.

— Ну такъ и надо у него просить на поправку.

— Подитка, сунься.

Приближается еще человѣкъ пять, шесть. Идутъ, палочками постукиваютъ, руками размахиваютъ.

— Чего, господа, тутъ толкуете.

— Да вотъ теперя про фанталы...

— Ну!

— Вотъ важность! говоритъ другой, — пойдемте лучше чай пить. Вонъ Никита бесѣдку у дома построилъ,—важно тамъ, вѣтерокъ ходитъ.

— Что-жь, господа, пойдемъ.

— А Семена Иваныча тамъ нѣту?

— Нѣту, нѣту. Чего боишься? Чаю не достанетъ что-ли? Ничего, нужды нѣтъ! Хоша бы и пришелъ, такъ Никита велитъ ему особый самоваръ поставить.

— И здоровъ-же, господа, онъ чай этотъ пить — бѣда! Этта какъ-то зашелъ ко мнѣ, я нарочно сосчиталъ—18 стакановъ выпилъ, только фулярчикомъ утирается.

— Да, — здоровъ!

— А слышали, господа, у Тершина хозяйка кончилась.

— Ой-ли?

— Право; сейчасъ стряпка прибѣгала, сказывала.

— Эка бѣдняга! Жалко парня-то!

— Какого-же чорта жалѣть! Самъ онъ виноватъ: по веснѣ-то она на сносяхъ ходила, а онъ ее раза два съ собой въ Челябу возилъ, да еще полно не на перекладныхъ-ли? Жалко! Да такихъ собакъ, какъ Тершинъ, вѣшать надо, чтобы не женились — вотъ что!

— Да что ты, парень. больно раскричался? Извѣстное дѣло: безъ божьей воли волосъ съ головы не свалится.

— Такъ-то такъ, задумчиво сказалъ кричавшій, да все по человѣчеству-то... быдто и не того.

— Божья воля, братцы, Божья воля! Всѣ умремъ, только не въ одно время.

— Истинно такъ.

Разговоръ перешелъ въ грустный тонъ, наконецъ прекратился.

Публика посидѣла, помолчала. Кое-кто постукивалъ палочками объ полъ, кое-кто вздыхалъ, приговаривая: „Господи помилуй! Грѣхи велики!„...

— Да вотъ, господа, началъ одинъ, оживляясь, — про Семена-то Иваныча давича заговорили,—вчера онъ Карпъ Петровичу продалъ сало, и немного продалъ-то, такъ пудовъ десятокъ; сталъ тотъ принимать, а подъ саломъ-то кишки навалены... Ну ужь Карпъ Петровичъ Семена-то и мылилъ: ты говоритъ, чего парень, а? Сираха-то, говоритъ, читаешь, плачешь, а это, го-

воритъ, парень како дѣло? Да такъ ево это все Сирахомъ-то, да Сирахомъ его...

— Ну чтожь Семенъ-отъ?

— А что онъ? Не причастенъ, говоритъ, грѣху, не причастенъ: ребята, говоритъ, вѣрно какъ нибудь...

— Потѣха!

— Такъ какъ онъ его, — Сираха, говоритъ, читаешь?

— Какъ?

— Сираха, говоритъ, читаешь, плачешь, а это, говоритъ, како дѣло?

— А вчера, братецъ ты мой, уморилъ насъ Андрей Митричъ—пьянаго разыгрывалъ. Ну вотъ ни дать, ни взять, какъ эти самые актеры... И рожу этакъ своротитъ въ сторону, и слюна у него идетъ. — Умора!

Публика смѣялась, только одинъ Иванъ Васильевичъ молча сидѣлъ, постукивая палочкой, и смотрѣлъ вдаль на рѣку.

— Чему вы это смѣетесь? спросилъ онъ.

— Про Андрей Митрича разсказываютъ, пьянаго разыгрывалъ.

— Мошенникъ онъ, вотъ что! Въ Рыбинскѣ съ хлѣбомъ какія онъ дѣла выдѣлываетъ! У него и прикащики горлодеры подобраны. Чуть пріемщикъ зазѣвается, глядишь кулей 5, 10 и присчитали лишнихъ. Въ другой разъ зазѣвался—опять. Рублевъ и на 500 набѣжитъ.

— Что говорить — гдѣ безъ грѣха-то?

— Такъ ужь споконъ вѣка ведется.

— Грѣхъ по міру ходить, заключилъ вставая одинъ изъ купцовъ.

Вслѣдъ за поднявшимся встали и другіе и пошли всѣ изъ рощи.

По улицѣ въ легкихъ дрожкахъ шагомъ купецъ ѣдетъ, кнутикомъ по землѣ щелкаетъ. Лошадь рвется, пуская изо-рта пѣну, а купецъ ее сдерживаетъ, приговаривая: Тсъ, тсъ — шалишь! И снова опять щелкаетъ по землѣ кнутомъ.

— Чего ты лошадь-то пугаешь? спрашиваетъ его публика.

— Къ кнуту пріучаю: не боялась чтобы.

— Боится развѣ?

— Не привыкла еще, молода больно.

Купецъ остановился. Лошадь нетерпѣливо била ногой землю и фыркала.

— Тсъ, шалишь?..

— А что, шибко бѣжитъ?

— Стрѣла.

— Какъ ты ее прозвалъ?

— Алмазъ!

— Ну?

— Вѣрно слово.

— Ну-ка, ну-ка, пусти, мы посмотримъ.

— Ловки больно, — и то устала, къ кузницамъ ѣздилъ.

— Эка даль, подумашь!

— Даль не даль, а ладно... Во всю рысь махалъ.

— Ну пускай што-ли!..

Купецъ пустилъ лошадь во всю рысь, публика посмотрѣла вслѣдъ ему, оцѣнивая бѣгъ лошади, и пошла къ Никитѣ въ бесѣдку.

Попили опять чайку на вольномъ воздухѣ, о Сирахѣ еще раза два спросили, поговорили объ Андрей Дмитріевичѣ, искусно представляющемъ пьянаго...

Мало по малу публика расходится. Смеркается. Пользуясь сумерками, купеческія дочки и матушки оставили свои вязанья и вышиванья; собравшись въ залѣ онѣ ѣдятъ пряники и щелкаютъ орѣшки. Въ углу у дверей при входѣ въ комнату сгорбившись сидитъ проѣзжая монахиня, приглашенная хозяйкой на квартиру.

— Ты бы, мать Анфиса, подвинулась къ намъ поближе, приглашаетъ хозяйка.

— Спаси васъ Господи и помилуй! смиренно говоритъ монахиня, кланяясь въ поясъ.

— Ну хоть бы спѣла, что-ли...

Монахиня помолчала нѣсколько времени, посмотрѣла набожно въ передній уголъ на неугасимыя лампады, теплящіяся передъ иконами, и затянула тоненькимъ голоскомъ: *Раю мой раю, прекрасный раю...*

Хозяйка съ умиленіемъ смотрѣла на поющую монахиню, дочки урывками взглядывали въ окна и щелкали орѣшки.

Пусто становится на улицахъ. У забора одного дома сидятъ пять, шесть человѣкъ и толкуютъ:

— Вотъ теперь я помню, былъ въ городѣ Арзамасѣ дьяконъ — батюшки мои свѣты! Какъ начнетъ это онъ хриплоткомъ „во время оно“, да какъ пойдетъ, да какъ пойдетъ, да все выше, да все шибче — страсть голосище!

— Нѣтъ, вотъ въ Лысковѣ былъ дьяконъ, перебиваетъ другой.

— Въ Лысковѣ, чево въ Лысковѣ! Онъ сюда въ городъ пріѣзжалъ по-запрошлу зиму. Барыня тутъ есть, помѣщица старая — такъ она чуть не умерла изъ за него. Она, значитъ, это идетъ свѣчку ставить къ образу. а онъ какъ рявкнетъ: „востаните, говоритъ, Господи благослови“. Она такъ и присѣла и свѣчку на полъ уронила — вотъ такъ голосина!

— Не знаю, ребята, про какова-то дьякона, али протодьякона разсказывали, онъ при архіереѣ былъ. Только пилъ здорово. Разъ какъ-то владыка сидитъ у себя въ комнатѣ и слышитъ, на той сторонѣ рѣки этотъ самый дьяконъ оретъ. Подите, говоритъ владыко-то своимъ служкамъ,—подите, загоните его во дворъ—нашето добро со двора ушло... Ну и загнали.

— Да, бываетъ...

Стемнѣло. По улицамъ болѣе и болѣе пустѣетъ. Идутъ только два пріятеля и толкуютъ. Одинъ изъ нихъ объясняетъ другому.

— Человѣка нельзя лучше сдѣлать, никакъ нельзя. Вотъ теперь, напримѣръ, хотя — рука, ну чево можно лучше выдумать? Ни въ жизнь! Три руки тоже нель-

зя — ну куда ты ее привѣсишь? Одной опять тоже мало...

— Премудрость!

— Да братъ.

— Ну а какъ же, перебилъ товарищъ, какъ же теперь тамъ въ брюхѣ?

— Чево въ брюхѣ?

— Какое, напримѣръ, устройство должно быть?

— Брюхо, такъ брюхо и есть, въ брюхѣ кишки...

— Отчего-же, братецъ мой, кровь наша такая теплая и завсегда значитъ мы теплоту въ себѣ содержимъ?

— Одно слово: по образу божію и по подобію, объяснилъ первый докторальнымъ тономъ...

Пріятели повернули за уголъ дома въ переулокъ.

Луна медленно выплываетъ изъ-за темнаго сосноваго лѣса. Опустѣли улицы, какъ будто вымеръ весь городъ. Изрѣдка слышно, какъ караульный у воротъ постукиваетъ въ доску, да опоздавшая корова реветъ у калитки дома, стараясь разбудить заснувшую стряпуху.

— Иди ты, блажная, што-бъ тебя, ишь полуночница! раздается сердитый голосъ изъ-за калитки.

Впустила стряпуха корову, брякнула запорка калитки и снови все стихло.

— Слу-ша-а-й? несется голосъ часового отъ казначества.

Луна высоко поднялась надъ городомъ и бросила свой блѣдный свѣтъ на громадные каменные дома богатыхъ

купцовъ. Мрачно смотрѣли большія зданія на улицу, мрачно было и внутри ихъ...

— Слуша-а-а-й! пронеслось отвѣтное хриплымъ отрывающимся голосомъ изъ другой части города, отъ тюремнаго замка.

Опять все смолкло и слышно только какъ у гостиннаго двора гремитъ цѣпью собака, да изрѣдка, съ просонка, постукиваетъ караульный по доскѣ не раскрывая слипшихся глазъ.

III.

Совершитъ свой обычный путь наша планета, именуемая землей, и снова изъ-за густого темнаго лѣса разсыплются яркіе лучи солнца. Какъ будто выплываетъ оно, ясное и свѣтлое, по необозримому пространству голубого неба и, озаряя весь божій міръ, кидаетъ также свои лучи на дома и церкви уѣзднаго города.

Зазвонятъ на колокольняхъ къ заутренѣ. Первые поднимутся *старки* и поплетутся опять на своей сѣрой кобылкѣ, съ послушницей на козлахъ. Выйдутъ торговки-калашницы на базаръ, а за ними слѣдомъ зашагаютъ прикащики, отпирать хозяйскія лавки и пойдетъ жизнь по вчерашнему своимъ обычнымъ путемъ.

Проѣдетъ какой-нибудь экономный проѣзжій чрезъ этотъ городъ, избѣгая вольной почты. Офенство, разбросанное по всему свѣту земли русской, притащится на своихъ владимірскихъ телѣгахъ за товарами, заплатитъ

оно старый долгъ, возьметъ вновь товару и снова уѣдетъ торговать по селамъ и деревнямъ. Татары въ своихъ высокихъ, не смотря на лѣто, мѣховыхъ шапкахъ, пріѣдутъ за тѣмъ же, и вдоволь налившись у кущовъ чаемъ въ прикуску, полѣзутъ опять на свои воза, чтобы снова потянуться съ товарами въ родное село съ высокой мечетью. Монахи и монахини, искрещивающіе во всѣ концы Россію съ своими книжками для сбора съ доброхотныхъ дателей, пріѣдутъ въ уѣздный городъ и тоже поживутъ здѣсь недѣльку-другую. Странники божіи, блаженные, юродивые тоже забредутъ въ уѣздный городъ за хлѣбомъ и тоже уйдутъ не съ пустыми руками.

Такъ пройдетъ незамѣтно цѣлое лѣто...

Наступитъ холодная зима, захруститъ снѣгъ, закуетъ морозъ воды и повезутъ мужички въ городъ на базаръ сбывать свое трудовое добро.

— Прибавьте, батюшки, по двѣ копѣечки на пудъ, мука добрящая, хорошая мука, будутъ упрашивать мужички кущовъ.

— Богъ цѣну строитъ, надменно скажутъ торгаши, поглаживая свои бороды:—хочешь берешь, хочешь нѣтъ,— вольному воля!

— Воля-то воля, да достатки-то наши плохи; въ нихъ-то мы не вольны...

Будутъ ломиться купеческіе амбары отъ наваливаемыхъ въ нихъ тысячей кулей хлѣба, будутъ отговари-

ваться купцы отъ платы въ доходъ города съ хлѣбныхъ амбаровъ...

Наступитъ весна, разольется широкая рѣка по всей низменной площади, унесетъ она отъ города никопившуюся въ теченіи года грязь и падаль, поплывутъ внизъ по рѣкѣ нагруженныя до верху барки и будутъ ожидать купцы будущихъ барышей отъ выгодной продажи хлѣба.

— Если будетъ Господу угодно и мнѣ полезно, думаетъ купецъ:—и получу я на хлѣбъ тысячъ десятокъ пользы, то непремѣнно пожертвую для духовенства золоченыя ризы.

— Если бы нонеча хлѣбъ мы продали въ городѣ копѣечки по двѣ дороже, раздумываетъ свои думы крестьянинъ, посматривая съ берега на плывущую мимо деревни коноводную машину съ пятнадцатью барками:—еслибъ только двѣ копѣечки на пудъ, то можно было бы другова коня купить, все бы повальготнѣе было въ хозяйствѣ... Совраска-то ужь совсѣмъ старикъ. Да видно ужь, значитъ, судьба наша такая...

НА БАЗАРѢ.

Только что оканчивалась бурная, темная октябрьская ночь и на дальнемъ востокѣ начинала пробиваться сквозь мракъ бѣловатая полоса, предвѣстница наступающаго дня; только что звонарь соборной церкви вылѣзъ изъ своей жарко натопленной сторожки и, ежась въ истасканный, овчинный полушубокъ, полѣзъ на колокольню — возвѣщать жителямъ наступленіе Воскреснаго дня... Но трудящійся людъ „сѣятель и хранитель“ русской земли, уже тащился изъ близь лежащихъ деревень, на тощихъ лошаденкахъ въ городъ, съ тяжелыми возами муки, гороху, ячменю и прочихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Нѣкоторые пѣшкомъ шли, увѣшанные рѣшотами кадочками, жбанами, ведрами и всякимъ добромъ, нужнымъ для хозяйства и добытымъ работящими, мозолистыми руками, въ потѣ лица.

На городской площади еще было пусто. Кой-гдѣ крестьянинъ выпрягалъ лошаденку и приподнявъ оглоб-

ли къ верху, бросалъ захваченный съ собой клочекъ сѣна подъ ноги лошади, привязывая ее къ телегѣ. Кой-гдѣ слышалась перебранка.

— Да ты што? да кто впережъ подъѣхалъ? Сердито спрашивалъ крестьянинъ другого, упираясь руками въ боки.

— Ну! а ты што выпучилъ толы-то? *) на пережъ видно: ты дрыхнулъ въ избѣ на печкѣ, а я ужъ тутотка былъ съ вечера, во што!

— Ну тѣ совсѣмъ. Праздника Божьяго не боишься — вонъ какъ гудетъ колоколъ-отъ... Мала тебѣ площадь-то...

День начинался пасмурный и холодный, небо было точно свинцовое и рѣзкій вѣтеръ срывалъ старенькія рогожи съ крестьянскихъ возовъ. Невидно было сквозь сплошную массу сѣрыхъ облаковъ яснаго торжественнаго восхода солнца и только исчезнувшая темнота доказывала, что день наступилъ.

На площадь болѣе и болѣе прибывали телѣги и устанавливались длиннымъ рядомъ съ поднятыми къ верху оглоблями. Онѣ далеко уходили въ даль и скрывались въ улицѣ. Площадь заставилась скоро вся и запоздавшіе крестьяне косо посматривали на площадь, ставя свои телѣги вдоль улицы и оставляя лишь узенькую дорожку, для прохода и проѣзда будущихъ покупателей...

Толпа покупателей начинала прибывать и вскорѣ по

---

*) Глаза — слово употребляемое по деревнямъ, лежащимъ близъ р. Камы.

узенькой дорожкѣ стало тѣсно. Къ возу съ капустой и морковью пробрался полицейскій солдатъ, съ мѣдной бляхой на сѣрой фуражкѣ и съ палочкой въ рукахъ.

— Ты чево тутъ встала? грозно обратился онъ къ бабѣ, стоявшей около воза. Твое мѣсто вонъ на концѣ, потому — овощь.

— Да какъ-же, служивый, теперича нельзя — вѣдь не проѣдешь, робко отвѣчала баба.

— Давай моркови, што-ли.

— На, Христосъ съ тобой — возьми...

Солдатъ торопливо сунулъ въ карманъ пучковъ пять моркови и пошелъ далѣе.

— Ей! Репетской! Репетской! кричалъ другой солдатъ, тоже съ бляхой и палочкой.

Репетскій оглянулся и замахалъ палочкой въ другую сторону: обозрѣвай, дескать, тамъ, а здѣсь мое вѣдомство.

По улицѣ, на длинныхъ дрогахъ, сквозь толпу пробирается толстый дьячекъ въ высокой мохнатой шапкѣ, рядомъ съ нимъ сидитъ закутанная красной шалью, тощая фигура дьячихи; молодой парень въ тиковомъ, полосатомъ халатѣ, надѣтомъ сверхъ полушубка, сидитъ на козлахъ.

— Посторонитесь, православные! Ей, православные, посторонитесь! покрикиваетъ басомъ дьячекъ, тревожно посматривая кругомъ.

— Смотри не прозѣвай рѣшоты-то: опосля совсѣмъ не проѣдешь тутъ, обратился онъ къ дьячихѣ, не переставая озираться по сторонамъ.

Дьячиха тоже вертѣла головой, отъискивая глазами рѣшоты—вдругъ она торопливо задергала широкій рукавъ своего супруга, приговаривая:

— Яковъ! вонъ они, Яковъ!

— Постой-ко, парень, маленько, прибавилъ дьячекъ, обращаясь къ полосатому халату.

Дроги остановились. Толпа напирала сзади и осторожно пробиралась около колесъ.

— Ишь остановились, слышалось среди общаго говора.

— Тетка, а тетка! Почемъ рѣшоты-то? визжала дьячиха.

— Иди, матушка, иди, слѣзь съ телѣги-то — иди, глянь какіе рѣшоты-то... девять гривенъ! отвѣчала баба.

— Бери семигривенный, визжала дьячиха, не слѣзая съ экипажа.

— Восемь съ пятакомъ... да ты глянь, иди,—здоровенные рѣшоты, иди, матушка... восемь, съ пятакомъ.

— Берешь, что-ли, по семи, пробасилъ дьячекъ и толкнулъ парня въ спину: ну-тко, шевели!

Парень глупо посмотрѣлъ на толпу.

— Ну! крикнулъ дьячекъ, давая другой толчекъ: — Эка любо-засмотрѣлся.

— Шевели, что-ли...

— Матушка! Ей! батюшка! кричала баба! восемь гривенъ, берите—восемь гривенъ... ей!

Дроги остановились снова. Дьячекъ слѣзъ съ экипажа и пробирался къ рѣшотамъ.

— Ей! гдѣ ты тамъ баба? Рѣшето? Ей, восемь гривенъ рѣшето...

— Бери которо здоровѣе да плотнѣе,пищала вслѣдъ дьячку жена, укутываясь красной шалью.

У воза съ мукой остановился толстый бородастый купецъ въ длиннополомъ сюртукѣ и едва переводя духъ отъ тучности собственнаго тѣла, просапѣлъ: почемъ отдаешъ?

— По восемнадцати, поштенный—мука добрая— отвѣчалъ крестьянинъ.

— Шестнадцать... Много-ли возовъ? Шестнадцать... всѣ возьму—цѣна красная! сапѣлъ купецъ, подбрасывая на ладони муку.

— Прибавь, поштенный, копѣечку... три воза, значитъ, всѣ огуломъ... прибавь, упрашивалъ крестьянинъ.

— Шестнадцать, отрѣзалъ купецъ и пошолъ дальше.

— Ей, поштенный! напрасно, пра напрасно. Прибавь копѣечку, не скупись, поштенный! кричалъ крестьянинъ, махая въ воздухѣ шапкой.

— Отдашь! самоувѣренно крикнулъ купецъ, неоглядываясь.

— Ну, бери, значитъ... Эхъ ма! сказалъ, вздыхая, крестьянинъ.

Купецъ воротился и еще разъ подбросивъ на ладони муку, началъ объяснять крестьянину куда ѣхать.

— Вонъ видишь—большой домъ, крашеные ворота? сапѣлъ онъ, тыкая въ воздухѣ толстымъ пальцемъ.

— Вижу, говорилъ крестьянинъ, отвязывая торчащіе къ верху оглобли.

— Гдѣ у тебя кони-то? спросилъ купецъ, поглаживая свою широкую бороду.

— Эвося, около заплота—жуютъ, торопливо говорилъ крестьянинъ, стараясь поскорѣе завязать возъ и запрягать коней.

— Ты, поштенный, ступай—я найду дорогу-то, говорилъ онъ суетясь около коней.

— Давай шапку, просапѣлъ купецъ.

— Что ты, Господь съ тобой—не обману, сказалъ крестьянинъ, но однако-жь снялъ шапку и отдалъ.

Купецъ пошелъ дальше, переваливаясь на толстыхъ, разбухнувшихъ какъ бревна, ногахъ. Мужикъ запрягалъ послѣднюю лошадь, вѣтеръ поднималъ его русые волосы къ верху, отчего голова его казалась вдали какимъ-то пугаломъ.

— Ну-ко, братъ, крикнулъ онъ другому крестьянину, поворотн своево-то мерина,—я проведу возъ.

— Продалъ, видно? спросилъ тотъ.

— Да—продалъ, только тово... убытошно,—да надо, вишь ты, больно деньгу-то, потому—подать...

— Семнадцать, што-ли?

Мужикъ провелъ коней сзади возовъ и дергая переднюю за возжи, отвѣчалъ, отчаянно махнувъ рукой: шестнадцать.

— Ей! Ей! Рѣшоты! Овесъ... двадцать двѣ... Не скупись, ей! Поштенный, ей! Православные, посторонитесь!

слышится въ темнотѣ крикъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Толпа двигается отъ воза къ возу.

— Бери по двадцати, говоритъ мѣщанинъ въ синемъ суконномъ кафтанѣ, въ блинообразной фуражкѣ.

— Двѣ съ пятакомъ, отвѣчалъ крестьянинъ.

— По двадцати, повторяетъ мѣщанинъ, дружески хлопая крестьянина по плечу.

— Съ пятакомъ... какъ хошъ! Вотъ весь возъ и бери...

— Уступай! пріятель будешь завсегда, ласково говоритъ мѣщанинъ, хватая крестьянина за рукавицу.

— Нельзя—бабы не велѣли. Двѣ съ пятакомъ такъ и быть, потому значитъ, большой нужды нѣтъ.

— Ну чортъ тѣ дери, не ѣхалъ-бы, коли нужды нѣту. Музланъ! обругалъ мѣщанинъ и пошелъ дальше.

Крестьянинъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, почесалъ затылокъ, поднялъ голову къ верху и похлопалъ рукавицами, приговаривая: высоко надо быть еще солнышко-то.

Изъ толпы вырывается въ старенькой оборванной шинеленкѣ чиновникъ съ кокардой на фуражкѣ.

— Что стоитъ сія птица? говоритъ онъ, подходя къ бабѣ и тыкая пальцемъ въ гуся.

— Полтина, баринъ.

— Что? повторилъ онъ, подергивая плечами.

— Полтина, говорю—одно слово: гусь жирной прежирной, увѣряла баба.

— Сама больно жирна будешь, когда по полтинѣ

за гуся получишь, наставительно сказала кокарда и снова затерлась въ толпѣ.

— Бей его, бей собаку! несется крикъ съ конца улицы.

— Эй, бачка, бачка, тихунька, знакумъ! Мала, мала жалѣйса!

Толпа дѣлается гуще вокругъ татарина, пойманнаго съ тесемками, украденными имъ съ возу вязниковца. На татарина, какъ градъ, сыплются со всѣхъ сторонъ удары, онъ крѣпко придерживаетъ шапку на головѣ и вертится въ разныя стороны, спасаясь отъ ударовъ, а самъ наровитъ все въ ту сторону, гдѣ порѣже толпа,— съ намѣреніемъ выбраться и убѣжать.

— Вали его на землю, вали собаку! слышится ожесточенный крикъ.

— Мы судомъ пуйдемъ, судомъ... Башка сувсимъ кунчать хучишь... бится закунъ не велитъ, судомъ пуйдемъ, огрызается татаринъ съ пѣной у рта, защищаясь и увертываясь на сколько хватаетъ силы и ловкости.

— Я тебя, бритая твоя башка! Вилокъ капусной! Я тебя пойду судомъ... вяжи ему крѣпче руки, вору! Ишь ты татарская лопатка!...

Татарину связали назадъ руки и повели въ полицію, густая толпа стѣной валила за нимъ. Нѣкоторые старались пробраться впередъ, единственно изъ усердія ударить татарина въ шею.

— Не бейся, судомъ пуйдемъ, не бейся, огрызается татаринъ, тяжело переводя духъ, а самъ потихоньку подергиваетъ руки, съ намѣреніемъ освободить ихъ.

— Шинувникъ-та я скажимъ слува, какъ ты миня башка кунчалъ, слышится изъ толпы его голосъ.

Татарина увели чрезъ мостъ, на противоположную сторону оврага, пересѣкающаго городъ. На мосту народъ началъ по немногу отставать и отсталъ почти совершенно, — два мѣщанина только остались около вора. Татаринъ быстро оглянулся кругомъ, смѣтилъ свое положеніе и разомъ выдернулъ руки изъ удерживавшей ихъ веревки. Мѣщане не успѣли мигнуть, какъ татаринъ былъ отъ нихъ уже въ двухъ саженяхъ.

— Лови, лови его — держи! Кричали они отчаяннымъ голосомъ.

Народу за оврагомъ было мало, и быстрыя ноги татарина скоро унесли его изъ виду мѣщанъ.

— Эхъ собака! и ленты-то съ нимъ остались, говорили они, всплеснувъ руками: вотъ такъ ужъ рысакъ — лучше чѣмъ у Никиты Иваныча.

У Никиты Иваныча, заключая по словамъ мѣщанъ, должно быть, былъ рысакъ не изъ лучшихъ, когда татаринъ оказывался рысистѣе.

На базарѣ между тѣмъ крикъ, визгъ и шумъ стоитъ на всю площадь и улицу. Толпа нѣсколько поуменьшилась, кой-гдѣ мужики запрягаютъ коней въ телѣги, приготовляясь везти проданный хлѣбъ въ домъ покупателя, кой-гдѣ опустѣли мѣста отъ возовъ уѣхавшихъ съ базара крестьянъ, большая же часть возовъ еще стоятъ, торча оглоблями къ верху, крестьяне похлопываютъ рукавицами и посматриваютъ на сѣрое пасмурное небо. Мѣща-

не въ длиннополыхъ чуйкахъ переходятъ отъ воза къ возу и торгуются; изрѣдка купчина пройдетъ, милостиво предлагая крестьянину, ради нужды, отдать свое добро за три четверти цѣны и не сторговавшись, надменно проходитъ дальше, въ полной увѣренности, что туго набитый карманъ лучше „черной крестьянской работы“. У заплота двое пѣвчихъ изъ мѣстнаго хора пошатываются изъ стороны въ сторону и глупо улыбаются.

— Гряди, едва ворочая языкомъ, говоритъ одинъ: я тебѣ сопутствую.

— Не-прой-де-шъ, съ трудомъ выговорилъ другой, и покачнувшись на пріятеля свалилъ его съ ногъ.

Упавшій развалился за телѣгой, поднялъ ноги къ верху и хотѣлъ что-то сказать, но мысль не перешла въ звуки. Онъ помямлилъ губами и повернувшись на бокъ, намѣревался заснуть.

— Почтенный, смотри, кабы лошадь-то чево тебя тутъ, заботливо говорилъ крестьянинъ, оттаскивая за ноги пѣвчаго подалѣе отъ лошади.

Пѣвчій очнулся и дико озираясь кругомъ, заоралъ во все горло.

— Алексѣй! крикнулъ онъ вдругъ: садись со мной рядочкомъ — споемъ.

— Исправникъ услышитъ, пуская слюну, промычалъ Алексѣй, покачиваясь у заплота какъ маятникъ.

— Чево исправникъ? Гряди-и! закричалъ онъ опять, и опять остановился; — ты думаешь я плохо пою, а? Нѣтъ, врешь ты, Алексѣй Стаканычъ, врешь... Ефимко

твой хваленый—противъ меня дрянь... Его только купцы любятъ... Дурррачье!

Онъ хотѣлъ подняться, но опять свалился на землю. Алексѣй покачивался изъ стороны въ сторону и, потерявъ равновѣсіе, тоже упалъ, составивъ такимъ образомъ компанію товарищу.

— Это чево тако? спрашивала баба крестьянина.

— Быдто по голосу-то церковные, али нѣтъ? въ раздумьи отвѣчалъ крестьянинъ.

— У тѣхъ завсегда косы... кафтаны то-же не тѣ, толковала баба, посматривая на лежащихъ пѣвчихъ.

— А кто ихъ знаетъ — поютъ чево-то, быдто церковное, а по обличью-то не тово... какова въ городѣ народу нѣтъ!

— Чудной народъ! вставилъ свое слово другой крестьянинъ.

Пѣвчіе, прикурнувъ другъ къ другу, заснули.

— Ей ты, дядя, гдѣ начуешь-то, а? спрашивалъ сѣдой, сухощавый старикъ: заѣзжай ко мнѣ, — дворъ у меня большой, слободно — заѣзжай.

— Може, Богъ дастъ, продамъ до вечера-та, отвѣчалъ крестьянинъ, а нѣтъ, такъ и домой уѣзду.

— Экъ тебя лѣшай-то носитъ! прохрипѣлъ старикъ и пошелъ дальше.

— Старъ, старъ, а лаешься, какъ собака — эхъ ты! съ укоризной сказалъ крестьянинъ и взглянулъ на небо:— дескать, высоко-ли еще красное-то солнышко?

У воза стоитъ пономарь, съ завязанными грязнымъ

платкомъ ушами, въ высокой поповской шапкѣ, на затылкѣ торчитъ, какъ ливерная колбаса, заплетенная и скрученная коса.

— Вываливай остатки, чево жалѣешь, ворчитъ онъ на бабу, помогая ей выгребать изъ воза въ мѣшокъ оставшійся картофель.

— Да ты накинь, батюшка, хоть грошикъ, проситъ баба.

— Грошикъ! Вываливай, вываливай!

Баба отдала послѣдній картофель. Пономарь взвалилъ на плѣчи мѣшокъ и зашагалъ, разталкивая мѣшкомъ народъ.

На площади дѣлается болѣе и болѣе свободно. Много возовъ поубралось по домамъ купцовъ и мѣщанъ, оставивъ на мѣстѣ, гдѣ стояли, клочки сѣна и слѣды лошадей. Нѣсколько возовъ тянется по улицѣ. Впереди одного воза бѣжитъ мѣщанинъ въ синей чуйкѣ, плечами подергиваетъ, да изрѣдка оглядывается на ѣдущаго сзади съ возомъ крестьянина. Вотяки съ возами кулей тащатся, сидя на верху, лошадь едва везетъ тяжелый возъ, вотякъ усиленно дергаетъ возжами и мычитъ что-то.

У широкихъ крашеныхъ воротъ столпились воза. На обширномъ дворѣ парень въ чуйкѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, считаетъ кули, сбрасывая ихъ съ воза въ амбаръ.

— Девятнадцать, десятнадцать, двадцать... двадцать девять, двадцать десять, тридцать, быстро считаетъ онъ, швыряя куль за кулемъ.

Вотякъ стоитъ въ сторонкѣ, въ лаптяхъ, на деревянныхъ подошвахъ и почесываетъ бокъ, во рту у него холодная трубка торчитъ.

Около амбара большіе вѣсы висятъ, на толстыхъ, разставленныхъ козломъ, жердяхъ. Мужики столпились и смотрятъ какъ вѣсятъ ихъ овесъ.

— Ну тутъ, чево-же выходитъ, сколько? спрашиваетъ передній, почесывая затылокъ.

— Вотъ мотри, суетится чуйка, успѣвшій обсчитать вотяка: это пятерикъ, это десятерикъ, это вотъ три фунта, значитъ, это пудовая, вотъ теперь смѣкай и надрѣзывай на палкѣ-то.

— Ну, началъ крестьянинъ, почесываясь: ты чево-же теперя считалъ? У меня, бабы баяли, значитъ, ячменю четыре мѣшка, по полтора выходитъ, это примѣрно шесть пудовъ, надо быть... Теперя на томъ возу...

— На, на вотъ, держи полу-то! не разтобардывай, суетился Чуйка и быстро пальцами перебиралъ на рогожѣ мѣдныя деньги: держи, говорю, полу-то. Поди вонъ тамъ въ сторонкѣ повѣряй, вѣрно будетъ.

Крестьянинъ разставилъ обѣими руками полу и не переставалъ толковать:

— Теперя, по полтора, значитъ шесть пудовъ...

Чуйка всыпалъ деньги въ уголъ поднятой сермяги и повернулъ крестьянина за плечо, приговаривая: одно слово вѣрно—въ копѣйку!

Крестьянинъ сѣлъ у заплота, положилъ около себя шапку, почесалъ затылокъ и принялся считать деньги.

Сосчиталъ ихъ разъ, сложилъ въ кучу и началъ соображать, бормоча: „четыре мѣшка, по полтора, это выходитъ шесть пудовъ“ и т. д. Опять почесалъ въ головѣ, пересчиталъ еще разъ деньги и, сложивъ ихъ въ шапку, пошелъ къ вѣсамъ.

— Поштенной, а поштенной! Ты чево, примѣрно, ошибся, што-ли? крикнулъ онъ чуйкѣ.

— Погоди, погоди маленько—вишь не время, сейчасъ вотъ повѣрю, торопливо отвѣчалъ чуйка.

Фугура его только мелькала около вѣсовъ, гдѣ онъ снова толковалъ крестьянамъ: вотъ мотри, это пятерикъ, это десятерикъ, вотъ пудовая ну и смѣкай, значитъ, по порядку.

Обсчитанный крестьянинъ, съ мѣдными деньгами въ шапкѣ, поднимался на кончики лаптей, стараясь слѣдить за чуйкой, перебѣгавшимъ отъ вѣсовъ въ амбаръ и обратно.

— Поштенный! да ты чево-же это примѣрно? вскрикнулъ опять крестьянинъ. Грусть и тоска слышались въ этомъ вопросѣ.

Чуйка мигомъ выбѣжалъ и, подбѣгая къ самому лицу крестьянина, закричалъ: ты чево тутъ орешь, а? Музланъ! Чево у тебя не вѣрно, а?

Крестьянинъ попятился назадъ и оробѣлъ.

— Теперя, поштенный, ты самъ знашъ, наше дѣло, значитъ крестьянско... не погуби — полтора рубля на ассигнацію тово... робко говорилъ онъ, стоя съ откры-

той головой и придерживая руками шапку съ мѣдными деньгами.

— Чево тебѣ еще надо? Вотъ мотри: у тебя было два мѣшка по тридцати, шесть пудовъ по двадцати пяти... Ну, понялъ? Теперя, восемь пудовъ по тридцати, ну! смѣкашь, сколько вышло? Считай,—торопливо говорилъ чуйка, тыкая пальцемъ въ грудь крестьянина.

Крестьянинъ грустно посмотрѣлъ къ себѣ въ шапку, вѣтеръ шевелилъ его густые волосы и набросилъ ихъ на лицо. Крестьянинъ взмахнулъ головой, но чуйки уже не было предъ нимъ, онъ убѣжалъ къ вѣсамъ и снова слышался его голосъ: вотъ пятерикъ и т. д.

— Поштенный! крикнулъ опять крестьянинъ, поднимаясь на кончики лаптей. Другіе отходили къ заплоту и садились считать мѣдныя деньги.

— Какъ его зовутъ? обратился обсчитанный къ проходившему крестьянину.

— Микалай Асафычъ, отвѣчалъ тотъ, придерживая полу своей сермяги.

— Микалай Асафычъ! жалобно крикнулъ обсчитанный.

— Я вотъ тебѣ задамъ, образина твоя немытая! Я тебя вотъ въ полицію отправлю. Я вотъ тебя... Сколько сору въ овесъ-отъ навалилъ, а?

— Эти ускрепьица-то, што-ли? робко спросилъ обсчитанный.

— Да, ускрепьица-то, а то чево-же? Въ полицію

тебя, да мало еще, погрозилъ чуйка и опять убѣжалъ въ амбаръ.

Крестьянинъ замолчалъ и, стоя около амбара, то поднимался на кончики лаптей и слѣдилъ за движеніями чуйки, то взглядывалъ на небо, стараясь узнать высоко-ли солнце, потомъ завернулъ деньги въ платокъ, сунулъ за пазуху и надѣлъ шапку.

— Ахъ ты, оказія кака! сказалъ онъ, вздыхая, и хлопнулъ себя руками по бокамъ.

Онъ постоялъ еще нѣсколько времени, еще разъ заглянулъ въ амбаръ, еще разъ всхлопнулъ руками и съ ожесточеніемъ плюнувъ въ сторону, пошелъ къ своей телѣгѣ.

— Ну ты, пропастина, шевелись, што-ли! ворчалъ онъ, залѣзая въ телѣгу и замахалъ хворостиной. Лошаденка заковыляла, что было силы, мотая головой изъ стороны въ сторону. Проѣхалъ крестьянинъ по опустѣвшимъ улицамъ города и сдержалъ лошадь около домика, стоявшаго въ сторонѣ отъ другихъ.

— Птр-прр-у... Стой, волчья немочь! Сердито крикнулъ онъ и пошелъ въ кабакъ.

— Дай-ко, братъ, маненько, сказалъ онъ подходя къ стойкѣ и вынимая изъ запазухи пятакъ:

— Что мало берешь? Не промочишь горло-то, смѣялся сидѣлецъ, рыжій и ражій парень въ ситцевой рубахѣ съ крупными разводами.

— Ну-ко-ся, обратился крестьянинъ, не то къ си-

дѣльцу, не то къ самому себѣ и взялъ въ руки стаканъ.

— Тьфу ты, мошенникъ проклятой! ругнулъ онъ еще Асафыча и сердито плюнувъ, приложился губами къ стакану.

— Ахъ ты оказія! говорилъ онъ самъ себѣ, выходя изъ кабака.

Вышелъ онъ на улицу, постоялъ нѣсколько времени около телѣги, почесалъ затылокъ, видимо соображая что-то, и нахлобучивъ шапку, всталъ въ телегѣ на ноги.

— Ну ты! чортова скотина! крикнулъ онъ на лошаденку и ударилъ ее по костлявой спинѣ хворостиной. Лошаденка опять заковыляла вдоль дороги, усаженной березами, съ которыхъ валился на землю пожелтѣвшій и высохшій листъ.

Пріѣхалъ крестьянинъ домой, бросилъ возжи на землю, вошелъ въ избу и швырнулъ рукавицы на полъ.

— Обѣдать! сердито промычалъ онъ женѣ и сѣлъ за столъ.

— Ну, почемъ продалъ овесъ-отъ, греча-то какъ, а? съ участіемъ спрашивала жена.

Крестьянинъ молчалъ и пыхтѣлъ себѣ подъ носъ, изъ подлобья посматривая по угламъ.

— Да ты чево? Одурѣлъ видно въ городѣ-то, али языка-то нѣтъ-у-тѣ?

— Молчи шкура! Вонъ Миколай Асафычъ, гово-

ритъ, въ полицу говоритъ, ускрепьица въ овсѣ намѣшали: говоритъ...

— Да почемъ продалъ-то?

— Продалъ-то ладно было, да мало чево-то вышло... тепереча, будто три полтины недочету, задумчиво отвѣчалъ мужъ.

— Да ты тутъ, поди, смотрѣлъ, когда вѣсили?

— Коли не смотрѣлъ... А шертъ ево знатъ, Миколая-то Асафыча: вотъ, баетъ — пятерикъ, вотъ, баетъ, десятерикъ, а шертъ ево знатъ,—прости Господи! жалобно говорилъ мужъ, размахивая руками.

Жена приложила руку къ щекѣ и подперши другой локоть, стояла посреди избы, покачивая грустно головой...

ИЗВОЗЪ.

I.

Темныя тучи густой сплошной массой висѣли въ воздухѣ. Съ вечера зарядившій дождь не переставалъ литься на бѣдную маленькую деревеньку Маркваши. Жалкія, покосившіяся избушки крестьянъ совершенно изчезали въ общей темнотѣ ночи и только, кой гдѣ, сквозь тусклыя, маленькія окна, падалъ на грязную улицу свѣтъ горящей лучины. По срединѣ улицы, на тощей лошаденкѣ, едва переступавшей по колѣна въ грязи,—тащился верхомъ мужикъ въ промокшемъ зипунѣ и мѣховой изорванной шапкѣ, съ которой крупными каплями падалъ дождь на мокрую бороду мужика. Собаки дружнымъ лаемъ заливались по деревнѣ; мужикъ торопливо дергалъ поводьями и наконецъ добрался до избы.

Изъ подъ крыльца привѣтствовали его своимъ хрюканьемъ свиньи, на крылечкѣ вертѣлась, виляя хвостомъ, бѣлая собака и взвизгивала обрадованная возвращенію хозяина; на дворѣ гдѣ-то отчаянно закричалъ пѣтухъ.

— Ой ё! Вонъ какъ! Изъ города-то я чуть не всю ночь хрясталъ, подумалъ мужикъ, отыскивая дверную скобку.

Рано утромъ на слѣдующій день въ избу крестьянина входили одинъ по одному товарищи. Отворяя двери, они говорили: „здравствуй Егоръ Кузмичъ“, потомъ входили въ избу, крестились на образа и, встряхивая волосами, повторяли привѣтствіе.

— Еще здравствуйте.

— Добро жаловать.

Собралось человѣкъ шесть. Хозяинъ натянулъ на ноги лапти и усѣлся за столъ, мужики сидѣли около, на скамьѣ.

— Ну што, Егоръ Кузмичъ?

— Да што,—махнувъ рукой, отвѣчалъ хозяинъ,— плохо, ребята.

— Ужли нѣту? съ удивленіемъ вскрикнули гости.

— Чево нѣту? сердито спросилъ хозяинъ.

— Да извозу-то... будетъ-ли нѣтъ-ли, какъ то есть теперича, ты провѣдалъ?

— Извозъ-то, извозъ, почесываясь началъ хозяинъ,— то-то ребята—вдругъ заговорилъ онъ вставая со скамьи,— баялъ я вамъ, што надо раньше провѣдать,—все погоди да погоди, а вотъ теперя и не тово...

— Да почемъ везутъ-то? спрашивали грустно мужики.

— Челнынски ребята взялись по пятнадцати съ пуду.

— До Богульмы значитъ.

— Знамо дѣло, до Богульмы, а то куда ино больше ѣхать-то, ярманка тамъ...

— Знаемъ.

— Ну?

— Чево нукать-то, надо вотъ ѣхать да рѣшать, а то пожалуй и это прозѣваемъ.

— Ѣхать, такъ ѣхать.

— Пятнадцать ребята, чай, и намъ дадутъ, коли Челнынски брали по пятнадцати.

— То-то, дадутъ-ли,—вздыхая сказалъ хозяинъ,—Лопатовъ-то, слышь, больно скупъ.

— Какое—скупъ, что ты, Егоръ! Церкви вонъ строитъ, благодѣтель, говорятъ...

— А Богъ его знатъ, може и правда, только прикащики баяли, онъ нарочно попозже извозъ отдаетъ, чтобы, значитъ, подешевле.

— Дастъ, чай, пятнадцать,—все равно вонъ Челнынскимъ тоже пятнадцать дали...

— Поѣдемъ, видно, рядиться?

— У меня, ребята, лошадь больно устала — началъ хозяинъ — я значитъ для общаго дѣла ѣздилъ, теперя вы меня везите...

— Не говори! Чать тоже понимаемъ, народъ крещеной...

Мужики разошлись по домамъ. Черезъ часъ по грязной дорогѣ изъ Морквашей тянулись двѣ телеги, въ нихъ сидѣло по три мужика.

Послѣ дождя лившаго всю ночь, въ воздухѣ было

сыро и холодно, оборванные клочья сѣрыхъ свинцовыхъ облаковъ тянулись длинной вереницей по небу, осенній вѣтеръ снова начиналъ пѣть свои заунывныя скучныя пѣсни.

Чрезъ нѣсколько времени вдали показались высокія колокольни городскихъ церквей, слышался глухой звонъ къ обѣднѣ...

II.

Телѣги тащились по городу. По улицамъ ѣхали горожане въ церковь, кучера громко кричали мужикамъ „сворачивай", мужики торопливо понукали своихъ усталыхъ лошаденокъ въ сторону и смотрѣли на проѣзжающихъ дамъ и мущинъ, закрывавшихся зонтами. Дождь снова начиналъ капать.

— Ишь ты—подъ крышкой ѣдутъ, разсуждали мужики.

У высокаго каменнаго дома кущца Лопатова, мужики вылѣзли изъ телегъ и поставили коней къ заплоту. Оглядѣвшись по сторонамъ, они робко вошли въ лавку. Парень въ полушубкѣ стоялъ за прилавкомъ и грызъ кусокъ сахару.

— Чево вамъ надо? грубо крикнулъ онъ на входящихъ мужиковъ.

— Здѣсь кущца Лопатова лавка?

— Ну. здѣсь. Чево надо?

— Мы марквашински... вчера вашъ прикащикъ баялъ, — извозъ есть въ Богульму, такъ мы, значитъ, на счетъ извозу...

— Ступайте во дворъ, тамъ подождите,—хозяинъ у обѣдни.

Мужики хотѣли пораспросить о подробностяхъ.

— Какъ почтенный цѣна-то будетъ? началъ было одинъ, но прикащикъ, сознавая свое превосходство, не хотѣлъ разговаривать съ мужиками и крикнулъ:

— Ну, нечево тутъ растолковывать-то, — ступайте во дворъ—тамъ ждите.

Мужики вышли изъ лавки и стали въ подъѣздѣ двора, скрываясь отъ дождя. Дождь усиливался. Съ улицы въ подъѣздъ долеталъ звонъ во всѣ колокола соборной церкви. Мужики сняли свои мокрыя шапки и крестились.

— Господи помилуй—обѣдня идетъ!

Долго простояли они, разсуждая объ извозѣ.

— Пораньше-бы недѣлькой—извозу, сказывали, было много...

— То-то бы пораньше, да нельзя вѣдь,—съ хлѣбомъ убирались...

Чрезъ нѣсколько времени въ подъѣздѣ прошумѣлъ экипажъ. Толстый, сѣдой купецъ съ молодой супругой возвратился изъ церкви.

Мужики снова сняли шапки и кланялись.

— Чево вамъ? крикнулъ купецъ, слѣзая съ экипажа и останавливаясь на крыльцѣ.

Мужики подошли къ крыльцу.

— На счетъ извозу-бы... въ Богульму, баютъ, есть у васъ...

— Есть, есть. Возовъ двадцать будетъ.

— Намъ бы и довольно,—въ самый разъ.

— Вы откуда?

— Марквашенски.

— У меня, вонъ, челнынскіе ребята просятъ... Почемъ вы возьмете-то?

— Да по пятнадцати-бы, робко говорили мужики, мотая головами въ видѣ поклона.

— Эка ловки больно! Гривенникъ дамъ, такъ и быть—извощиковъ теперь много...

Мужики вздохнули.

— Это слово ваше вѣрно,—началъ одинъ,—только какъ теперь, значитъ, челнынски брали по пятнадцати...

— Нѣтъ, нѣтъ и говорить нечево—не дамъ по этой цѣнѣ.

Мужики стали переминаться съ ноги на ногу. Купецъ стоялъ подъ крышей крыльца и спокойно смотрѣлъ, какъ на открытыя мужицкія головы падали капли дождя.

— Прибавьте, ваше почтеніе.

— Вонъ тоже теперь челнынски...

— Да чево ты меня челнынскими-то попрекаешь—закричалъ купецъ,—развѣ они мнѣ указъ, что-ли? Хочешь берешь, хочешь нѣтъ, много вашего брата.

— По десяти-то ваше почтеніе,—на кормъ конямъ не достанетъ.

— Какъ хотите—дѣло ваше!

— Тоже и другіе такой цѣны не возьмутъ,—потому—себѣ на шею...

— Ну, ладно ужъ, такъ и быть, дамъ вамъ по двѣнадцати—сказалъ купецъ,—согласны?

— Ваше почтеніе,—обидно, то есть...

Купецъ махнулъ рукой и торопливо побѣжалъ по лѣстницѣ вверхъ.

Мужики снова ушли въ подъѣздъ и надѣли шапки.

— Вонъ давеча ты баялъ,—благодѣтель, а вишь какъ жметъ, изъ трехъ копѣекъ стоитъ, а всего-то кажись, у двадцати возовъ, рублевъ пятнадцать...

— То-то, вишь, опоздали...

— Эка горе!

— Прибавитъ-ли нѣтъ-ли?

— Если ребята теперь по двѣнадцати считать—на харчи, пожалуй, не хватитъ.

— Ну-ко, смѣкай, чево, какъ...

Егоръ Кузьмичъ, ѣздившій разузнавать объ извозѣ, началъ расчитывать.

— До Богульмы,—говорилъ онъ, медленно сжимая на лѣвой рукѣ пальцы—теперича до Богульмы полтораста верстъ, семь разъ выходитъ кормежка, ну, вотъ на сѣно...

— На одномъ сѣнѣ, братъ Егоръ Кузьмичъ, тоже далеко не упрёшь.

— Это вѣрно—безъ овса тутъ никакъ нельзя...

— Ну—овесъ, продолжалъ Егоръ, сжимая другой палецъ,—овса, ежели теперь по двадцати копѣекъ...

— Сколько четвериковъ-ту надо?

Долго толковали мужики въ подъѣздѣ, собравшись въ кучу. Прошолъ мимо прикащикъ, расталкивая ихъ по сторонамъ, кучеръ прошагалъ по двору и послалъ къ нимъ бранное слово за то, что толпятся не на своемъ мѣстѣ.

— Есть вамъ дворъ, остолопы—куда тѣснитесь!

— Да ты чево больно лаешься,—хозяинъ што-ли—вишь чать лупоглазый чортъ, — дождь-то полыщетъ, отгрызлись въ свою очередь мужики, прерванные на самомъ трудномъ мѣстѣ своихъ экономическихъ расчетовъ.

— Мужичье! крикнулъ кучеръ, уходя въ кухню.

— Баринъ сталъ! Въ городѣ-то отъѣлся, лѣшакъ! послали въ догонку мужики.

Съ улицы, подъ зонтомъ, входила въ подъѣздъ высокая женщина, одѣтая вся въ черное; она сложила зонтъ и, тыкая имъ въ мужиковъ, сердито ворчала:

— Ну вы, мужичье, посторонитесь.

Мужики оробѣли и молча отошли къ одной сторонѣ.

— Должно,—монашинка.

— Нѣтъ—тѣ не такъ ходятъ. Шапки, это, у нихъ на головахъ востринькія надѣты, а эта, видѣлъ, платкомъ обвязана.

— Може родственница...

— А какой домина, ребята, большой! Намъ бы въ Маркваши,—всю деревню бы сюда усадили.

— Ну, примѣрно,—началъ опять Егоръ—на обратную путину, ежели бы Богъ далъ клади...

— Такъ-то бы можно было...

Порѣшили на томъ, что Богъ не безъ милости, и можетъ быть пошлетъ имъ клади на обратный путь.

— Чево-же, Егоръ Кузьмичъ, поди видно въ горницу, да рѣшай.

— Боязно ребята, какъ бы не тово...

— Благословясь, вали...

— Ну съ Богомъ!

Егоръ робко сталъ подниматься по лѣстницѣ. Подошелъ къ двери, отворилъ и испугался раздавшагося звонка.

— Ты кто? шопотомъ спросила босоногая дѣвчонка, торопливо выбѣгая изъ корридора въ прихожую.

— Мы, матушка, Марквашенски, къ хозяину за извозомъ, тоже шопотомъ отвѣчалъ Егоръ.

Дѣвчонка убѣжала назадъ. Чрезъ нѣсколько времени купецъ показался изъ своихъ аппартаментовъ.

— Что тебѣ? сердито спросилъ онъ Егора.

— Да къ вашей милости, на счетъ, то есть, прибавки...

— Ну, чего ты лѣзешь? Чево полъ-то мараешь? Говорятъ тебѣ—двѣнадцать, цѣна красная.

— Хошъ-бы ужъ по четырнадцати... на бѣдность то есть...

— Дуракъ, дуракъ! На бѣдность Христа ради про-

сятъ неимущіе,—а у васъ избы есть, лошади, въ извозъ ѣздите... Хочешь Христа ради подамъ?..

— Помилуйте, ваше почтеніе, зачѣмъ Господа гнѣвить!

— Ну вотъ то-то и есть... Берите двѣнадцать, нечево тутъ время-то тратить.

— Ваше почтеніе, копѣечку-то накиньте...

Купецъ повернулъ мужика за плечи къ дверямъ и сказалъ: вотъ тебѣ дорога—ступай.

— Да ужъ мы, ваше почтеніе, согласны...

— По двѣнадцати, смотри? строго спросилъ купецъ.

Егоръ вздохнулъ.

— По двѣнадцати видно ужъ, грустно заключилъ онъ.

— Ну завтра пріѣзжайте наваливать.

— Задаточку-бы, робко попросилъ онъ.

— Дуракъ! какой тебѣ задатокъ,—обману я что-ли васъ? Свиньи!

— На хлѣбъ бы хошъ немного: не ѣли севодни ничево...

— На, вотъ полтинникъ,—вотъ тебѣ и задатокъ... Завтра пораньше пріѣзжайте.

— Къ вечеру ужъ бы, ваше почтеніе, лошаденокъ тоже надо покормить, грязища стоитъ.

— Ну ужъ ладно, къ вечеру... Вотъ видите, я вамъ дуракамъ одолженіе какое дѣлаю,—должны чувствовать.

— На этомъ благодаримъ покорно, грустно отвѣчалъ Егоръ.

— Ну, ступай.

— А какъ, ваше почтеніе, на счетъ денегъ, на дорогу то есть?

— Ступай ужъ, коли говорю—балбесъ! Прикащикъ съ вами при обозѣ поѣдетъ, будетъ выдавать, сколько нужно—ступай.

Егоръ ушолъ къ товарищамъ. Купецъ возвратился въ свои аппартаменты. Въ столовой комнатѣ былъ раскрытъ большой столъ, на столѣ стоялъ двухведерный блестящій самоваръ и пыхтѣлъ на всю комнату; между чашками и стаканами возвышалась корзина, съ громадной кучей различныхъ сдобныхъ явствъ. Молодая, распылавшаяся отъ жиру, румяная жена купца разливала чай и угощала гостью, одѣтую, съ ногъ до головы, въ черное. Гостья медленно пила чай и часто и глубоко вздыхала, перебирая въ рукахъ четки.

— Дѣла, дѣла! сказалъ купецъ, входя въ столовую.

— Суета суетъ, всяческая суета! слезливо подсказала гостья, — затѣмъ допила чай, тихо поднялась со стула, помолилась на образа и, смиренно поклонившись купцу съ женой — медленно опустилась на стулъ.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

— Я вотъ все сижу и думаю, вздыхая начала странница, какой у васъ прекрасный, можно сказать Господу Богу угодный городъ! Въ храмахъ Господнихъ какое благолѣпіе и убранство, сребра и злата многоцѣннаго сокровищъ какое неописанное множество!..

— Н-да-съ! оживляясь перебилъ купецъ,—если теперь нашъ городъ сравнить съ другими, такъ не бойсь

ночище будетъ, пожалуй что и губернскому-то за нашимъ неугоняться.

— Это вы истинно, можно сказать, говорите, подхватила странница,—какихъ я городовъ въ своемъ вѣку не видывала, сколько я разныхъ святыхъ мѣстовъ неисходила, а такого городу какъ вашъ даже и неслыхивала никогда. Богоспасаемый градъ!

Купецъ улыбался и самодовольно поглаживалъ бороду.

— И какіе все благодѣтельные, богобоязненные люди живутъ въ этомъ святомъ градѣ, продолжала напѣвать странница.

— Н-да-съ! Это вы точно...

— Истинно, мой батюшка, вамъ глаголю, можно сказать что богоспасаемый градъ!..

— Вѣрно. Вѣрно. Это вы вѣрно... У насъ на этотъ счетъ завсегда: странникъ-ли, странница-ли,—кто угодно,—извольте,—потому что все для Бога.

— Да-съ, со вздохомъ подсказала странница,—все это зачтется...

— Эт-то вѣрно, заключилъ купецъ тоже вздыхая.

Черезъ полчаса разговоръ зашелъ о денежныхъ дѣлахъ.

— Теперь, я думаю, съ помощію Божіей совершить новое путешествіе, смиренно объяснила странница.

— Такъ-съ, это душеспасительно.

— Не желаете-ли вы послать какое приношеніе?

— Отчего-же,—можно...

— Вы не подумайте что нибудь, начала странница,

вдругъ вставая, и таинственно продолжала, стоя предъ купцомъ съ сложенными на груди руками:

— Меня Господь взыскалъ всѣми благами жизни, я жила въ роскоши и удовольствіи тлѣннаго міра сего и вдругъ въ нощномъ видѣніи сіяющій, яко солнце, явился нѣкій духъ...

Лицо гостьи приняло торжественное, приличное разсказу выраженіе, глаза блестѣли и правая рука, поднятая къ верху, выражала повелительный жестъ.

Купецъ всталъ на ноги и отодвинулся отъ гостьи— онъ оробѣлъ. Жена купца, почти ничего не понявшая, по бѣдности своихъ умственныхъ силъ, — сидѣла за самоваромъ, глупо вытаращивъ на высокую гостью свои сѣрые, безтолковые глаза.

Купецъ осторожно вышелъ изъ столовой въ свой кабинетъ.

— Господи,—думалъ онъ, отпирая сундукъ, — какіе люди посѣщаютъ мой домъ!

Онъ вынулъ изъ сундука сто рублей кредитками и отправился въ столовую.

Гостья снова сидѣла на стулѣ, смиренно перебирая чотки.

— Вотъ ужъ потрудитесь — почтительно говорилъ купецъ, подавая деньги,—сдѣлайте божеское одолженіе, употребите деньги на богоугодное дѣле.

— „Тлѣнное сіе обратится въ нетлѣнное“, сказала гостья, опуская деньги въ карманъ.

— А вы скоро за моря ѣдете? спросила купчиха.

— Я матушка не ѣзжу,—я все пѣшкомъ, все пѣшкомъ и не чувствую усталости никогда.

— Чудныя дѣла! заключилъ купецъ.

Гостья стала прощаться.

— Буди благодать Божія въ вашемъ домѣ!

— Помолитесь за насъ грѣшныхъ.

— Ваша молитвенница за васъ и за весь міръ православный.

Гостья вышла на крыльцо, развернула деньги, посмотрѣла и снова быстро опустила въ карманъ.

— Ишь старый, нѣтъ чтобы сотенъ пять дать, а вѣдь мильоны у сѣдаго лежатъ, — думала она проходя чрезъ подъѣздъ.

Мужики тащились по грязной дорогѣ въ свою бѣдную деревеньку и громко кричали съ телѣги на телѣгу:

— А что, Егоръ Кузьмичъ, если да мы изъ Богульмы обратнава извозу не найдемъ, то, братъ, на харчи не хватитъ.

— Облопаешься съ харчей-то, съ грустной улыбкой подхватилъ другой мужикъ.

— Ничево, ребята, Богъ не безъ милости...

СЪ УТРА ДО ВЕЧЕРА.

Раннее утро.

Въ большомъ купеческомъ домѣ, на полу комнаты, смѣжной съ кухней, на разостланныхъ войлокахъ и шубахъ, спали прикащики числомъ до десяти человѣкъ; спали они кто въ длину комнаты, кто поперегъ; помѣщеніе было тѣсное и потому желавшій подняться изъ дальнихъ рядовъ могъ пройдти въ кухню не иначе, какъ по ногамъ и головамъ спящихъ; на стульяхъ, на столѣ и на полу валялись принадлежности туалета, въ комнатѣ было грязно, душно... Сквозь немытыя, запыленныя стекла оконъ пробивался въ комнату солнечный свѣтъ и падалъ на грязныя, пыльныя кучи разбросаннаго платья спящихъ.

Часу въ шестомъ, дверь изъ кухни пріотворилась, и старуха-кухарка, ворча и охая, стала толкать ногой одного изъ прикащиковъ. Прикащикъ проснулся, дико посмотрѣлъ на старуху, торопливо сѣлъ, зачесалъ руками волосы и потомъ торопливо нѣсколько разъ перекрестился.

— Что вы спите, али подохли, прости Господи

Вставайте... Хозяинъ придетъ заглянетъ, браниться будетъ.

— Ну, заскрипѣ-ѣ-ла старая! отваливай, и безъ тебя встанемъ...

— Встали, какъ-же... колоды, прости Господи! ворчала старуха, уходя.

Прикащики одинъ за однимъ просыпались. Въ маленькой комнатѣ сдѣлалось еще тѣснѣе и грязнѣе; сонныя, неумытыя рожи двигались взадъ и впередъ, толкаясь и перебраниваясь между собой,—кто отыскивалъ галстукъ, кто сапогъ, кто окурокъ папиросы.

— Да отворите окно, черти! задохнешься здѣсь, — отчаянно кричалъ кто-то изъ угла, напяливая на плечи грязный кафтанъ.

Кой какъ все угомонилось. Прикащики одѣлись, побрызгали на заспанныя лица изъ висѣвшаго въ кухнѣ чугуннаго умывальника, поприбрали свои незатѣйливыя постели и начали молиться на большой старинный образъ, стоявшій въ переднемъ углу. Двое изъ мальчиковъ притащили изъ кухни большущій, пыхтящій самоваръ и началось чаепитіе... Чрезъ полчаса раскраснѣвшіеся прикащики одинъ за другимъ выходили изъ кухни, съ ключами въ рукахъ отъ лавокъ и амбаровъ. Одинъ изъ нихъ парень, лѣтъ въ 25, замедлилъ въ кухнѣ и таинственно нашептывалъ кухаркѣ, разводя руками:

— Вотъ, видишь-ли, Демьяновна, сонъ-то какой, — будто не къ добру...

— Да што ты видѣлъ-то, ты скажи на-перво, а я ужъ тебѣ растолкую.

— Плохо, мать, плохо — вздыхалъ парень - - самъ смѣкаю что плохо... Видишь ли что: будто теперя наша лавка дверями во дворъ стоитъ, а Чернышка — собака къ дверямъ привязана; я это, ее тово... хочу, значитъ, за цѣпь, а она меня обняла лапами-то, да и отскочила, цѣпь-то такъ на мнѣ и осталась.

— Къ рекрутчинѣ, видно, родимый, къ рекрутчинѣ, объясняла Демьяновна, грустно качая головой.

— Я тѣ говорилъ, что не къ добру,—ну, такъ и вышло! сказалъ со вздохомъ парень и, почесывая голову, вышелъ изъ кухни.

Часовъ въ восемь проснулся хозяинъ, умылся, помолился съ усердіемъ Богу, съ аппетитомъ напился чаю, глубоко вздохнулъ, ставя на столъ десятый допитый стаканъ и, перекрестившись, вышелъ изъ своихъ аппартаментовъ.

— Эй, Антонъ,—говорилъ купецъ въ лавкѣ, обращая свою рѣчь къ одному изъ своихъ прикащиковъ,—подика, отопри палатку, я посмотрю холстъ.

Антонъ сломя голову побѣжалъ къ палаткѣ и торопливо отперъ тяжелый замокъ. Массы холста, нѣсколько разъ уже сортированнаго, запакованнаго въ тюки, готоваго къ отправкѣ на ярмарку, лежали бунтами въ палаткѣ.

— Ну-ко, ну-ко, разбей этотъ тюкъ, разбей, я посмотрю, приказывалъ купецъ.

Антонъ развязывалъ тюкъ и купецъ начиналъ разбрасывать холстъ въ разныя стороны.

— Ну-ко еще тюкъ разбей.

Антонъ развязалъ тюковъ двадцать, купецъ разбросалъ холстъ по всему полу палатки и чрезъ два часа вышелъ оттуда въ лавку.

— Эй ребята!—кричалъ онъ прикащикамъ,—поди-те, укладывайте холстъ, я его разсортировалъ... Тамъ Антонъ покажетъ, какъ укладывать-то...

Часть прикащиковъ отправилась въ палатку.

— Все равно,—думалъ купецъ,—дѣлать-то имъ нечего, пусть работаютъ, а то даромъ только хлѣбъ ѣдятъ... время теперь лѣтнее, работы нѣту вовсе...

— Вотъ братъ дядя—говорилъ купецъ проходившему мимо лавки крестьянину—вотъ все хлопочу, хлопочу, для Бога все, ради спасенья души... Все вѣдь раздамъ нищей братіи... Вонъ, поди посмотри, сколько дармоѣдовъ держу; даромъ хлѣбъ ѣдятъ...

— Вонъ што! Даромъ?.. эка напасть!—говорилъ растерявшійся и ничего не понявшій мужикъ,—зачѣмъ даромъ-ту держишь? спросилъ онъ съ удивленіемъ, глядя на купца.

— Дуракъ ты дядя:—для Бога держу, все для Бога... только-бы душу свою спасти...

Мужикъ стоялъ противъ лавки, снявъ съ головы шапку.

— Ну, чего сталъ, глаза-то выпучилъ? проходи своей дорогой, крикнулъ неожиданно купецъ.

Крестьянинъ даже вздрогнулъ отъ испуга и пошелъ своей дорогой, размышляя:

— Какъ-же такъ-то? Чево это съ нимъ тако приключилось? Заговорилъ чево-то скоро таково, а потомъ закричалъ: проходи, говоритъ, глаза выпучилъ... Чудной! А богатой мужикъ, сказываютъ!

Солнце высоко поднялось и пропекало на сквозь желѣзную крышу купеческой палатки. Сонъ клонилъ изнуренныхъ прикащиковъ, складывавшихъ въ палаткѣ разбросанный холстъ.

— Не торопись, ребята,—все равно вѣдь—кончимъ, такъ опять сначала заставитъ складывать...

— Да, теперь ужъ въ третій разъ пришлось... соснуть-бы, ребята, теперь важно-бы...

Изъ комнатъ выбѣжала босая дѣвчонка и спѣшила по направленію къ погребу.

— Что, хозяинъ спитъ? спрашивали прикащики.

— Сичасъ пообѣдалъ... ложится... квасу велѣлъ, бросила въ торопяхъ дѣвчонка.

Поставили прикащики у дверей палатки мальчика наблюдать, чтобъ вдругъ хозяинъ не пришелъ, и завалились на холстъ спать. Заснули. Работникъ зашелъ въ палатку и связалъ двоихъ по ногамъ, а самъ отправился на кухню опубликовать свою затѣю. Любопытная прислуга пришла поглазѣть на потѣху, пользуясь сномъ хозяина. Работникъ зашепталъ зловѣщее слово: „хозяинъ идетъ“. Связанные прикащики начали рваться и бросаться въ разныя стороны, не понимая,

что такое случилось съ ихъ ногами и едва пришли въ себя при общемъ хохотѣ зрителей.

— Ахъ, ты матушки—всплеснувъ руками, сказала кухарка—страху-то на васъ нѣтъ,—и пошла въ свою кухню, качая головой.

— Охальники—одно слово! Въ самъ-дѣлѣ, какъ проснется самъ-отъ, вѣдь изувѣчитъ онъ ихъ, поддакнула босоногая дѣвчонка, бѣгавшая за квасомъ.

— Антонъ! Антонъ!—вдругъ раздался изъ окна голосъ проснувшагося хозяина—чего тамъ всѣ набѣжали къ палаткѣ-то?

— Да мышь поймали въ палаткѣ, такъ собрались поглядѣть,—большущая!

— Эка каторжная!—заботливо крикнулъ купецъ—холстъ, чай, грызла, а?

— Нѣтъ, не грызла... нужды нѣтъ.

— Убить ее надо проклятую,—непременно убить!

— Мы ужъ убили, выбросили чрезъ заплотъ... далеко бросили! безсовѣстно вралъ Антонъ.

Прикащики принялись снова за свою работу. Купецъ сидѣлъ у окна, уложивъ свои жилистыя руки на подоконникъ. Долго онъ сидѣлъ позѣвывая, да посматривая лѣниво на свой дворъ. Дѣвчонка опять сбѣгала въ погребъ за квасомъ и поставила кружку предъ массивной фигурой купца. Хлѣбнулъ онъ еще раза три, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и опять сталъ лѣниво смотрѣть на дворъ;—широкая тѣнь лежала на половинѣ двора, и черная собака, растянувшись у своей конуры,

отдыхала послѣ жару, вытянувъ языкъ. — Вдругъ, по лицу купца пробѣжала веселая улыбка, онъ торопливо поднялся съ своего мѣста и побѣжалъ во дворъ, радостно вскрикивая: Ахъ, матушка! Посѣтила родная! Домна Карповна!

Посрединѣ двора остановилась странная, низенькая фигура, вся увѣшанная разноцвѣтными грязными тряпками; къ поясу были привязаны всевозможныхъ размѣровъ мѣшки, наполненные землей, пескомъ, камнями, дохлыми кошками и т. п. Одинъ только Богъ вѣдаетъ, чего у этой странной фигуры не было въ мѣшкахъ! Голова ея была закутана тоже тряпками, перепачканными всяческой грязью; лицо казалось сплошнымъ комомъ грязи, и только перебѣгавшіе съ предмета на предметъ глаза, движеніемъ бѣлковъ, обличали человѣческій образъ, когда-то имѣвшій божіе подобіе. Ноги странной фигуры были обуты въ громадныя крестьянскія бродни; въ одной рукѣ она держала суковастую большую палку, въ другой — образъ суздальской работы.

Эта странная и безобразная фугура привлекла вниманіе всего дома. Изъ палатки и изъ лавки выбѣжали прикащики, изъ комнатъ—прислуга и всѣ домочадцы,— всѣ стояли поодаль отъ странной фигуры. Она не двигалась съ мѣста и долго поводила въ разныя стороны своими большими дикими глазами. Цѣпная собака надрывалась до хрипоты въ горлѣ и какъ будто силилась разорвать или шею свою, или пѣпь.

Купецъ выбѣжалъ безъ фуражки на дворъ и началъ

загонять собаку въ конуру. Собака забыла своего хозяина и не переставала заливаться хриплымъ отчаяннымъ лаемъ:—она поднималась на заднія лапы и, теряя равновѣсіе, падала на землю, снова вскакивала и снова заливалась лаемъ и гремѣла цѣпью.

— Матушка ты наша, Домна Карповна! съ благоговѣніемъ говорилъ купецъ, подходя къ странной фигурѣ.

— Посторонись окаянный! закричала странная фигура, не двигаясь съ мѣста.

— Матушка! прости меня... грѣшникъ я—недостоинъ подойти къ тебѣ, плачевно продолжалъ купецъ.

Страшная фигура подняла свою суковатую палку, погрозила ею купцу и потомъ смѣлыми шагами пошла къ собакѣ.

— Господи! загрызетъ чернышка-то ее! слышалось въ толпѣ прикащиковъ.

— Удались нечистая сила! сгинь бѣсовское скверное отродье! закричала Домна Карповна дикимъ страшнымъ голосомъ и лѣзла на собаку.

Испуганная смѣлымъ приближеніемъ невиданнаго чудовища, а отчасти, конечно, и суковатой палкой, — собака струсила, юркнула въ свою конуру и сердито ворчала, но не смѣла болѣе высунуть свою морду изъ конуры.

— Господи Боже! какая ей власть дана усмирять животныхъ, шепталъ въ удивленіи купецъ, не сводя глазъ съ Домны Карповны.

Усмиривъ собаку къ удивленію купца и всѣхъ собравшихся во дворѣ, Домна Карповна пошла въ комнаты, стукая по ступенямъ крыльца палкой. Купецъ благоговѣйно слѣдовалъ за ней. Сзади его тѣснились прикащики и мальчики, старавшіеся пробраться въ комнату, оставивъ свои занятія. Кухарка взвизгнула отчаяннымъ голосомъ, увидя торжественное шествіе съ палкой, мѣшками, тряпками и проч.

— Охъ ты мнѣ, тошнехонько! вскрикнула она, всплеснувъ руками.

— Тише ты, дура! строго шепнулъ купецъ кухаркѣ, отворяя для Домны Карповны дверь въ пріемную комнату.

— Матушка! Домна Карповна! не прикажете ли чайку подать? почтительно спрашивалъ онъ.

— Китайскія травы растутъ на пути грѣшнаго беззаконія, проворчала себѣ подъ носъ Домна Карповна и начала рыться въ своихъ безчисленныхъ мѣшкахъ. Вдругъ, къ удивленію всѣхъ собравшихся, она вытащила изъ мѣшка грошъ.

— На! сердито сказала онъ, подавая грошъ женѣ купца.

У купца глаза отъ радости забѣгали. Онъ подскочилъ къ своей сожительницѣ и шепнулъ:—Какая намъ съ тобой благодать будетъ! Запомни мое слово! Сожительница таращила глаза на всѣхъ и дивилась. Всѣ собравшіеся въ комнатѣ тѣснились около Домны Карповны въ ожиданіи предсказаній.

— На, тебѣ, — обратилась Домна Карповна къ купцу и подала ему кусокъ старой грязной подошвы, вытащенной тоже изъ мѣшка.

Купецъ почтительно взялъ грязный кусокъ и, осторожно завернувъ его въ бумагу, положилъ на столъ.

— А вамъ, дохлымъ собакамъ, буракъ квасу, заревѣла Домна Карповна — и дѣйствительно вытащила изъ мѣшка буракъ квасу. Она открыла его и вдругъ неожиданно плеснула на всѣхъ съ размаху.

Толпа пустилась бѣжать вонъ изъ комнаты; нѣкоторые хохотали, другіе недовольнымъ голосомъ говорили:

— Вотъ тебѣ и предсказала!

— Чорта въ стулѣ предсказала...

— Азямъ только квасомъ испортила!

Домна Карповна покуралесила еще нѣсколько времени предъ благоговѣйно внимавшими ей купцомъ и его домочадцами и вдругъ, повернувшись къ дверямъ, пошла обратно изъ комнатъ.

— Цвѣтутъ цвѣты цвѣтовы, по цвѣтамъ цвѣтущимъ, разливаются рѣки благочестія, фиміамы курились, дѣти народилися, путь дорога широкая, карманы глубокіе, Домна живетъ одинокая... безсвязно забормотала она, переваливаясь съ боку на бокъ подъ тяжестію своихъ безчисленныхъ грязныхъ мѣшковъ.

Купецъ почтительно слѣдовалъ за ней и проводилъ свою гостью до воротъ. Только что началъ онъ отворять для нея калитку, какъ она остановила его руку и протянула глухимъ голосомъ: „добродѣтель твоя

краше меня“ и потомъ, вѣроятно въ благодарность за вниманіе, нежданно, негаданно, огрѣла купца суковатой палкой вдоль спины.

— Охъ, грѣхи мои! охнулъ купецъ.

— Дуракъ! закричала Домна Карповна и съ хохотомъ пошла въ сосѣдній домъ тоже благочестиваго купца.

Купецъ почесалъ спину, постоялъ у воротъ, задумчиво посмотрѣлъ вслѣдъ уходящей гостьѣ и возвратился въ комнату.

— Матрена! Поняла? спрашивалъ онъ свою сожительницу.

— Чего? переспросила супруга.

— Какъ чего? Дура! Ужели не поняла, а? Вѣдь все равно въ ротъ положила: тебѣ грошъ дала — благодать значитъ къ намъ въ домъ посылаетъ; мнѣ, — подошву, значитъ въ дорогу скоро ѣхать... видишь, она знаетъ, что ярмарка на носу. А ребятамъ-то... удивленія достойно — вѣдь какъ она все предсказала: дескать, имъ омовеніе душевное нужно — народъ молодой, не раскаянный...

— Да ты чего спину-то чешешь да морщишся? спросила жена.

— Нѣтъ... Это такъ. Она меня тамъ у калитки огрѣла палкой... Господи! Вѣдь все знаетъ: я грѣшникъ въ ту минуту подумалъ было — какой молъ нехорошій духъ изъ мѣшковъ-то у ней несетъ — провѣдала сейчасъ, да какъ треснетъ меня палкой...

Купецъ тяжело вздохнулъ и велѣлъ ставить самоваръ.

Вечеромъ прикащики сидѣли за самоваромъ и разсуждали о посѣщеніи Домны Карповны.

— Къ добру или къ худу ребята, а?

— Кто ее знатъ, може такъ, съ дуру...

— Поговори такъ-то... Она юродивая!

— А пусть ее! Мнѣ-то что за дѣло что юродивая,—говорилъ кто-то изъ скептиковъ,—вотъ я давеча книгу добылъ — забавная статья! Какъ это тутъ всякая птица и звѣри толкуютъ, да складно таково — умора!

— Ну-ко валяй!

Самоваръ убрали. Скептикъ начинаетъ: „Проказница мартышка...“

— Ха, ха, ха! — раздается въ тѣсной комнатѣ,— важно! Комолапый Мишка... Эй! Михайло! Это про тебя.

— Нѣтъ, это Антона трогаютъ... Ну-ко, вали еще, чего тамъ.

Кто слушалъ чтеніе басни и заливался хохотомъ, нѣкоторые завалились спать въ ожиданіи ужина. Изъ кухни слышался тоже хохотъ: били кого-то по носу картами.

— Держись крѣпче. Я тебѣ задамъ перца-зра съ горошкомъ... Тридцать два, тридцать три... Держись Сорокъ семь!.. Эхъ, кончено! съ сожалѣніемъ говорилъ палачъ. Жертва морщилась и намазывала саломъ побагровѣвшій носъ.

Мальчишки, уставшіе во время дня, давно спали въ кухнѣ на палатяхъ и тревожно метались съ боку на бокъ при сильномъ хохотѣ игравшихъ въ карты.

— Стой ребята!—крикнулъ одинъ изъ прикащиковъ—гдѣ мальчишки? На полатяхъ! Дѣло. Сичасъ я съ ними штуку сотворю...

И запачкалъ догадливый лица спящихъ мальчиковъ сажей къ вящему удовольствію всѣхъ прикащиковъ. Дѣтей разбудили и начали заливаться хохотомъ надъ ихъ черными лицами. Мальчики изумленно смотрѣли на всѣхъ, не понимая причины смѣха, и зѣвали съ просонка...

Послѣ ужина, исполняя хозяйскій приказъ, вся нестройная толпа тѣснилась около образа и старшій прикащикъ читалъ вслухъ акафистъ. Слушающіе пѣли и молились, иногда въ заднихъ рядахъ слышался сдержанный хохотъ разыгравшихся мальчишекъ, вслѣдъ за хохотомъ раздавался плачъ и слезы: порокъ, слѣдовательно, наказывался.

— Матрена! спрашивалъ купецъ послѣ ужина.

— Чего тебѣ? отвѣчала, зѣвая во весь ротъ, сожительница.

— Молятся-ли тамъ у насъ ребята-то... Охо Господи, Господи! Грѣхи велики... Пошли-ко заглянуть, чего тамъ у нихъ... А то нечего на нихъ дармоѣдовъ смотрѣть — коли не молятся, да табакъ еще, прости Господи, сосутъ, такъ прогнать ихъ по шеямъ... Много ихъ шляется...

Сожительница послала дѣвчонку послушать у дверей,

что дѣлается у прикащиковъ. Дѣвчонка воротилась и объявила, что акафистъ читаютъ.

— Ну, и слава Богу... Можетъ намъ хоть это на томъ свѣтѣ зачтется, что мы о спасеніи ихъ душъ заботимся...

Черезъ часъ въ домѣ купца всѣ спали мертвымъ сномъ, только босая дѣвчонка пробиралась въ темнотѣ, по направленію къ прикащескому флигелю...

БѢГЛЕЦЫ И БѢГЛЯНКИ.

Тихо, день за днемъ, тянется однообразная жизнь нашего уѣзднаго города. Вѣрный своимъ излюбленнымъ патріархальнымъ обычаямъ, отдаленный отъ центра умственной и политической, да и всякой другой дѣятельности, городъ нашъ представляетъ собою нѣчто полусонное, дремлющее и эта дремота имѣетъ неотразимое, обаятельное дѣйствіе на всѣхъ обывателей нашего города. Мелкія обыденныя дрязги и заботы, крошечныя, мизерныя добродѣтели, составляя, такъ сказать, всю соль нашей полусонной жизни, всю ея закваску, вполнѣ удовлетворяютъ внутренній міръ обывателей и эти послѣдніе, купаясь по горло въ своихъ обыденныхъ дрязгахъ, мелочахъ, заботахъ и добродѣтеляхъ, не желаютъ, конечно, да и никакого основанія не имѣютъ желать чего либо другаго, новаго, лучшаго. Такимъ образомъ, до слуха мирныхъ жителей нашего города не достигаетъ никакая вѣсть, никакое событіе, могущее, такъ или иначе, нарушить ихъ узаконенный, медленный шагъ. Если, иногда, по волѣ судебъ, какими-то невѣдомыми силами,

добирается до нашего глухаго мѣста какое нибудь извѣстіе о какомъ нибудь происшествіи, выходящемъ изъ уровня понятій нашихъ обывателей и посягающемъ, такъ или иначе, на перемѣну въ строѣ нашей обыденной жизни, то мирные жители, встревожившись дошедшимъ извѣстіемъ, стараются только поплотнѣе укрѣпить колеса своей жизненной телѣги на старой колеѣ и затѣмъ, не обращая никакого вниманія ни на какія вѣсти, новости, слухи и произшествія,—двигаются себѣ тихимъ шагомъ по дорогѣ къ вѣчности. „—Такъ-то оно, тово... лучше, покойнѣе... Да!“ говорятъ наши мирные жители другъ другу.—„Оно точно... новое-то намъ еще не тово, мы еще ево не знаемъ, а по старинѣ-то ужъ намъ не привыкать стать. Отцы и дѣды наши жили тоже не мало годовъ, не мало разныхъ видовъ видывали, да тоже не больно на новые-то порядки зарились — такъ-то-ся!“

И тянется все по прежнему, какъ сто лѣтъ тому назадъ тянулось. Въ высшихъ сферахъ общества столичныхъ городовъ и въ литературѣ идетъ говоръ о необходимости образованія; въ мірѣ науки слѣдуютъ одно за однимъ различныя, полезныя открытія на пользу человѣчества, правительство заботится объ устройствѣ народныхъ училищъ и тѣмъ ясно высказываетъ необходимость поднять умственную жизнь простаго человѣка, разширить его кругозоръ и дать ему возможность улучшить свое экономическое положеніе при помощи образованія. А между тѣмъ, въ средѣ того сословія, которое составляетъ могущество и силу государства,—въ средѣ рус-

скаго купечества вообще, и купечества нашего уѣзднаго города въ особенности, — рѣдко, рѣдко когда долетитъ слухъ о томъ, что вотъ, молъ, такъ и такъ, о томъ-то говорятъ. Долетитъ этотъ слухъ и заглохнетъ, замретъ въ душномъ воздухѣ купеческихъ домовъ, какъ чахнетъ и умираетъ южное растеніе перенесенное въ чуждый ему сѣверный климатъ.

— Что, молъ, Андронъ Асафычъ, пишутъ, будтобы, наши ребята въ Китаѣ живутъ плохо? спрашиваетъ купецъ своего собрата.

— Кто пишетъ-то? Мазура, чай, какая!..

— Нѣтъ. Говорятъ въ какомъ-то сборникѣ, Морскомъ што-ли...

— Ну.

— Пишутъ, яко-бы; наши ребята тамъ въ Шанхаѣ, да въ Ханькау, на смѣхъ англичанамъ живутъ, что пьютъ много, да въ карты играютъ... Что дѣлать-то, а?

— Вотъ забота напала! Мало-ли кто чего пропечатаетъ, а ты и читай все—э-эхъ!

— Да вѣдь, пойми Андронъ Асафычъ, — вѣдь наша коммерческая амбиція страдаетъ... Подрядить бы какого ни на есть писаку, што-бы онъ это дѣло замазалъ, потому, какъ ни на есть...

— Брось все! Плюнь! Вѣдь отъ чаю польза есть?

— Есть.

— Ну и слава Богу. А парню напиши, коли, молъ, ты такъ себя поведешь, выпишу тебя, анафему, домой,

да трепку задамъ. Вотъ парень и образумится. —А то на! Нанимать писаку—выдумалъ!

Тѣмъ и кончается заявленіе въ Морскомъ Сборникѣ о русскихъ купеческихъ сынкахъ, безобразничающихъ въ Ханькау. Отцы пишутъ имъ посланія, что „физіономію, молъ, сворочу на сторону“ и успокоиваются. И опять жизнь нашего уѣзднаго города пойдетъ своимъ чередомъ, доставивъ только горожанамъ случай перебросится нѣсколькими фразами, о томъ что „нынче ужь и Богъ знаетъ что начали печатать“.

И жизнь ихъ тянется лѣниво,
Какъ коноводная рослина
По тихой Волгѣ, въ лѣтній день...

Но среди этого, какъ будто-бы невозмутимаго міра обѣдовъ, сновъ, ужиновъ, мелкихъ дрязгъ, опять сновъ и опять обѣдовъ, среди этого глухаго и нѣмаго прозябанія и медленнаго, спокойно-лѣниваго шага къ вѣчности, въ нашемъ глухомъ городѣ (да, я думаю, и въ другихъ тоже) иногда вдругъ совершаются такія событія, что мирные жители, точно огорошенные по головамъ тяжеловѣсными дубинами, сразу шалѣютъ, вытаращиваютъ отъ удивленія глаза и долго остаются съ открытыми ртами въ положеніи зѣваки, къ которому въ ротъ, откуда не возьмись, какъ въ свое собственное гнѣздо, залетѣла ворона! Такое каррикатурное и весьма не привлекательное положеніе мирныхъ гражданъ извиняется колоссальностію событія, нарушившаго мирную тишину

ихъ общественной и семейной жизни. Въ то время, когда всѣ жители нашего глухаго города спокойно совершали свой жизненный путь, старики поучали молодыхъ, гладили ихъ по головкамъ или дѣлали имъ внушенія хорошими дубинами, — молодые покорно сгибали колѣна своихъ длинныхъ, вытянувшихся ногъ, подставляли подъ удары крѣпколобыя головы. Въ это самое время неслись по улицамъ нашего города, изъ дома въ домъ, съ крыльцо на крыльцо, городскія кумушки; на встрѣчу имъ выбѣгали, издали замѣтившіе ихъ, жены купцовъ, заранѣе предчуветвуя великое наслаждвніе, — задыхаясь отъ волненія. Двери отворялись и затворялись, по лѣстницамъ сновали стряпки и няньки, — все летѣло къ одному центру, а именно къ той комнатѣ, куда утащила хозяйка кумушку съ принесеннымъ извѣстіемъ. И такъ во многихъ домахъ, сотни ушей напряженно ожидали новостей. Кумушки ахали и охали, причитывали и взвизгивали, потомъ опять охали, мотали печально головами, утирали небывалыя на глазахъ слезы и съ таинственнымъ шопотомъ начинали длинную іереміаду о томъ, какъ изъ дома богатѣющаго купца всѣ дѣти разбѣжались и оставили старика одного. Какъ? Отчего? Зачѣмъ? Куда? Никто знать не хочетъ и только возмущается совершившимся фактомъ и спѣшить заявить свое пренебреженіе къ убѣжавшимъ сыновьямъ.

— Да какъ бы имъ, дуракамъ, не жить-то... А-ахъ батюшки-и! Вотъ-то глупые, глупые... У отца-то вѣдь

всего, всего много, ѣли до сыта, спали мягко, тепло. А-а-ахъ! Глупые, глупые!

— Какъ не глупы! Господи! Богатства-то, богатства-то у отца-то сколько...

— Куда же они убѣжали?

— Господь знаетъ. Убѣжали всѣ и конецъ. И чего имъ, дуракамъ, нужно было? Чѣмъ они не довольны... что отецъ-то побьетъ, али поругаетъ? такъ вѣдь свой человѣкъ, не чужой...

Проходитъ такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ. Городъ успокоивается и опять нѣкоторое время полусонная тишина царствуетъ во всѣхъ домахъ. Купцы напиваются чаемъ и ведутъ толки о коммерціи, благо никто имъ не говоритъ болѣе ни о какомъ Сборникѣ. Супруги позѣвываютъ и дремлютъ, старики поучаютъ молодежъ, молодежъ подставляетъ свои головы для воспріятія надлежащихъ поученій. Вдругъ, по городу, опять несутся кумушки и опять тревога и любопытство видятся въ каждомъ лицѣ, въ каждомъ движеніи мирнаго жителя, отъ стараго до малаго. Кумушки ахаютъ, охаютъ и объявляютъ, что дѣти пришли.

— Пришли?

— При-и-шли-и! Оборванные, сухіе... Ну вотъ все равно одни кости... А-ахъ!

— Ну что отецъ-то?

— Ничего. Поругалъ, побилъ и принялъ опять въ свой домъ.

— О-охъ! Молодость! молодость!.. Господи-и!..

Или вдругъ мирная тишина нашего города нарушается самымъ ужаснѣйшимъ образомъ, такъ что и сами кумушки не могутъ быстро передвигать своихъ ногъ и, низко опустивъ голову, едва-едва перебираются по лѣстницамъ домовъ мирныхъ гражданъ. Купчихи и купцы, чады и домочадцы, всѣ точно вдругъ окаменѣютъ, высунутъ языки и стоятъ по получасу передъ грустной фигурой кумушки, объявившей имъ ужасную вѣсть о томъ, что просватанная невѣста, послѣ обрученія, вечеринокъ и дѣвишниковъ, когда не только родные, но даже весь городъ и отдаленные села были увѣрены въ благополучномъ окончаніи свадьбы,—она, вдругъ нежданно, негаданно убѣжала со двора.

— Такъ убѣжала? спрашиваютъ, наконецъ, пришедшіе въ себя мирные жители.

— Убѣжала, родные, убѣжала, грустно выводитъ кумушка.

— Какъ же она убѣжала?

— Такъ, убѣжала, да и все тутъ...

Кумушка взвизгиваетъ, торопливо соскакиваетъ со стула, фигура ея совершенно преобразовывается и, не имѣя возможности болѣе разъигрывать смиреніе и скорбь,—кумушка съ злобою, гнѣвомъ и бранью, начинаетъ ругать и поносить бѣглянку. Слушающіе мало по малу воодушевляются сами и чрезъ нѣсколько минутъ всѣ ругаютъ и поносятъ убѣжавшую дѣвушку. Куда она убѣжала, зачѣмъ, какія причины бѣгства? Никто разбирать не хочетъ и только слышна брань,

угрозы и ненависть. Зачѣмъ и куда побѣжала просватанная дѣвица,—она и сама этого не знаетъ и, выбравшись осторожно, крадучись, изъ родительскаго дома, въ одномъ платьишкѣ, въ темную бурную ночь, она бѣжитъ чрезъ огородъ въ полѣ, бѣжитъ, не зная зачѣмъ и куда бѣжитъ. Въ головѣ ея полный хаосъ, въ сердце страданіе. Камнемъ давитъ его и мѣшаетъ свободно дышать и бѣжитъ она, не слыша подъ собою ногъ; не чувствуетъ какъ дрожатъ отъ холода ея члены, какъ промокаетъ на ней платье,—не видитъ ничего кругомъ и только бѣжитъ и бѣжитъ... Куда? Зачѣмъ? Какъ? Отчего?.. Богъ знаетъ!

Проходитъ день, два. Бѣглянку ловятъ и возвращаютъ подъ отчій кровъ.

— Поймали! торжественно гремятъ кумушки, перебѣгая съ лѣстницы на лѣстницу.

— Поймали? радостно спрашиваютъ мирные граждане.

— Да-а!

— Скажите! Какова-а?

— Убѣжала за тридцать верстъ и въ деревнѣ у мужика просится пріютить ее; плачетъ, воетъ, въ ноги кланяется, а? какова?

— О-охъ! Молодость! молодость!.. Глупая безтолковая!..

— Признаюсь! Удружила батюшкѣ съ матушкой за хлѣбъ, за соль, да-а!

— Удружила! Это за воспитаніе-то!..

— За то, что родители вспоили, вскормили!..

— Да-а!

— И себѣ-то тоже хорошо сдѣлала!.. О-охъ! Теперь вѣкъ сиди въ дѣвкахъ...

— Это, какъ есть...

— Ахъ молодость! молодость!.. Взять-бы да хорошею плеткой, да ххxоррошенько...

Долго гнѣваются, бранятъ и сожалѣютъ мирные жители, долго охаютъ и ахаютъ и ходятъ въ тотъ домъ, откуда убѣгала дѣвица и читаютъ ей приличныя наставленія. Дѣвица плачетъ, рыдаетъ и выпрашиваетъ какъ милости, позволенія остаться одной въ комнатѣ.

— Нѣтъ. Ты, милая, послушай...

— Тебѣ, глупенькой, добра хотятъ пожелать... Ахъ ты дурочка, дурочка!.. Каково ты это поступила-то!.. Взять бы тебя, да...

— Уйдите. Оставьте меня одну, со слезами проситъ возвращенная бѣглянка.

— Нѣ-ѣ-тъ!.. Изъ тебя дурь-то надо выбить...

— Нахваталась ты гдѣ-то вольнодумства...

Молча, выслушиваетъ бѣглянка разнообразныя поученія и нотаціи и наконецъ общество успокоивается, воображая, что сказано дѣвицѣ все, что нужно было и это сказанное непремѣнно принесетъ свою пользу. Польза получается несомнѣнная именно отъ того, что поученіе кончилось и бѣглянка можетъ вздохнуть свободно, въ душной комнатѣ своего одиночнаго заточенія. Она изнываетъ, худѣетъ и чахнетъ; женихъ, послѣ такого неожиданнаго реприманда, совершоннаго невѣстой,—отказывается отъ нея, какъ отъ зачумленной и къ су-

пружеской жизни негодящейся. Проходятъ, такимъ образомъ, скучные долгіе годы надорванной разъ-навсегда жизни, дѣвица дѣлается старой дѣвой, скучаетъ и въ концѣ концовъ превращается въ кумушку-сплетницу, ищущую случая позлословить на счетъ ближняго.—„Я была въ молодости глупая дура, разсказываетъ она молодымъ слушательницамъ,—и теперь надивиться не могу, какъ же это я такая глупая была!..“

Да полно, она ли это и была-то, не другая ли какая?

Что доказываютъ подобныя явленія? Есть ли это проявленіе хронической болѣзни, не видимо созрѣвающей въ общественномъ организмѣ, и наконецъ разрѣшающейся наружными язвами? Или,—это броженіе молодыхъ вѣтреныхъ головокъ, скучающихъ среди мирной тишины и строгаго порядка патріархальной жизни ихъ отцовъ?.. Нормальны-ли эти явленія и возможны-ли они при другомъ строѣ жизни? Что они сами по себѣ значатъ, и откуда берутъ свое начало?

Всѣ эти мысли, воспоминанія и вопросы неотступно набѣгаютъ въ мою голову, тревожатъ и преслѣдуютъ меня и не даютъ мнѣ покоя. Чѣмъ больше я стараюсь отклониться отъ нихъ, тѣмъ сильнѣе они безпокоятъ меня, какъ случайно уцѣлѣвшая въ теплой комнатѣ до глубокой осени одинокая муха неотступно налѣтаетъ на утомленную голову человѣка. Началось это преслѣдованіе съ того часа, какъ получилъ я изъ роднаго города письмо о замѣчательномъ событіи совершившимся въ

стѣнахъ его. Это событіе служитъ подтвержденіемъ моихъ вопросовъ и я разскажу его читателямъ для того, что-бы они потомъ сами дѣлали выводы о причинахъ подобнаго явленія.

Лѣтомъ прошлаго 1866 года нашъ мирный городъ весь поднялся на дыбы, пораженный колосальнымъ происшествіемъ, случившимся въ семействѣ купца Ѳедора Данилова Осинина. Старые и потому, конечно, умные и опытные люди сердито и безжалостно стали дергать свои сѣдыя бороды и, стукая палками о землю, дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ заговорили, затрактовали объ общественной распущенности и безнравственности.— „Вся, теперича, причина,—кричали они,—въ томъ заключается, что насъ, сѣдыхъ стариковъ не слушаютъ, совѣты наши мимо ушей пропускаютъ и вотъ отъ этого отъ самаго, съ большаго-то ума, не знаютъ какъ съ горемъ справиться“. Все это удивленіе гражданъ и весь гнѣвъ сѣдыхъ стариковъ произошелъ отъ того, что дочь купца Ѳедора Осинина „сбѣжала со двора“. Но начнемъ дѣло по порядку.

Ѳедоръ Даниловичъ Осининъ ходилъ прежде по русскимъ дорогамъ, селамъ и деревнямъ съ вязниковской коробкой, не ради тѣхъ пѣсень, которыя собиралъ П. И. Якушкинъ, а исключительно ради денежныхъ выгодъ, которыя онъ и получалъ отъ продажи крестьянамъ ситцевъ, платковъ, пуговицъ и пр. и пр. Походилъ Осининъ по русской землѣ, сколотилъ себѣ не большія деньжонки и поселился въ городѣ Б. на по-

стоянное жительство. Прожилъ онъ въ Б. нѣсколько лѣтъ, перебрался потомъ въ городъ М., въ которомъ мы его и застаемъ во время нашего разсказа. Онъ уже сдѣлался купцомъ, завелъ паточный заводъ, купилъ близь города землю и видимо разбогатѣлъ и разжирѣлъ, какъ жирѣетъ на сочной травѣ скотина. Но замѣчательный фактъ, что большая часть нашихъ богатѣющихъ и жирѣющихъ купцовъ, отъ времени-ли, отъ жиру-ли, дѣлаются чѣмъ-то въ родѣ деревянныхъ китайскихъ кумировъ. Такъ точно и Осининъ въ умственномъ отношеніи сталъ подъ старость походить на одного китайскаго деревяннаго идола, котораго я особенно хорошо помню, потому что рожа его была чрезвычайно надута и глупа и напоминала мнѣ лицо Ѳедора Осинина. О бѣдный китайскій идолъ! стоишь ты до сей поры неподвижно въ своей майматгинской кумирнѣ и не знаешь, по своей деревянности, какія нравственныя мученія долженъ былъ вынести твой почтенный дубликатъ!..

Да, дубликатъ китайскаго идола купецъ Ѳедоръ Осининъ много долженъ былъ испытать горя. Онъ успѣлъ разбогатѣть, успѣлъ нѣсколько разъ обанкрутиться и заплатить своимъ кредиторамъ вмѣсто рубля по десяти копѣекъ; успѣлъ снова составить этимъ банкротствомъ капиталъ и въ концѣ-концовъ опять разстроилъ свои торговыя дѣла. Подросла у него дочь Дуняша и просваталъ онъ ее за мѣстнаго купца Бабкова. Дуняшѣ женихъ понравился, отецъ былъ до крайности радъ

этому сватовству, потому что разсчитывалъ на Бабкова какъ на члена ратуши, откуда по его вліянію можно было получить взаимообразно деньжонокъ. Свадебные праздники шли своимъ чередомъ. Справлялись разные вечеринки, дѣвишники, рукобитья и проч., шилось, кроилось и обшивалось разными кружевными отдѣлками приданое; женихъ ѣздилъ въ домъ отца невѣсты, цѣловался и шептался съ Дуняшей. Счастье было такъ близко, такъ возможно! Но увы! откуда ни возьмись туча громовая, собралась и сгустилась она надъ головами будущей счастливой четы и разбила ихъ счастіе! Такъ разбивается въ густомъ лѣсу, въ темную ночь, громовой стрѣлой, дерево и остаются отъ него только одни щепки, разбросанныя въ разныя стороны!.. Громовая туча, разрушившая счастіе Бабкова и Дуняши, надвинулась изъ сосѣдняго города Е., изъ дома богатаго купца Изюмова. Изюмовъ былъ прежде крестьянинъ и составилъ себѣ громадный капиталъ тѣмъ, что ѣздилъ по деревнямъ съ кубовой краской. Разбогатѣлъ онъ отъ этой торговли, сдѣлался большимъ человѣкомъ, записался въ первую гильдію и сталъ отъ нечего дѣлать наливаться чаемъ и отращивать брюхо. Фигура его и выраженіе лица мнѣ всегда напоминало одного монгольскаго ламу, когда этотъ лама, сидя за громаднымъ котломъ вареной баранины, уписывалъ ее за обѣ щеки, растирая по временамъ свой массивный животъ! Вотъ такое-то выраженіе было постоянно въ лицѣ Изюмова. И задумалъ онъ, этотъ Изюмовъ, монгольскій ла-

ма, прежній красильщикъ, женить своего племянника. Богъ одинъ знаетъ, съ какой стати, въ слѣдствіе какого процесса мышленія, задумалъ онъ женить племянника на дѣвицѣ уже просватанной, а именно на дочери купца Ѳедора Осинина. Отчего именно на ней, а не на другой какой либо дѣвицѣ? Это тѣмъ болѣе странно, что Евграфъ Изюмовъ и самъ лама-Изюмовъ ни когда ни видали дочери Осинина, Дуняши. Нравъ ли имѣетъ лама-Изюмовъ такой не сообразный, дикой, что ради своей потѣхи захотѣлъ ни за что, ни про что разбить счастіе помолвленныхъ: Бабкова и дочери Осинина, или просто, ни о чемъ не думая, разжирѣвшимся мозгомъ порѣшилъ *обабить* своего Евграфа, на той дѣвицѣ, которая ему, Изюмину, „первая на умъ попала“. А по несчастію первая попавшая на умъ была Дуняша Осинина. Порѣшилъ это дѣло лама-Изюмовъ и отправилъ свата въ городъ М. къ Осинину.—„Скажи, желаю, молъ, что-бы дочь твоя за моимъ Евграфомъ, ну и проч.“ Сватъ поѣхалъ, передалъ предложеніе Осинину. Осининъ обрадовался, какъ точно въ его домъ свалились золотыя горы и, не долго думая, стараго жениха, господина Бабкова,—въ шею. Далъ онъ согласіе новому свату и только на другой день порѣшилъ объявить объ этомъ дочери: „Дескать, ты смотри, не ошибись, теперь ужь другой женихъ-то“...

— Какъ! что? зачѣмъ?.. Господи!..

Начались слезы, рыданія. Дочь повалилась въ ноги отцу, ползала на колѣняхъ по комнатѣ, упрашивала

его не губить ея счастія, но никакія просьбы, мольбы и стоны не могли быть приняты во вниманіе практическимъ родителемъ, который смотрѣлъ на дѣло чисто съ денежной точки зрѣнія.

— Папинька! голубчикъ! Ради Христа, пожалѣйте! просила дочь.

— Пойми ты, дура неотесанная, говорилъ отецъ, — пойми ты, что Бабковъ имѣетъ только пять тысячъ капиталу, а Евграфъ Изюмовъ наслѣдникъ ста тысячъ, а можетъ, и двухъ сотъ тысячъ.

— Да я его не знаю, никогда невидывала... Господи... Папенька, да я люблю Бабкова.

— Дура!..

— Вы сами меня за него просватали... Папинька! недѣлайте несчастной.

— Оглобля!.. Экъ разъоралась...

Дочь плакала, просила; отецъ гнѣвался, что дочь, по своей тупости, не можетъ понять его практическихъ разсчетовъ. Ему и въ голову не приходило, что эти практическіе разсчеты уясняются только по прошествіи многолѣтняго крушенія по житейскому морю, да и уясняются не каждому смертному. Бѣдная непрактическая дѣвушка не понимала желаній своего родителя и воображала въ эти минуты, что онъ ей желаетъ зла и всякаго несчастія. Она не понимала, что счастіе, какъ и товаръ въ лавкѣ ея отца, бываетъ различныхъ сортовъ и цѣнъ. Она ограничивалась счастіемъ съ любимымъ человѣкомъ, а отецъ, изъ любви къ своей дочери, же-

лалъ ее осчастливить стотысячнымъ состояніемъ и желая осчастливить, тѣмъ самымъ разбивалъ все счастіе. Другъ друга, слѣдовательно, не поняли!

Бѣдные, темные люди!..

Начались новые вечера, дѣвишники и проч. Дуняша повиновалась родительской волѣ, цѣловалась съ новымъ женихомъ, но по прошествіи одного изъ подобныхъ вечеровъ, она ночью крадучись, выбралась изъ дома отца и убѣжала въ домъ родственниковъ Бабкова.

— Спасите меня! Спасите! Я умру съ тоски!.. шептала она задыхаясь.

— Что? что такое?!

— Нехочу выходить за Изюмова... Спасите! Отдайте мнѣ моего стараго жениха...

— Душенька! Милая! Какъ-же ты убѣжала и ничего не устроила заранѣе? спрашивали родственники Бабкова.

Дѣвушка съ удивленіемъ подняла на нихъ глаза и рѣшительно не могла понять, что ей нужно было заранѣе приготовить. Незнакомая съ французскими романами, нечитавшая и никогда неслыхавшая о томъ, какъ люди тайно вѣнчаются, бѣдная дѣвушка даже и предувѣдомить жениха о своемъ побѣгѣ не съумѣла. Она просто просила только родственниковъ спасти ее и дать всзможность обвѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ „сейчасъ же, въ эту же ночь“. Пока родственники Бабкова послали къ нему, пока онъ пришолъ и съ помощію родственниковъ устроилъ все необходимое для

отъѣзда въ первое ближайшее селеніе, чтобы обвѣнчаться съ Дуней, — времени прошло часа три. Солнце выглянуло своимъ яркимъ золотистымъ краемъ изъ-за сосѣдняго переулка, — въ домѣ Осинина проснулись и открыли о побѣгѣ Дуняши, поднялся на ноги весь домъ, бросились по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, полетѣли гонцы по всѣмъ дорогамъ, мать Дуняши съ нѣсколькими родственниками вскочила въ телегу и на тройкѣ погнали за городъ, искать бѣглянку. Въ городѣ началась тревога, забѣгали кумушки и было много переговорено всякаго вздора, много языковъ были совсѣмъ замучены болтовней и отказывались служить, повиснувъ на губахъ своихъ владѣльцевъ, какъ висятъ длинные языки у лягавыхъ собакъ, вслѣдствіе утомленія ихъ самихъ, послѣ длинной дороги.

Несчастная чета не успѣла обвѣнчаться; ихъ поймали въ церкви въ то время, когда священникъ только что хотѣлъ начать обрядъ вѣнчанія. Мать съ родственниками вбѣжала въ церковь и, задыхаясь, едва кричала:

— Есть препятствіе къ браку! Есть препятствіе!..

Дуняша поблѣднѣла, зашаталась, хотѣла что-то сказать и — упала на холодныя плиты храма. Бобковъ поддержалъ ее насколько могъ, но руки его ослабѣли, самъ онъ былъ поражонъ до глубины души и заплакалъ. Вышла грустная, тяжолая, подавляющая картина. Даже батюшка, не смотря на свои старые годы,

прослезился и, смотря на образъ, сказалъ: — Господи, прости имъ,—не вѣдятъ-бо, что творятъ!“

Дуняшу ввалили, какъ снопъ, въ телегу и увезли назадъ. Бабковъ долго стоялъ на крыльцѣ храма и смотрѣлъ вдаль, какъ поднималась густымъ клубомъ пыль отъ удаляющейся по большой дорогѣ телеги.

— Чтоже намъ здѣсь дѣлать теперь? спросили родственники у Бабкова.

Бабковъ молчалъ и стоялъ по прежнему на крыльцѣ. Его взяли подъ руки подвели къ экипажу и повезли домой.

Дуню возвратили подъ отчій кровъ. Очнувшись послѣ обморока, дѣвушка долго плакала и обезсилѣвъ нравственно и физически, превратилась въ автомата.

Осининъ, по совѣту ли мудрыхъ родственниковъ или самъ, „собственнымъ умомъ дошолъ“, задумалъ снять позоръ съ своей семьи и подалъ прошеніе на Бабкова. что онъ покусился украсть „изъ его Осинина дома, его Осинина родную дочь“. Дѣло приняло серьезный оборотъ, ибо прошеніе прямо обвиняло Бабкова въ уголовномъ преступленіи. Пріѣхалъ изъ губернскаго города чиновникъ, составилась слѣдственная коммиссія и началось дѣло. Осининъ заставилъ дочь говорить такъ, какъ онъ самъ желалъ. Дуняша повиновалась родительской волѣ и на первомъ вопросѣ показала согласно желанію отца. Коммиссія потребовала на очную ставку всѣхъ подругъ невѣсты; явились тринадцать дѣвицъ въ сопровожденіи тринадцати матерей.

Начались допросы.

— Какого вѣроисповѣданія? спросилъ слѣдователь одну изъ дѣвицъ.

Дѣвица повернулась къ матери и зашептала.

— Какого вы вѣроисповѣданія? снова спросилъ слѣдователь.

— Я... русскаго...

— То есть православнаго, что-ли?

— Маменька! что же это такое?... Ахъ... я уйду...

— Позвольте. Вы небойтесь. Вы говорите, что васъ спросятъ, успокоивалъ слѣдователь.

— Я не зна-аю... ахъ! Маменька...

Дѣвица заплакала.

— Вы были знакомы съ дѣвицей Авдотьей Осининой?

— Да—а... я ее люблю... она славная...

— Наканунѣ дня побѣга или покражи, какъ показываетъ дѣвица Авдотья Осинина, вы были у нея въ комнатѣ?

— Я не зна-аю...

— Какъ же не знаете? Вы должны помнить, гдѣ вы были въ тотъ день вечеромъ...

— Я спала...

— Гдѣ вы спали?

— Ахъ какой вы!.. Маменька! пойдемте...

Слѣдователю досталась тяжелая участь добираться толку отъ дѣвицъ, которыя на каждый вопросъ городили Богъ знаетъ что и не смотря на строгое приказаніе отвѣчать самимъ,—шептались съ своими матушками.

— Да вы извольте отвѣчать сами, зачѣмъ вы шепчетесь съ мамашей? говорилъ слѣдователь.

— Вотъ новости! отвѣчала дѣвица, —развѣ я немогу съ мамашей говорить! Что вы ужъ очень важничаете, вы мой папаша, чтоли?..

— Я васъ допрашиваю на основаніи закона...

— Ахъ какой вы смѣшной!..

И дѣвицы не робкаго десятка начинали между собой хихикать. Слѣдователь морщился, пожималъ плечами и терялъ терпѣніе.

— Который вамъ годъ? спрашивалъ онъ одну изъ дѣвицъ.

— Мнѣ?

— Да, вамъ.

— Маменька...

Дѣвица стала шептаться съ матерью.

— Вы развѣ сами не знаете, который вамъ годъ?

— Я?

— Да, вы.

— Я... знаю... Но маминька говоритъ...

— Вы, господинъ чиновникъ, робко начала мать,— вы ужъ сдѣлайте божеское одолженіе, о годахъ её не спрашивайте.

— Это почему же?

— Да я ужь вамъ за нее скажу. Ей семнадцатый...

— Ахъ маменька, вмѣшалась дочь, — вы вчера говорили шестнадцать, а сегодня...

— Ты, глупенькая, молчи. Кому лучше знать года какъ не матери.

— Какого вѣроисповѣданія?

— Христіанскаго, батюшка, ваше благородіе, — она христіанскаго. Вотъ теперь Господь помогъ, женихъ сватается...

— Ахъ, маменька! я уйду...

— Да вы мнѣ, ради Бога, скажите, наконецъ: были вы въ то время у Осинина въ домѣ, когда его дочь исчезла? спрашивалъ слѣдователь.

— Я была.

— Ну и что же вы скажете?

— Ничего...

— Она сама ушла? спросилъ слѣдователь.

— Кто это?

— Дѣвица Авдотья Осинина.

— Это Дуняша-то?

— Да, да!

— Я не зна-а-ю... Маменька...

И опять шопотъ и опять спросы. А дѣло все-таки ни на шагъ не подвигается.

Осининъ между тѣмъ не желалъ терять времени понапрасну. Его заботило очень будущее отношеніе къ жениху и его дядѣ Изюмову и поэтому онъ поспѣшилъ поправить дѣло, такъ неожиданно испортившееся. Собрался онъ съ своей супругой въ городъ, велѣлъ и Дуняшѣ собраться и повезъ ее „на поклонъ“ къ Ламѣ

Изюмову и племяннику его Евграфу. Чрезъ нѣсколько часовъ повозка ихъ въѣхала въ богатый домъ Изюмова. (Разстояніе между обоими городами только 70 верстъ). Осинины ввели свою дочь въ аппартаменты Изюмова и самъ Лама-Изюмовъ встрѣтилъ ихъ, съ сонными глазами, такъ какъ онъ только что поднялся отъ послѣобѣденнаго сна.

— Ну что, примѣрно сказать, новенькаго у васъ? вопросилъ онъ.

— Пріѣхали, вотъ, къ вамъ, отвѣчалъ робко Осининъ.

— Та-акъ съ...

Изюмовъ зѣвнулъ и почесалъ голову. Прошло минуты три въ молчаніи. Изюмовъ опять зѣвнулъ.

Племянникъ Изюмова Евграфъ высунулъ иза-за дверей свою рябоватую рожу, и облизнувшись, снова спрятался назадъ.

Осининъ рѣшился возобновить разговоръ.

— Вотъ Дуня-то, наша дочь-то, была украдена, робко началъ онъ.

— Слышали... лѣниво сказалъ Изюмовъ.

— Бобковъ-то, видите-ли, хотѣлъ на ней насильно жениться.

— Эко дѣло!

Изюмовъ опять зѣвнулъ и почесался.

— Ну, да мы не тово... Не позволили. Перехватили ее, Богъ помогъ.

— Та-акъ. Это хорошо...

Дуняшка сидѣла, какъ приговоренная къ казни, и молчала, низко опустивъ голову. Изюмовъ кой-какъ разгулялся послѣ сна, велѣлъ подать квасу, выпилъ, крякнулъ и проговорилъ:

— Эка я какъ сегодня здорово заспался!.. Евграшка! Ей! Гдѣ-ка-ся ты? крикнулъ онъ племянника...

— Я здѣсь, высовывая рожу изъ-за двери — отвѣчалъ племянникъ.

— Подь суда,—дубина! Чево боишься?..

— Я дяденька... ничего... такъ... оправдывался Евграфъ.

— Дубина ты и впрямь. Видишь, добрые люди сами тебѣ невѣсту на домъ привезли... Чучело!

— А мнѣ што!.. бухнулъ племянникъ—и утеръ рукавомъ губы.

— Какъ што? Твоя невѣста?

— Незнаю... нерѣшительно отвѣчалъ Евграфъ, переступая съ ноги на ногу.

Осипинъ смѣтилъ что дремать тутъ нечего,—дернулъ дочь за рукавъ, и шепнулъ.

— Кланяйся въ ноги жениху.

Безмолвно, тихо, какъ не человѣкъ, какъ какая-то кукла, подошла Дуняша къ Евграфу — и поклонилась въ ноги.

— Кланяйся дядюшкѣ! шепталъ отецъ.

Дуняша шла къ дядюшкѣ — и кланялась ему. Лицо ея было блѣдно, глаза опущены, и признаки жизни

сказывались только въ легкомъ, едва замѣтномъ движеніи груди.

Поклоны весьма сильно подѣйствовали на дядю Изюмова. Лицо его прояснилось, на жирныхъ, мясистыхъ губахъ, сложилась улыбка самодовольствія.

— Ну, примѣрно сказать, теперича, какъ мы это самое дѣло разбирать будемъ? вопросилъ онъ.

— То есть что-же? съ подобострастіемъ спросилъ Осининъ.

— А на счетъ этого самаго побѣга, какъ онъ?..

— Будьте покойны... Не сумлѣвайтесь... Коли что,— оборони Богъ!.. увѣряли отецъ и мать.

— То-то. Чтобы все какъ есть въ укуратѣ... задумчиво проговорилъ Изюмовъ.

Евграфъ ушолъ—и снова его рябоватая и глуповатая рожица выглядывала въ дверную щель.

Уладивъ свои дѣла въ городѣ Е., Осинины повезли свою дочку домой. Она начинала было уже сживаться съ своимъ положеніемъ, но послѣ этого безобразнаго визита къ Изюмовымъ, въ ней мгновенно вспыхнули всѣ нравственныя силы, и на другой же день пріѣзда—она пошла сама въ коммиссію и сказала рѣшительно, что никто ее не воровалъ.

— Какъ никто? спросилъ слѣдователь.

— Нѣтъ! нѣтъ! вскрикнула два раза дѣвушка — и свалившись руками на столъ, зарыдала тихими нервными слезами.

Слѣдователь переглянулся съ чиновниками.

Прошло минутъ пять молчанія.

Дуняша подняла голову, грустно посмотрѣла на окружающихъ, и твердо, отчетливо проговорила:

— Меня никто не воровалъ. Я любила и люблю Бобкова. Меня насильно выдаютъ за немилаго. Я бѣжала сама—и сама уговорила Бобкова бѣжать.

Голосъ ея оборвался, грудь заколыхалась, и не договоривъ фразы—она безсильно опустилась на стулъ и снова зарыдала.

Чрезъ нѣсколько часовъ въ домѣ Осинина происходило слѣдующее:

Дуня стояла передъ отцомъ на колѣняхъ и плакала, вымаливая позволеніе уйдти въ монастырь. Мать ее стояла у двернаго косяка и тоже всхлипывала. Самъ Осининъ сидѣлъ, повѣся голову, и по лицу его заплывшему отъ жира и разныхъ торговыхъ спекуляцій, вдругъ прокатилася тихая, горячая слеза.

— Эхъ! сказалъ онъ, вставая со стула и махнувъ рукой,—дочь ты моя, дочка! Опозорила ты меня и раззорила!

Такъ вотъ она какая слеза-то у него прокатилась! А вы, читатель, вмѣстѣ со мной вообразили, что это была чистая слеза, за которую можно-бъ было простить Осинину всѣ его прежнія пакости, мошенничества, банкротства. Нѣтъ! той слезы намъ не видѣть. Слезы у него давно высохли, да можетъ быть ихъ и не было никогда.

Чѣмъ кончилось слѣдствіе—я не имѣю никакихъ свѣдѣній. Вышла ли замужъ Дуняша—и за кого вышла—тоже не знаю. Сижу надъ полученнымъ письмомъ — и думаю грустныя думы о томъ: нормальны ли эти явленія?

НА БОЛЬШОЙ СИБИРСКОЙ ДОРОГѢ.

ЗИМНІЯ СЦЕНЫ.

По большой дорогѣ, пролегающей безконечной лентой по безконечнымъ лѣсамъ Сибири, тянулся обозъ. Холодная зима была въ полной силѣ; шумѣла и завывала вьюга. Перезябшіе извощики ежились и дрожали отъ холода, шагая около своихъ возовъ. Лошади уныло тянулись одна за одной, вытягивая изъ сугробовъ тяжелые воза. Впереди ничего не было видно, кромѣ сплошной массы снѣга вихремъ крутившаго по дорогѣ. Охали и крестились мужики; иные ворчали себѣ подъ носъ, иные громко бранили изнурившихся лошадей, помогая имъ своими плечами вытягивать изъ сугробовъ воза. Одинъ подростокъ—извощикъ, въ первый разъ ѣхавшій при обозѣ, давно уже коченѣлъ отъ холода, не смотря на то, что не переставалъ бѣгать вокругъ обоза, отъ одного конца до другаго. Шуба на немъ была старенькая, дырявая; мѣхъ у этой шубы давно вытерся и мало защищалъ отъ холода. Бѣгалъ подростокъ по колѣна въ снѣ-

гу и плакалъ. Извощики бранью отвѣчали на его слезы и замѣчая, что онъ хочетъ сѣсть, сильнѣе прежняго начинали ругаться и гнать подростка отъ возовъ.

— Максимка, дьяволъ! Бѣги... Ишъ тѣ разобрало... бѣги... околѣешъ тутъ на дорогѣ...

— Три рожу-то снѣгомъ, слышъ... три плотнѣе... Экъ тебя!.. руки-то три... здохнешъ тутъ, квашня бабья... бѣги, не останавливайся...

Подростокъ снова бѣжалъ, снова плакалъ и дрожалъ отъ холода. Вьюга по прежнему шумѣла и хлестала холоднымъ снѣгомъ въ ознобленныя лица извощиковъ; мрачныя хвойныя деревья, высокой стѣной тянувшіяся съ обѣихъ сторонъ дороги, не переставали скрипѣть и трещать, осыпая съ своихъ вѣтвей снѣжныя одѣжды прямо на спины проходившихъ лошадей. До деревни было еще добрыхъ верстъ пять...

Съ воемъ вѣтра издали долетѣлъ не ясный звукъ почтоваго колокольчика и замеръ въ общемъ шумѣ; черезъ нѣсколько времени звукъ снова жалобно занылъ въ воздухѣ и вскорѣ, вблизи обоза, ясно раздался его учащенный, торопливый звонъ и отчаянный, хриплый крикъ ямщика: Свора-чи-вай!

— Чортъ тѣ несетъ! Лѣ-ша-ай!.. кричали въ свою очередь извощики.

— Кулье-еръ!.. Свора-чи-вай!..

Мимо длиннаго ряда возовъ, торопливо свороченныхъ въ глубокіе сугробы снѣга, быстро пронеслась почтовая тройка. Ямщикъ хлесталъ по лошадямъ кнутомъ и кри-

чалъ во все горло; крику его вторилъ изъ повозки сердитый голосъ, неперестававшій отчеканивать: пашолъ, пашолъ, пашолъ!

Пронеслась повозка мимо. Вой вѣтра заглушилъ и разнесъ по дорогѣ вмѣстѣ съ клубами снѣга и учащенный звонъ колокольчика и отчаянный крикъ ямщика,— только извощики, долго ругались между собой, помогая усталымъ лошадямъ вытягивать на дорогу воза... Долго шолъ обозъ заметаемый снѣгомъ, долго еще зябли и ежились извощики, но наконецъ въ поздніе сумерки добрались до деревни. Залаяли деревенскія собаки, заскрипѣли ворота постоялаго двора и воза одинъ за однимъ заходили во дворъ.

Жирный, расплывшійся дворникъ выползъ изъ жарко натопленной избы и остановился на крыльцѣ. Онъ почесалъ себѣ спину, посмотрѣлъ на осыпанные снѣгомъ воза и ушолъ обратно въ избу. Извощики уставивъ воза подъ широкимъ навѣсомъ, торопливо зашагали вслѣдъ за дворникомъ.

— Ну братъ Парфенъ Ерофеичъ, здѣсь у тебя тепло, а насъ, братецъ мой, перебрало здорово,—заколѣли до смерти! говорили извощики дворнику, снимая снѣжныя шубы.

— Парфену Ерофѣичу! коротко бросали другіе, постукивая у дверей обледѣнѣвшими валенками.

Дворникъ сидѣлъ на скамьѣ около стола и подперши руками голову, позѣвывалъ себѣ въ ладонь, лѣниво отвѣчая на присутствіе входившихъ.

Жена дворника хлопотала около печки съ горшками.

— Агафья Ивановна! Подобру-ли поздорову-ли?.. Здравствуй... привѣтствовали извощики хозяйку.

— Додро жаловать, родные! Добро жаловать! Озябли чай, замерзли... вьюга!

— Крутитъ!.. У насъ вонъ Максимко — подростокъ заколѣлъ больно, думали — здохнетъ... Эй Максимко! Гдѣ-ка ты?

Но Максимка еще прежде всѣхъ вбѣжалъ въ избу и давно уже лежалъ на печи, повѣртываясь на всѣ стороны по горячимъ кирпичамъ.

— Максимко! Ей! Живъ-ли?..

— Живъ... Иззябъ...

— Это ты напрасно парнекъ, на печку-то... съ участіемъ заговорила хозяйка,—совсѣмъ-бы не надо... Снѣгомъ-бы лучше...

— Нужды нѣтъ, бабушка, ничего... Онъ у насъ лихой парень, рѣветъ только по дорогѣ-то, ровно медвѣдь мычитъ... Ей Максимко! Ползи съ печи-то, скоро кормиться дадутъ...

Мужики согрѣвались и дѣлались веселѣе въ ожиданіи горячихъ щей, но полузамершій подростокъ оставался по прежнему на печи, не переставая вертѣться по горячимъ кирпичамъ.

— Эка тебѣ Парфенъ Ерофѣичъ, житье-то,—умирать не надо, право слово, говорили извощики,—самъ ты толстъ и жиренъ, изба у тебя теплая, хозяйка ласковая,—просто житье-малина!

— Да, ни[illegible]во, лѣниво отвѣчалъ дворникъ.

— Ну-ко [illegible]якъ, пусти, говорила хозяйка накрывая на стол[illegible] синюю скатерть,—вишь онъ съ просонку, глаза-то [illegible] хорошенько продрать не можетъ...

— Ты мотри пила-рыба, улыбаясь отвѣчалъ дворникъ, пересаживаясь на другое мѣсто, — вы ребята ее не слушайте, она у меня тово... не много съ придурью, потому,—давно я ее не билъ...

Извощики по обогрѣлись, поотттаяли свои снѣжныя бороды, сходили распречъ коней и возвратились снова въ избу.

Дворникъ по прежнему сидѣлъ около стола и позѣвывалъ.

— Кульеръ даве насъ обогналъ, палитъ — страсть! разсказывали извощики.

Да, ѣздіютъ они, лѣниво подсказалъ дворникъ.

— И ровно это прорва какая, гоньба эта почтовая. Ѣдешъ иной разъ день, другой ни одной повозки этакой бойкой, нестрѣнется: все сторонкой объѣзжаютъ, все сторонкой,—вдругъ ровно прорветъ што, одинъ за однимъ и пошолъ и пошолъ, только и знай што воза въ сугробы сворачивай...

— Большая дорога! зѣвнувъ пояснилъ дворникъ.

— Ну каково-то вы ребятушки путину-то ѣхали? спросила хозяйка, грустно посматривая на извощиковъ.

— Да ничево... вьюги нонѣ чево-то часто... Около Ачинскова городу воры было хотѣли обидѣть, да Богъ помиловалъ!

— О Господи батюшко! жалобно сказала хозяйка, вздыхая:—и какъ это имъ не грѣхъ, охо-хо!

— Шалятъ видно? спросилъ дворникъ.

— Да, тово, пошаливаютъ... Тутъ ужъ держи ухо востро, потому около Ачинскова завсегда не чисто, почесываясь отвѣчали извощики.

— И какъ это, батюшки, не имаютъ ихъ съ краденымъ-то товаромъ? спросила хозяйка.

— Жидовъ тамъ, мать, много, — притоны у нихъ ворамъ этимъ—вотъ што!

— А батюшки-и! грустно протянула хозяйка, прикладывая руку къ щекѣ.

Дворникъ поворотился всѣмъ своимъ широкимъ корпусомъ къ печкѣ и уставивъ свои оплывшіе отъ сна глаза на жену, закачалъ головой:

— Баба ты Агафья, я смотрю, глупая. Ну чево ты стоишъ да охаешъ?

— Да вишь ты, Парфенъ Ерофѣичъ, сказываютъ, воры...

— Давай щи-то. Люди прозябли, а она съ ворами пристаетъ.

— Ничево мать, мы подождемъ... А ты Парфенъ Ерофѣичъ на свою бабу серчать не моги, потому—у тѣ баба—кладъ! говорили извощики.

Дворникъ зѣвнулъ и снова сталъ апатично почесываться. Хозяйка поставила на столъ большой горшокъ щей. Извощики торопливо крестились и молча стали усаживаться за столъ. Максимка остался на печи, не

смотря на вызовъ товарищей и усиленныя просьбы хозяйки.

— Ты мать, его не угощай, потому онъ у насъ съ осени закормленъ, вмѣстѣ съ конями, подшучивали извощики, хлѣбая горячія щи.

Дворникъ придвинулся къ столу и приложившись своими толстыми губами къ жбану, долго пыхтѣлъ глотая квасъ.

— Ну и вьюга-же севодни! проговорилъ онъ обтирая усы.

— Нѣнъ, вотъ Парфенъ Ерофѣичъ, я тебѣ скажу, около города Кунгура, сколько воровъ—страсть! И воры, братецъ ты мой, не чета здѣшнимъ, перебилъ дворника рыжій извощикъ.

— А гдѣ это такой городъ есть? спросилъ дворникъ.

— Это тамъ, близь Россеи. Я бывалъ въ тыихъ мѣстахъ. Тамъ, братецъ ты мой, рѣдкой обозъ благополучно Господь пронесетъ, почитай — днемъ съ возовъ срѣзываютъ.

— Озорникъ народъ видно?

— Народъ отпѣтой — одно слово!

Рыжій вздохнулъ и перекрестившись вышелъ первый изъ-за стола. Вслѣдъ за нимъ, на скоро доѣдая кашу, оканчивали ужинъ другіе и торопливо крестясь, спѣшили на дворъ, дать лошадямъ корму. Максимко спалъ на печи. Рыжій извощикъ при обозѣ былъ старѣе всѣхъ, имѣлъ болѣе возовъ и нѣсколькихъ собственныхъ работниковъ. Поручивъ послѣднимъ кормъ лоша-

дей, онъ развалился на палатяхъ и сталъ разговаривать съ дворникомъ.

— Я тебѣ, Парфенъ Ерофѣичъ, говорилъ онъ лежа вверхъ спиной, разскажу про этотъ самый Кунгуръ. Старики наши еще разсказывали, что жилъ тамъ въ стары годы одинъ мужичонка. Ловкой такой человѣкъ былъ, Губошлеповъ прозывался. Этотъ самый мужичонка притонъ держалъ, товаръ воровской укрывалъ у себя. Перво-на-перво-то, сказывали, такъ по маленьку; ну только, потомъ исподволь пошолъ въ гору. Этимъ самымъ притономъ онъ скопилъ деньжонки, въ купцы записался, растолстѣлъ, братецъ ты мой, вотъ не хуже тебя. Записался онъ въ купцы и сталъ, значитъ, дѣломъ орудовать шибко. Торговлю таку завелъ— не приведи Господи! и все, братецъ мой, чаемъ, потому, мимо этого самаго городу вѣсь чай отсюдова проходитъ,—значитъ сподручно было... Говорю-тѣ, што рѣдкой обозъ Богъ пронесетъ благополучно. Прижилъ этотъ Губошлеповъ двоихъ дѣтей и оставилъ имъ деньжищъ махину. Умеръ ужъ теперь самъ-отъ. Давно ужъ это и дѣло-то было, потому что теперь ужъ и дѣти тоже въ годахъ. И сильные-же братецъ ты мой эти Губошлеповы люди стали—богачи первостатейные!

Хозяйка убрала со стола посуду и сѣла за прялку.

— Ужли, батюшка мой, и теперь они все воровскимъ чаемъ торгуютъ? спросила она.

— Нѣ-ѣ-тъ! Пошто теперь худымъ рукомесломъ заниматься? Теперь, говорю, они люди сильные стали

и большими дѣлами орудуютъ. Теперь они, оба брата, раздѣлились, ссора, сказываютъ, промежъ ихъ пошла. Оногдысь, какъ-то, въ Иркутскомъ, старшева-то брата прикащикъ мнѣ разсказывалъ, ровно, говоритъ, лютые звѣри эти братья промежду себя...

— Не ладятъ значитъ? спросилъ дворникъ.

— Ссорятся больно. Дѣло-то, вишь-ли, ты у нихъ у обоихъ одинаково. Старшій чаемъ торгуетъ и младшой чаемъ, ну и задорно, одному противъ другова, — вотъ вся и причина. Невидаются, сказываютъ, ужь лѣтъ больше десяти... Ну однако, старшой-то братъ силу забралъ не въ примѣръ больше младшева. Теперь, такъ говорятъ, что у Макарья на ярмонкѣ, этими чаями онъ больше всѣхъ орудуетъ и нѣтъ значитъ такого человѣка, который бы его поборолъ — вотъ какъ!

— Господи батюшко! со вздохомъ вставила хозяйка,—какихъ людей на бѣломъ свѣтѣ не бываетъ.

— Огафья! не перечь! строго замѣтилъ дворникъ.

— Колѣнцы, тоже, говорятъ, закомуристые старшій-то братъ у Макарья выкидываетъ, сказалъ рыжій.

— А ну? спросилъ заинтересовавшійся дворникъ.

— Вотъ, говорятъ, какъ: по началу, примѣрно, этой самой ярмонки макарьевской, нѣту цѣны на чай вовсе. Купцы наши Сибирскіе навезутъ этого добра и сидятъ, ждутъ, чево-то Господь дастъ, какая цѣна будетъ на чай. Губошлеповъ старшой напретъ тоже чаю къ Макарью видимо не видимо. Пріѣдетъ, поогляднтся день другой, сходитъ въ церковь, помолится Богу да бла-

гословясь и начнетъ свои чаи продавать въ убытокъ, такъ прямо въ убытокъ, а не то што-бы фокусъ какой тамъ што-ли; беретъ убытокъ да и только—вотъ и дивись удивляйся! Продаетъ, онъ братецъ ты мой, такимъ манеромъ, сотню ящиковъ, продаетъ онъ и другую сотню—неморщится; продаетъ и третью сотню, какъ будто такъ и слѣдуетъ и все убытки беретъ, все какъ есть убытки! Купцы наши глаза таращатъ, дивятся чево тако съ Губошлеповымъ дѣется, ругаютъ его, зачѣмъ на чай цѣну роняетъ. а онъ знай себѣ лупитъ да лупитъ, какъ и путной, да такимъ манеромъ, онъ ящиковъ тысячу стуритъ, все убытки себѣ на шею беретъ!

— Торговля! иронически замѣтилъ дворникъ.

— А ты. Парфенъ Ерофѣичъ, помалчивай, вотъ што! Ты знай только помалчивай да слушай чево дальше будетъ, понялъ?

— Ну, ну, говори.

— Торгуетъ Губошлеповъ такъ-то, да вдругъ, ровно опомнится и перестанетъ продавать чай,—шабашъ значитъ! Только што? Ты думашь такъ и есть,—Губошлеповъ себѣ на шею наторговалъ?

— А то какъ-же? Вѣстимо, коли убытокъ бралъ, такъ пользы въ карманѣ не найдешь...

— Анъ нѣтъ. Ты погоди. Ты знай только слушай. Губошлеповъ не такой человѣкъ, чтобы съ дуру такъ-то дѣлать. Онъ свою смѣкалку имѣетъ: взялъ онъ убытку ящиковъ на тысячу, примѣрно, а цѣну въ ярмонкѣ

на вѣсь чай, этой самой продажей уронилъ, ужъ ее значитъ не поднять,—кончено! Опять мало дѣло, пооглядится Губошлеповъ, опять помолится Богу да и давай самъ чай покупать. Покупаетъ, покупаетъ на сколько силы хватитъ и все по дешовой цѣнѣ, да такимъ манеромъ тысячь семь али-бо и восемь ящиковъ и закупитъ. Закупитъ онъ этого чаю, да всю махину и претъ на Москву. Бояться онъ никого нехочетъ, потому у него въ рукахъ сила большая, ну и орудуетъ по своей волѣ, какъ ему угодно, все ровно значитъ што, примѣрно: живота или смерти!

— Голова значитъ съ мозгомъ! похватилъ дворникъ.

— Голова, братецъ ты мой, головой, а—сила! Безъ денегъ тутъ ничего неподѣлаешъ, заключилъ разскащикъ.

Извощики возвратились со двора и начали укладываться спать. Рыжій лежалъ вверхъ спиной и свѣсивъ голову съ палатей, спрашивалъ своихъ работниковъ о какой-то заверткѣ у саней, требовавшей немедленной перевязки.

— Перетерло што-ли ее, али снѣгомъ переѣло—какъ есть пополамъ разъѣхалась, почесываясь говорилъ работникъ.

— Новую што-ли завернулъ? спросилъ рыжій.

— Вѣстимо, новую. Говорю, какъ есть значитъ, рѣшилась... снѣгомъ што-ли ее, али съ морозу, кто ее знатъ,—вотъ какъ есть перегрызена...

Извощики улеглись на полу и на печи. Дворникъ вышелъ изъ избы и самъ вынесъ собакѣ корму.

— Ну ребята, спите спокойно. Запоръ у меня на воротахъ здоровенной, говорилъ дворникъ, возвращаясь.

— Собака у тѣ, Парфенъ Ерофѣичъ, знатная надо быть? спросилъ рыжій.

— Да, собака бѣдовая. Звѣрь—собака! Окромя меня никово къ себѣ не подпускаетъ, Огафью, што есть, и ту, значитъ за подолъ рветъ...

— Это братъ Парфенъ Ерофѣичъ, хорошо, потому—спокойно, перебилъ рыжій.

— Собака, сказываютъ, по писанію значится, все ровно другъ! подсказалъ кто-то съ печи.

— Это вѣрно... А то вотъ я тѣ Парфенъ Ерофѣичъ, скажу, продолжалъ рыжій,—былъ со мной однова случай какой. Ѣхалъ я въ тѣ поры, давно ужъ это было, лѣтъ однако съ восемь, а то и всѣ десять. Съ чаями я ѣхалъ. Пришли мы въ Томскъ городъ. Пришли мы съ обозомъ къ вечеру, остановились, какъ вотъ у тебя, на ночевку. Оч-чень х-хорошо! Только передъ утромъ, этакъ за вторыми пѣтухами, слышимъ во дворѣ крикъ поднолъ: караульный оретъ во все горло. Бросились мы всѣ сломя голову изъ избы-то, въ торопяхъ-то стукаемся объ стѣну головами, двери-то значитъ найти не можемъ. Выбѣжали во дворъ-то, босикомъ бѣжимъ по снѣгу, ногъ подъ собой не слышимъ,—ужъ испугались больно. А короульный оретъ, ну вотъ быдто кто ево рѣжетъ ножами. Чево сдѣлалось?—спрашиваемъ.

А онъ лежитъ на снѣгу, ничево понять не можетъ,—огорошили, вишъ, ево воры по башкѣ-то кистенемъ. Кой какъ онъ пришолъ въ себя и плачетъ. Вздремалъ, говоритъ, я, незамѣтилъ, а собаки, братецъ ты мой, на дворѣ не было. Вздремалъ онъ этакъ-то, да три ящика чаю и продремалъ. Замѣтилъ, говоритъ, только какъ послѣдній воръ черезъ заплотъ полѣзъ. Поймалъ, говоритъ, я его за подолъ шубы и за оралъ во все горло, а воръ-то какъ развернется, говоритъ, да кистенемъ меня... Только Богъ спасъ парня, потому кистень желѣзной, угоди въ голову—шабашъ! Угодилъ онъ этимъ кистенемъ въ плечо, ну, парень повалился, а шубу изъ руки не выпускаетъ. Воръ видитъ дѣло худо, потому—оретъ человѣкъ во все горло,—сбросилъ съ себя шубу и утекъ. Обробѣли мы, больно обробѣли, потому—три ящика стоятъ денегъ, за нихъ худо, худо хозяину надо два ста пятьдесятъ рублей отдать, а то пожалуй и коней рѣшишся—продадутъ съ укціону, потому значитъ каждой ящикъ на счету. Шибко мы обробѣли, только шуба насъ эта не много утѣшала,—все-же улика есть, бываетъ по ней воры и найдутся. Дождались мы утра и пошли по начальству, шубу съ собой тоже понесли. Приходимъ въ полицію, такъ-молъ-и такъ, разсказываемъ какъ дѣло было. Разсказали все, какъ есть, по порядку, шубу эту передали, што-бы значитъ розъискать кто ее сбросилъ. Пошло дѣло по дѣлу, судъ по формѣ. Ходили, ходили мы въ эту полицію,—нѣту нашего чаю. Просили, кланялись,—дѣло все плохо. Што

тутъ дѣлать—наказанье! А росходъ идетъ и время тоже насъ не ждетъ. Прохарчились мы въ тѣ поры сами-то да и на коней тоже сколько корму извели, а толку все нѣтъ! Четыре дня прошло такъ-то. Приходимъ мы на пятой день, ужь порѣшили значитъ промежъ себя оставить дѣло на волю Божію,—потому товары у насъ были взяты на срокъ. Приходимъ въ полицію и просимъ што-бы намъ, хоша, шубу-то назадъ отдали, все-же она рублевъ двадцать стоила. Нѣтъ, братецъ ты мой и шубы намъ назадъ не отдали, да еще и самихъ-то кой какъ выпустили...

— Не ходи впередъ, не жалуйся, а коли слѣдствіе завелъ,—жди конца, вотъ што! наставительно говорилъ дворникъ, укладываясь на лавкѣ спать.

На печи два извощика говорили одинъ съ другимъ о дорожныхъ расходахъ и выщитывали свои будущіе скудные доходы.

— До мѣста, теперя, восемь кормежокъ остается... Ну. Значитъ, ежели, восемь полтинъ, — четыре рубли. Ладно. Да положь, примѣрно, на харчи, ну рубль съ гривной выйдетъ... Ну считай. Взяли мы съ мѣста по шестнадцати,—сколько стало?

— Да оно бы и ладно пожалуй было, только я не знаю чево мнѣ теперь дѣлать съ коуркой-то...

Собесѣдникъ молчалъ и начиналъ дремать.

— Захирѣла она у тѣ шибко, безсвязно пробормоталъ онъ.

— Захирѣла братъ, совсѣмъ захирѣла лошадь! Силенки какъ есть не стаетъ, даве въ горку тамъ, около мостика-то, почитай я на своихъ плечахъ тянулъ. Дойдетъ-ли нѣтъ-ли до дому-то, Господь знатъ! Видишъ ты какъ дѣло было: по осени-то, чево-то приспѣло съ нимъ, замотался што-ли, чево-ли—Богъ знатъ,—только со всѣмъ морду повѣсилъ. Ну, я и тово... началъ лѣчить мало—было. Только лѣчу, я его лѣчу, а толку нѣту, совсѣмъ заскучала лошадь, ходить, што есть, не можетъ! Овсомъ было кормилъ... ну да овса, признаться, жалко стало,—пересталъ и овесъ-то давать: думаю, кто ее знатъ, оживетъ-ли, нѣтъ-ли, што-бы, значитъ не понапрасну кормъ не истратить... На сѣнѣ она у меня такъ и осталась, такъ до самой зимы на одномъ сѣнѣ и держалась,—отощяла совсѣмъ, кости повыскакали, такъ и торчатъ ровно вилы. Посмотрю я, это, на нее, инда сердце замретъ, жалко лошаль станетъ. Коньто вишъ ты доброй былъ, пятьдесятъ серебра за него заплатилъ. Ну только, смотрю, къ зимѣ-то ей полегчало, ногами-то стала покрѣпче ступать, вижу дѣло ладно... Хозяйка у меня увидала это, какъ она ногами-то ступаетъ,—давай говоритъ Егоръ пять конѣекъ, пойду батюшкѣ Фролу-Лавру свѣчу поставлю. Обрадовалась... плачетъ... Сталъ я съ той поры давать лошади овса, да все еще она тѣломъ-то вишъ, не набралась, а тутъ путина эта подоспѣла. Лошаденка-то у меня только одна на дворѣ-то, а ѣхать надо было, потому, самъ знашъ,

нонеча хлѣба Богъ неуродилъ, — только, только развѣ какъ до великова говѣнья дотянемъ...

— Ну родная! Вытягивай! Ну! бормоталъ сквозь сонъ слушатель.

— Экъ его дорога-то укачала! замѣтилъ со скамьи дворникъ.

— Да, говорилъ лежавшій на полатяхъ рыжій: бываетъ всякаго горя нашему брату. Копѣйка трудовая, тяжелая... А тутъ, глядишь, эти подлецы дорожные воры еще обижаютъ.

— Чево говорить,—подлецы! Зѣвая во весь ротъ поддакнулъ дворникъ.

— Да братъ Парфенъ Ерофѣичъ, знаю я одного человѣка, теперь дурачкомъ сталъ, какъ есть безъ ума, отъ этихъ воровъ.

— Што ты? Вотъ оказія!..

— Сдурѣлъ совсѣмъ. Были мы братецъ въ тѣ поры съ кладью на ярмонкѣ въ Ирбитской. Только въ томъ самомъ дворѣ, куда мы товары привезли, другой обозъ пришолъ съ сукнами. Прикащикъ при обозѣ отъ хозяина ѣхалъ, для тово, што-бы, значитъ, сохраннѣе было, потому дескать все-же приглядитъ иной разъ, да и даромъ проѣдетъ на возу—прогоновъ за нево не платить. Вотъ пріѣхалъ съ обозомъ этотъ прикащикъ, ходитъ по двору сумрачной такой и все што-то мычитъ и все мычитъ. Спрашиваемъ мы мужиковъ—чево съ нимъ?—Пачку сукна, говорятъ, у нихъ дорогой украли — тысячу рублевъ стоитъ! Кручинится, значитъ, парень, потому—

хозяинъ у нихъ, сказывали, строгой, чево не такъ, сичасъ-бить. Ярмонка еще не начиналась. Хозяинъ сукна тоже еще не пріѣхалъ. Ходитъ этотъ парень по двору, взадъ впередъ и все мычитъ. День ходитъ, другой ходитъ. Позвали священника. Посмотрѣлъ онъ его,—ничего говоритъ, хорошо-бы, говоритъ, ему теперь въ баню сходить:—дурь-то бы эта прошла. Повели парня въ баню, а онъ тамъ и рехнулся, кричитъ: Воры! Разбойники! Силища въ немъ, братецъ ты мой, откуда взялась, непомѣрная—десять человѣкъ сладить не могутъ. Насъ позвали на помощь. Кое какъ связали, до утра пролежалъ связанной, — пріутихъ, заснулъ. Только на другой вечеръ опять сдурѣлъ,—опять кричитъ: караулъ, воры! Зовутъ насъ на помощь, ну свяжемъ его и лежитъ такъ-то. Придетъ, это въ себя и плачетъ, плачетъ горючими: „Чево, говоритъ, теперь со мной будетъ, погибъ я душой и тѣломъ совсѣмъ:—убьетъ, говоритъ, меня нашъ хозяинъ. Ему,—то-се,—утѣшаютъ: дескать, подрядчикъ должонъ заплатить за пропажу, потому — по счету принималъ. Нѣтъ, сдурѣлъ парень и — все! Пріѣхалъ хозяинъ сукна. Сначала было, правда закричалъ, рукава сталъ засучивать, по комнатѣ шибко таково забѣгалъ, какъ это сказали-то ему; ну, а потомъ, какъ увидѣлъ прикащика-то,—испугался. Уведите, говоритъ, ево, уведите поскорѣе; а прикащикъ оретъ: караулъ! воры! Стали этаго парня лѣчить, позвали знахарку. Та ево, — такъ сякъ, травами разными поитъ, шепчетъ,—нѣтъ, не беретъ! Потому ужъ очень сильно за-

сѣли въ немъ эти мысли. Всю ярмонку она этого парня пользовала,—легче не было. Исхудалъ парень, отощалъ!— узнать нельзя, ну а все-же къ концу ярмонки зѣвать онъ пересталъ, поутихъ — только все плакалъ, казалось ему, што хозяинъ еще не пріѣзжалъ. Разъ какъ-то ночью свернулся онъ изъ избы да и удралъ изъ двора-то черезъ заплотъ. Поймали его ужъ за городомъ. Босой, въ одной рубашонкѣ, а ночь стояла морозная. Притащили домой,—задурѣлъ хуже прежняго... Въ тѣ поры намъ на обратну путину клади дали, мы и уѣхали. Только на другой годъ я ево опять видѣлъ. Живетъ все у тово-же хозяина, такъ изъ хлѣба держитъ хозяинъ-то. Работатъ здорово, ну а ужъ что до разговору, али дѣла какого—уморитъ: несетъ таку околесну, со смѣху закатишся!

— Бѣдненькой! Это все его воры-то такъ уходили! жалобно протянула хозяйка.

— Да мать, это воры—бѣда! Со мной, однова, горе было такое случилось что и неприведи Господи! продолжалъ рыжій,—ужъ какъ только тогда Богъ унесъ—удивленія достойно... Дайкося родная, кваску—чево то пить захотѣлось.

— На, родимый, выпей, сказала хозяйка, подавая на палати жбанъ.

— Спать-бы ужъ надо съ дороги-то, да вишъ года-то мои такіе, сонъ то кошечій сталъ—не спится... Парфенъ Ерофѣичъ! ты не спишъ-ли? ей.

— Говори, говори. Слушаю.

— Было, братецъ мой, тогда горе. Теперь вотъ какъ вспомню, такъ по спинѣ-то ровно мурашки забѣгаютъ. Подъѣзжали мы къ тому городу, про коей я тебѣ даве разсказывалъ; подъѣзжали мы ночью, а ночь бѣла темная, вѣтреная, такъ и рветъ съ возовъ рогожи-то. Товары у насъ въ тѣ поры были тоже срочные. Оно хоша и надо-бы было переждать на станкѣ до утра, потому—около города мѣсто опасное, ну да понадѣялись, поѣхали. Зажгли, братецъ мой, мы на каждомъ возу фонарь и идемъ около возовъ-то съ дубинками. Отошли этакъ верстъ съ десятокъ, лѣсомъ дорога пошла. Темно! И такая-то была эта темнота, что кажись не будь фонарей — пропащее дѣло! Вдругъ, братецъ мой, изъ опушки лѣса въ одинъ фонарь камень прилетѣлъ, брякнуло стекло,—разбилось и огонь погасъ. Смотримъ, посмотримъ, въ другой фонарь, тоже летитъ—мимо! не вались! кричимъ—убьемъ! Нѣтъ, не унимаются, все камнями жарятъ. Такъ эти подлецы, дорожные воры, у насъ фонарей восемь погасили, ну однако, мы прошли благополучно всю станцію, разозлили они только насъ больно, такъ разозлили, что, кажись, попади они намъ въ руки—цѣлы бы не ушли. Пришли мы на станокъ за полночь, уставили воза; только было улеглись на ночовку, вдругъ во дворѣ крикъ поднялся... Ну вотъ тутъ-то горе и вышло.

Разскащикъ понизилъ тонъ и заговорилъ шопотомъ.

— Вышло горе, Парфенъ Ерофѣичь, большое. Грѣхъ мы въ тѣ поры на души приняли. Видишь ты ужъ

больно мы сердиты были, потому, самъ знаешъ, — досадно: устали, измаялись, а тутъ опять напасть. Выбѣжали мы во дворъ-то, а нашъ караульный вора ущѣпилъ за волоса и волочитъ ево по грязи-то. Подбѣжали мы и давай ево лупить, куда попало; всякой наровитъ ударить, да што-бы по крѣпче, потому — зло насъ разобрало и на немъ, на этомъ ворѣ, мы все зло свое вымѣщали. Лупили, лупили мы этого вора, долго лупили; только, видно, такъ кто не осторожно ударилъ што-ли, али ужъ на роду ему было то написано, — смотримъ, нашъ воръ совсѣмъ раскисъ и не кричитъ; послушали — не дышетъ... Вотъ-тѣ на! изъ одной бѣды въ другую влопались! Господи, думаетъ, избавь насъ батюшко отъ бѣды отъ напасти, отъ мертваго тѣла. А бѣда, самъ знаешъ, не минучая! Какъ тутъ быть, а дѣло ужъ было передъ разсвѣтомъ. Столпились мы въ кучку, пошептались, пошептались и порѣшили это дѣло скрыть. Взяли мы вора за ноги и за руки и перевалили чересъ заплотъ, а за заплотомъ-то не наше счастье, какъ разъ логъ начинался, да глубокой такой. Стащили мы вора въ этотъ логъ, да назьмомъ такъ немного сверху-ту закидали. Пришли въ избу. Дворникъ спрашиваетъ: гдѣ-ка, говоритъ, у васъ воръ? Побили, говоримъ, да пустили съ фонарями на щекахъ, утекъ молъ теперь, ногъ чай подъ собой не слышитъ... Кое-какъ, братецъ мой до утра пролежали, — не спится. Куда и сонъ весь дѣвался, только и на умѣ какъ бы поскорѣе со двора съѣхать отъ грѣха

отъ великаго! Только, только свѣтъ-то началъ брежжеть, свернулись мы съ ночевки да поскорѣе, — коней хомутать. Дворникъ-то, это, дивится, — што говоритъ, рано хотите ѣхать? Нѣ-ѣ-тъ, говоримъ, пора,—товаръ у насъ срочной, сроку, молъ, мало ужъ больно осталось. Такъ и уѣхали. Долго, братецъ ты мой, такъ почитай, станковъ пять-шесть мы все шли да оглядывались, ѣда совсѣмъ на умъ не шла, сна рѣшились,— думали все, што за нами безпремѣнно погоня будетъ, ну да Господь батюшко помиловалъ... Ты спишъ Парфенъ Ерофѣичъ?

— Нѣтъ, слушаю... фонарь, говоришъ, камнями разбили... Пробормоталъ дворникъ и снова задремалъ.

Извощики спали на полу и на печи. Слышалось тяжолое дыханье. Въ избѣ было темно. Хозяйка давно окончила свою пряжу и прикурнулась около печки въ углу. Подъ окнами ревѣла и свистала вьюга. Рыжій долго ворочался съ боку на бокъ и не могъ заснуть. Онъ вслушивался въ вой вьюги и крестился; вдругъ показалось ему, что на дворѣ заливается злобнымъ лаемъ собака. Онъ торопливо слѣзъ съ палатей, ощупью отъискалъ дверь и вышелъ на крыльцо. Вьюга завывала по прежному и вихремъ кружила снѣгъ по двору. Собака спокойно лежала въ своей конурѣ.

— Господи помилуй! вздохнулъ рыжій и возвратился назадъ.

Послѣ свѣжаго холоднаго воздуха, ему показалось въ избѣ очень душно. Онъ долго вертѣлся съ боку на

бокъ, но наконецъ заснулъ. Въ избѣ все затихло, только за печкой неутомимо трещалъ сверчокъ, какъ будто подъ акомпаниментъ тяжелаго дыханія спящихъ, да гдѣ-то, подъ крышей стучала незапертая ставень. Предъ разсвѣтомъ разбудилъ всѣхъ извощиковъ отчаянный крикъ Максимки.

— Ой замерзъ! Ой здохну!

Максимко кричалъ во все горло и тревожно метался на печи. Хозяйка выскочила первая изъ своего запечнаго угла и торопливо вздула огонь. Извощики просыпались, сердито ворчали на нарушителя общаго сна и почесываясь поднималась на ноги. Дворникъ сѣлъ на лавкѣ. Онъ долго думалъ, не понимая что кругомъ его происходитъ и усиленно протиралъ массивными ручищами свои заспанные оплывшіе глаза. Максимко то утихалъ совершенно, то принимался бормотать себѣ подъ носъ и вдругъ снова отчаяннымъ, дикимъ голосомъ кричалъ на всю избу. Онъ былъ въ сильномъ жару и тревожно метался на печи.

— Огафья! чево тамъ съ нимъ? спросилъ очнувшійся отъ сна дворникъ.

— А Господь ево знаетъ, со сна, надо быть...

— Максимко, дьяволъ! Не ори... Максимко!.. Экъ его лѣшака ломаетъ...

— Максимко! слышь, чортъ! Говорятъ тѣ, молчи, уговаривали извощики.

Но Максимко никого не узналъ и ничего не слышалъ.

— Кар-раулъ! Ой!.. Воры... Карраулъ! кричалъ онъ во все горло.

— Максимка! Не ори, слышь...

Рыжій извощикъ спустился съ палатей, наскоро умылся и помолившись наскоро на образъ, полѣзъ къ больному на печь.

— Максимушко, родной. Уймись. Христосъ съ тобой... Максимушко! Водицы не хошъ-ли,—на, испей... ласково говорилъ онъ, поглаживая по головѣ парня.

Больной выпилъ воды и на нѣкоторое время утихъ. Рыжій слѣзъ въ печки.

— Худо дѣло ребята, говорилъ онъ товарищамъ, печально покачивая головой.

— Да чево съ нимъ попритчилось?

— Простылъ што-ли,—оретъ шибко, а?

— Ну ты... Простылъ. На печѣ-то простылъ. Парень сдурѣлъ!

— Нѣтъ, надо быть, съ глазу... Хозяйка даве со штями все...

— Мели Емеля... Эхъ ты!

— Нѣтъ ребята, перебилъ рыжій, — онъ нездоровъ. Въ огневицѣ онъ теперь, — вотъ што!

— Такъ какъ же быть-то, а? Чево теперя съ нимъ дѣлать...

Максимко снова закричалъ.

— Ишь вѣдь какъ оретъ... О Господи батюшко!

Хозяйка подошла къ печи, заглянула въ дикіе глаза Максима и завыла.

— Родимой ты мо-ой! Страшенные какіе у него глаза-то, Господи-и!

— Эй ты Огафья, слышъ? строго говорилъ дворникъ со скамьи,—ей дура баба, тебѣ говорю, не дури! Чево разнюнилась?

— Паренёкъ-то бѣдненькой въ огневицѣ...

— Ну. Тебѣ што. Молчи знай...

— Замёрзну! Околѣю! Ой!.. слышалось съ печки.

Начинало свѣтать. Извощики выходили изъ избы и выгоняли коней на водопой къ проруби. Вьюга утихла и по улицамъ лежали громадные сугробы снѣга. Прорубь на рѣкѣ, не смотря на окружавшую ее хвойную изгородь, тоже забросало снѣгомъ. Извощики принялись снова ругать вьюгу и возвращались на постоялый дворъ за лопатами и топорами. Разсвѣло. По деревнѣ стали показываться бабы съ ведрами, мужики на дровняхъ ѣхали за дровами; задымились трубы крестьянскихъ избушекъ и высоко поднимался надъ деревней дымъ въ тихомъ, морозномъ воздухѣ.

Извощики давно напоили и накормили коней и были въ большомъ затрудненіи относительно своего товарища. Они не знали какъ поступить въ такомъ неожиданномъ случаѣ. Хозяйка поставила на столъ завтракъ. Извощики позавтракали, помолились Богу и стали переминаться съ ноги на ногу. Дворникъ сидѣлъ около стола и угрюмо смотрѣлъ въ полъ. Извощики столпились около него и молча почесывались; нѣкоторые боязливо поглядывали на печку, гдѣ стоналъ Максимко, другіе

печально переглядывались между собой и снова уставляли вопрошающій взглядъ на толстаго дворника. Дворникъ тоже почесывался и вздыхалъ. Хозяйка, прижавщись около печки съ участіемъ смотрѣла на толпу извощиковъ.

— Какъ же намъ быть-то, Парфенъ Ерофѣичъ? спрашивали извощики.

— Ѣхать вамъ надо. Ночевали, отдохнули, теперь ѣхать надо, угрюмо отвѣчалъ дворникъ, не поднимая головы.

— А какъ-же, теперь, на счетъ Максимка-то, а?

— Чево?

— Съ парнемъ-ту какъ быть, вишъ разхворался...

— Я не знаю, не мое дѣло...

— Нѣтъ ужъ ты Парфенъ Ерофѣичъ, будь отецъ родной, подержи его у себя. Парень, бываетъ, поправится. Ужъ ты, сдѣлай милость. По тому, самъ видишъ, намъ его съ собой везти нельзя. Куда теперь дѣнешся, окромя тебя...

— Я не знаю ребята... это все не тово...

— Ужъ ты сдѣлай милость...

Извощики кланялись массивной фигурѣ дворника и мотали головами.

— Я ребята, пожалуй-бы... да только вѣдь тово... сами знаете, расходъ на него пойдетъ...

— Мы тѣ сполна заплотимъ, не сумлѣвайся, упрашивали извощики.

— Пожалуй умретъ, оборони Богъ, хоронить надо — все деньги...

— Сдѣлай милость... Не сумлѣвайся...

— Охъ ты жирный ты песъ, грѣховодникъ! взвыла хозяйка,—не грѣхъ это тебѣ жирному псу такія рѣчи говорить-то: о хо-хо!

— Огафья! Слышъ, говорю, молчи—дура!

— Грѣховодникъ ты, грѣховодникъ! Не грѣхъ-ли тебѣ, не насытная душа, такія рѣчи говорить-то — Господи-и!

— Кар-раулъ! Не вались! Убью! отчаянно закричалъ Максимко на печи.

— Батюшко ты мой! Ни отца у тебѣ здѣсь, ни матери, ни роду у голубчика здѣсь, ни племени... Начужой-то ты на сторонушкѣ, плачевно говорила хозяйка, посматривая на печку.

— Ты Парфенъ Ерофѣичъ, будь безъ сумленія...

— Максимко у насъ хоша и бѣдной парнишко, все-же мы за него тебѣ заплатимъ, сколько причтется... Повѣрь нашему честному слову, копѣйка твоя за нами не пропадетъ. Вотъ Богъ дастъ по веснѣ поѣдемъ съ обозомъ, заплатимъ.

— Оно такъ, да все ребята... все какъ-то не тово...

— Охъ ты жирной ты песъ, бородатой! Заплывшіе твои глаза... снова завыла хозяйка.

— Огафья, тебѣ говорю, молчи!

— Грѣхъ тебѣ будетъ передъ Господомъ, грѣховодникъ ты безстыжой!...

— Замолчи говорю тебѣ... я возьму его... молчи.

— Баба у тѣ, Парфенъ Ерофѣичъ,—золото! Кабы

не баба, наказалъ-бы тебя Богъ, потому душа у тѣ завидущая, жадная! съукоризной замѣтилъ рыжій.

— Да ну васъ... Пусть ужъ остается. Чево Господь дастъ... А ты Огафья не моги мнѣ такъ говорить, знаешъ што въ писаніи сказано...

— Грѣховодникъ ты, вотъ што... Въ писаніѣ-то ты, глазами-то своими заплывшими, прости Господи, никогда и незаглядывалъ,—чево тамъ сказано...

— Ну, ну, молчи.

— Ладно ужъ... Ну ребятушки поѣзжайте со Христомъ, а я пойду позову знахарку...

Хозяйка торопливо набросила на плечи шубейку, поклонилась извощикамъ и ушла изъ избы.

Извощики расплатились съ дворниками за ночлегъ и молились на образъ.

— Ну спасибо тебѣ Парфенъ Ерофѣичъ... будь безъ сумленія, заплатимъ Богъ дастъ по веснѣ...

— Только правду я тебѣ скажу, говорилъ рыжій,— хозяйка твоя святая душа! За ее добродѣтель только Господь тебѣ и помогаетъ...

— Это вѣрно, согласился, тяжело вздохнувъ дворникъ и поднялъ свое тучное тѣло со скамьи.

— Ну поѣзжайте съ Богомъ...

— Прощай Порфенъ Ерофѣичъ... Бываъ Максимко встанетъ, до весны у тѣ работать будетъ. Парень онъ у насъ смиренной...

— Парень—одно слово! Хорошой парень. Онъ у тѣ аботать што хочешъ будетъ... Парень смирной...

— Ну Максимко, выздоравливай...

— Прощай Максимъ! Дай Богъ полегче... По веснѣ заѣдемъ...

— Господи благослови! говорили извощики выходя изъ избы.

Максимко лежалъ по прежнему въ жару и бредилъ.

Воза одинъ за однимъ выходили изъ воротъ. Извощики снимали шапки и крестились.

— Дай Господи батюшко, благополучной дороги!

Дворникъ стоялъ на крыльцѣ и безъучастно смотрѣлъ на выходившіе съ двора воза.

— Прощай Парфенъ Ерофѣичъ! Не сумлѣвайся, — заплатимъ сполна по веснѣ. Кричали съ улицы извощики.

Дворникъ постоялъ, посмотрѣлъ, почесался и пошолъ назадъ въ избу. Неубранный завтракъ стоялъ на столѣ Дворникъ поморщился, поглядѣлъ искоса на печь и легъ на скамьѣ, зѣвая во весь ротъ.

Лежитъ Максимко на печи въ сильномъ жару и грезится ему родная изба. Около печи хлопочетъ старуха мать, приготовляя скудный ужинъ; сестренка возитъ по избѣ привязанный на веревкѣ старый изношенный бродень и жуетъ сухую корку хлѣба. Онъ, Максимко, усталый возвратился съ пашни и сидитъ за столомъ въ ожиданіи ужина. Въ окно стучится крестьянинъ-кредиторъ и слышенъ въ избѣ его сердитый голосъ, требующій уплаты долга. Мать подходитъ къ окну и жалобно упрашиваетъ подождать долгъ до покрова-дня: — Вотъ, говоритъ она, Богъ дастъ хлѣбушко сни-

мемъ, расквитаемся... — Лошадь содвора сведу! снова слышится сердитый голосъ и за тѣмъ страшная брань раздается въ ушахъ Максимки.

— Мама! отдадимъ ему лошадь... Ну его, отдадимъ,— бредитъ Максимко,—вотъ придетъ зима, пойду въ работники, въ извозъ наймусь...

— Экъ ево какъ уходило! подумалъ дворникъ дремая.

— Уйди! Міроѣдъ! Уйди не лайся!.. бредитъ больной.

Вскорѣ возвратилась Огафья и привела съ собой оборванную маленькую старушонку — знахарку. Старушонка прищуривъ слезливые глаза, робко оглядѣла избу, помолилась на образъ и низко поклонилась массивной фигурѣ лежавшаго дворника.

— Знахарка што-ли? лѣниво спросилъ дворникъ, не поднимая головы.

— Знахарка, родимой, знахарка я. Вотъ Огафьюшка-то твоя говоритъ мнѣ, паренекъ говоритъ захворалъ, пойдемъ говоритъ къ намъ...

— Ну ладно... Полѣчи тамъ, чево-ли, какъ-ли,— ну васъ! сквозь сонъ проговорилъ дворникъ, погружаясь въ сладкую дремоту.

— Ты Захарьевна ево не бойся, онъ у меня мирной, ничево, шептала хозяйка, кивая головой на тушу дворника.

— Ой да какой-же онъ у тѣ ноньѣ сталъ толстой да красной, пугливо говорила старушонка.

— Ну такъ ты Захарьевна, полѣзай на печь-то да посмотри ево, чево съ нимъ тако дѣется...

Оборванная старушонка, перекрестилась и медленно стала влѣзать на печь. Она долго смотрѣла на Максимку, долго шептала что-то себѣ подъ носъ и не до тронувшись даже до него рукой, спустилась на полъ.

— Што Захарьевна? съ участіемъ спрашивала хозяйка.

— Не знаю родная... Сглазили ево надо быть...

— Такъ какъ-же теперь быть-то?

— Да ничево. Вотъ съ уголька ево спрыснемъ, можетъ Господь и пристанетъ...

— Мама! ты неплачъ. Вотъ ворочусь изъ обоза, новую лошадь купимъ, бормоталъ въ бреду Максимка.

Знахарка взяла ковшъ съ водой, выгребла изъ печи углей и вышла на крыльцо. Долго что-то нашептывала она надъ ковшомъ и углями, долго смотрѣла въ воду и возвратившись въ избу съ таинственнымъ видомъ подошла къ хозяйкѣ.

— Надо, вишъ матушка, осторожно, што-бы онъ незамѣтилъ, а то весь наговоръ пропадетъ за напрасно...

— Да ты ужь, Захарьевна, какъ знаешъ, тебѣ это извѣстно...

— То-то, то-то, я говорю, што-бы какъ, грѣхомъ, не увидѣлъ...

Старушонка съ величайшей осторожностію полѣзла на

печь. Больной дремалъ въ забытьѣ. Она вдругъ вспрыснула его изо рта водой и зашептала, но шопотъ ея былъ заглушонъ отчаяннымъ крикомъ больнаго, напуганнаго вспрыскиваньемъ.

— Ничево, батюшко, ничево. Это тебя худой человѣкъ оглазилъ... Господи помилуй отъ глаза, отъ порчи... твердила знахарка.

— Лекаря! скептически замѣтилъ дворникъ, испуганный въ свою очередь, крикомъ больнаго.

Прошло два дня. Максимкѣ лучше не было.

— Не истопить-ли баню? спрашивала знахарку хозяйка.

— А и то можно... только на порогѣ-то ево надо водицей окатить, да такъ што-бы одна нога въ банѣ была, а другая въ передбанникѣ...

Сводили Максимку въ баню, окатили водой съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ предписанныхъ знахаркой, но легче не было. Прошло еще дней пятокъ. Здоровье больнаго дѣлалось все хуже и хуже.

— Въ хомутъ-бы ево потной затащить, да такъ три раза съ молитвой сквозь хомутъ-то протащить,— помогаетъ это,—вишъ ужь больно глазъ-то худой ево сглазилъ! наговаривала знахарка.

Черезъ двѣ недѣли Максимко умеръ.

Извощики довезли товары до назначеннаго мѣста и возвратились въ свои деревни. Мать Максимки спраши-

вала пріѣхавшихъ о сынѣ и плакала, слушая разсказы о его болѣзни.

— Подожди, Пракофьевна, вотъ Богъ дастъ по веснѣ поѣдемъ съ товарами, привеземъ тебѣ твово Максимку, утѣшали извощики...

НА ГРАНИЦѢ.

Былъ двѣнадцатый часъ дня. По улицѣ пограничнаго города длинной вереницей тянулись одноколки съ чаями въ камышевыхъ китайскихъ ящикахъ. Солнце ярко свѣтило и глубоко прожигало песчаную мѣстность; лошади тяжело дышали и съ трудомъ тянули воза по каменистому шоссе; рабочіе лѣниво шагали около возовъ, сдвинувъ на бекрень потныя шапки и обтирая лбы рукавами своихъ запыленныхъ рубахъ.

Жарко, душно и пыльно кругомъ.

Бурята, нанявшіеся къ русскимъ на работы, идутъ тутъ-же около возовъ, но они не обращаютъ вниманія на жаръ и духоту—идутъ себѣ мѣрнымъ, бодрымъ шагомъ, помахиваютъ въ воздухѣ кнутами и мурлычутъ свои родныя степныя пѣсни.

— Гей, гей! Тро-ога-ай! изрѣдка слышится отъ возовъ.

Передніе воза поднимаются въ гору къ мрачному, вы-

сокому зданію таможни, а далеко за ними внизъ по горѣ къ городу и по шоссейной улицѣ его длинной безконечной вереницей вытянулись сотни такихъ же одноколокъ и исчезаютъ за городомъ, сливаясь съ пыльной далью сѣроватаго шоссе.

— Стой! Сто-ой! вдругъ отчаянно пронеслось отъ дальнихъ возовъ.

— Че-во-о?

— Стой!

— На какой чортъ?

— Парень чай изъ ящика ворова-алъ!

Часть возовъ остановилась. Извощики собрались около пойманнаго на воровствѣ мальчика лѣтъ пятнадцати.

— Ты што, такой-сякой, а?

И начали парня бить.

— Дяденька! Не тронь! Я только горсточку вытащилъ. На, возьми...

— Бей его ребята!

Рабочіе избили мальчика и отогнали отъ возовъ какъ недостойнаго участвовать въ работѣ. Избитый, въ грязной рубашонкѣ, на части изорванной рабочими, босой, онъ тихо пошелъ въ сторону отъ возовъ и, остановившись у забора, долго смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся обозу.

Безконечной вереницей воза, одинъ за однимъ проходили въ ворота таможни. Надсмотрщики, съ мѣдными бляхами на груди, стояли съ обѣихъ сторонъ воротъ и считали проходящіе воза. Надзиратель, скры-

ваясь отъ жары подъ тѣнью стѣны, и отмахиваясь листомъ исписанной бумаги, безъучастно смотрѣлъ въ пыльную даль на безконечную вереницу телѣгъ. Въ таможенномъ дворѣ, не смотря на его обширность, была тѣснота, воза кой-какъ двигались впередъ, пробираясь между массами товаровъ. Высокіе бунты съ коробьями плисовъ и кипами суконъ, чающіе свидѣтельства таможеннаго начальства, какъ Египетскія пирамиды возвышались въ разныхъ мѣстахъ двора; между ними лежали на доскахъ сотнями рядовъ ящики съ чаемъ, уже зашитые въ кожи и разложенные на солнцѣ для просушки. Голодныя собаки украдкой пробирались между ящиками и, облизывая сырую кожу, старались вырвать клочекъ ремня для утоленія своего неотступнаго голода. Солдатъ отгонялъ ихъ, бросая каменья и палки, собаки изчезали въ дальнихъ рядахъ и снова лизали кожи на ящикахъ.

— Я васъ чертей домовыхъ! И что это начальство смотритъ; пришибить бы ихъ всѣхъ изъ ружья! разсуждалъ солдатъ, пускаясь снова за собаками.

Вереница возовъ устанавливалась на дальнемъ планѣ двора, рабочіе сваливали ящики и укладывали ихъ въ бунты. Купеческій прикащикъ наблюдалъ за работой и посматривалъ на безоблачное небо.

— Какъ бы, ребята, дождь не хватилъ?

— Какой тебѣ дождь! Видишь, чай, синева сплошная.

— Однако рогожи не мѣшаетъ положить.

— Ну и положимъ. Дѣло не важное — вонъ ихъ сколько...

Въ углу двора лежали груды рогожъ, около нихъ стояли сотни крестьянскихъ телѣгъ съ чаями, уже готовыми къ отправкѣ; лошади мотали головами и отмахивались хвостами отъ жары и паутовъ. Мужики, развалившись на рогожахъ тоскливо ожидали выпуска возовъ изъ таможни.

— Скоро-ли, нѣтъ-ли?.. Жара...

— Сказываютъ скоро потому у купцовъ обѣдъ, таможня туда поѣдетъ.

— Какой такой обѣдъ?

— Кто-то, слышь, изъ начальства наѣхалъ, угощать его будутъ.

— Вотъ што!

Къ лежащимъ подошелъ крестьянинъ.

— Здравствуйте!

— Добро жаловать.

Пришедшій помолчалъ, поглядѣлъ на коней и спросилъ:

— Ваши воза-то?

— Наши.

Крестьянинъ опять помолчалъ, почесался и оглядѣлъ дворъ кругомъ.

— До Байкала, али прямо до города взялись везти-то?

— До Байкала только, а што?

— Такъ у меня тоже конишки есть, извозу ищу... отвѣтилъ пришедшій и легъ на рогожи.

— Почемъ, братцы, вы взяли-то?

— Да чево! махнувъ рукой, отвѣчалъ одинъ изъ лежащихъ,—развѣ-развѣ што только концы съ концами.

— Однако почемъ?

— Да полтина.

— Ну?

— Вотъ тѣ Христосъ!

— Плохо, ребята! Корма дорогіе стали.

— Да, братъ, нонѣ корма-а... Теперь съ этимъ Амуромъ цѣна какъ есть на все поднялась.

— Што дешево взяли-то?

— Да больше полтины не даютъ, потому цѣна такая, извощиковъ тоже довольно...

— Это вѣрно.

Мужики перебрасывались словами, растянувшись на рогожахъ. Солнце пекло ихъ загорѣлыя и запыленныя лица.

— Выпить бы хоть. Жарко чево-то.

— Поди вонъ въ караулку—попроси.

— Солдатишки лаются, копѣйку за ковшъ просятъ, сказалъ мужикъ, поднимаясь съ рогожъ, и пошелъ къ караулкѣ.

— Раззоришься парень, на водѣ-то всѣ деньги пропьешь, мотри! подшучивали лежавшіе.

— Не накажи Осподи! Пожалуй, чево добраго...

Въ глубинѣ растворенныхъ пакхаузовъ виднѣлись движущіеся фигуры *совошниковъ*, усердно запускавшихъ свои желѣзные совки во всѣ восемь угловъ чайныхъ ящиковъ. Прикащикъ обнюхивалъ подаваемый ему изъ

совковъ чай и небрежно бросалъ его на лежавшую вблизи рогожу; совошники не уловимо быстро успѣвали опускать въ широкіе карманы своихъ штановъ горсти чаю и снова принимались за дѣло; прикащикъ какъ будто не замѣчалъ ихъ воровства. Мужики смотрѣли съ рогожъ на совошниковъ и разсуждали.

— Сколько эти совошники чаю воруютъ—бѣда!

— И чего это прикащикъ только смотритъ—лупоглазый!

— Онъ, братъ, оченно хорошо видитъ, вотъ што. Только я тебѣ скажу, какъ значитъ самъ онъ не безъ грѣха, потому и ссориться ему не резонтъ. Рука руку моетъ и обѣ чисты.

— Извѣстно—у хлѣба не безъ крохъ.

— Это точно. Только крохи, значитъ, всякія бываютъ. Вонъ намедни мы наваливали чай, такъ хозяйскихъ мѣшковъ съ совошнымъ чаемъ считалось три, а за заставой у насъ ихъ было пять,—два мѣшка откуда невзялись—изъ лѣсу... А все савошники—вотъ какъ!

— Да, бываетъ.

Ходившій пить возвратился.

— Скоро сказываютъ начальство на ревизію выйдетъ и наши воза обревизуютъ, выпустятъ.

— Чево ужъ кажись ревизовать,—вчера ревизовали; такъ только, для близиру...

— Все же, порядокъ соблюдаютъ.

— Порядки велики! Контробанда претъ по границѣ каждую ночь: ловятъ развѣ съ пятаго на десятаго.

— Не услѣдишь, ребята, вѣдь ночь—темно.

— Вонъ мнѣ стрѣнулся около Байкала на той недѣлѣ знакомый. Здорово, грворю.—здорово!—Чево, какъ?—Да чево, говоритъ, досада... Што за оказія?—Двѣ недѣли, говоритъ, потерялъ не за цапову душу; лунныя, говоритъ, все ночи были, измучили въ конецъ. Выйду, говоритъ, на дворъ,--посмотрю—ни тучки, хоть бы какая ни на есть малехонькая... Измаялся! Всю душу, говоритъ, вытянуло.—Какже, говорю, выбрался?—Да такъ, говоритъ, дождался: такую ночь выждалъ—страсть! Гроза, говоритъ, дождь, темень—хошь глазъ выколи, а погода ревмя реветъ. Ну и провезъ благополучно.—Вотъ какъ дѣлаютъ-то!

— Много? спросили товарищи.

— Ящиковъ никакъ съ тридцать.

— А што, если да поймаютъ?

— Случается, да рѣдко... Не безъ грѣха тоже и тутъ...

— Казачишки по границѣ, говорятъ, здорово возятъ чай.

— Какъ поди безъ того!

Далѣе, у другаго конца таможеннаго двора вытянулся длинный одно-этажный каменный флигерь съ пятью или шестью дверями. Двери были всѣ растворены. Отъ этого флигеря далеко ризносился нестерпимый, вонючій запахъ мокрой прѣющей кожи. Внутри его помѣщалась ширельня. Тамъ, въ центрѣ самыхъ вонючихъ удушающихъ испареній, отдѣляющихся отъ сырыхъ

кожъ работали около ста человѣкъ ширельщиковъ, составляющихъ отдѣльную артель имѣющую исключительное право на эту непривлекательную работу. Большая часть работающихъ были съ впалыми грудями, съ блѣдными истомленными лицами. Вредныя отдѣленія отъ кожъ, заражающія въ ширельной атмосферу и постоянная въ сгорбленномъ положеніи работа, уколачивали этихъ труженниковъ, работающихъ съ утра до ночи ради дневнаго пропитанія.

— Ну, ребятушки, шейте поскорѣе! поощрялъ староста.

— Шьемъ вѣдь; видишъ чай, али ослѣпъ! сердито отвѣчали нѣкоторые изъ рабочихъ.

— Понатужтесь родные! прикащикъ обѣщалъ дать артели на водку пятнадцать цалковыхъ.

— Не разорваться-же на работѣ-то...

— Кто говоритъ братцы! да дѣло-то ему къ спѣху, потому и на водку даетъ—завтра, говоритъ, выпускать надо чаи въ дорогу.

— Ну такъ чево ты орешь? угрюмо спросилъ высокій худощавый парень, разгибая свою усталую спину. Лицо его было зеленовато-блѣдное, на лбу выступалъ крупный потъ и грязными полосами скатывался по истомленному лицу.

— Ну чево ты орешь? повторилъ онъ, утираясь ладонью,—вѣдь можно вечеромъ доработать,—свѣчи только добыть надо.

— Согласитесь-ли ребята? вкрадчиво спросилъ староста артель.

— Согласимся, ничево! раздалось въ мрачныхъ сводахъ ширельнаго флигеля.

— Только смотри, чтобъ прикащикъ не надулъ.

— Развѣ я не знаю, задатокъ у меня въ карманѣ.

— Ловокъ ты задатки-то брать, поработалъ-бы, каково спинѣ-то...

— Да вѣдь я братцы на общую пользу, дѣло артельное... Пожалуй, какъ хотите...

— Ну чортъ,—молчи!

— Пожалу выберете другова старосту, я буду ширить...

— Лѣшій, не ори! Взялся за гужъ, такъ держись... вонъ кожи на остаткѣ,—ступай, хлопочи о кожахъ-то.

Староста вышелъ изъ ширельни. Ширельщики похвалили его заботливость объ артели и молча продолжали свое дѣло.

Чрезъ нѣсколько времени по двору бѣжалъ солдатъ расталкивая на пути мужиковъ и бросая каменьями въ собакъ.

— Начальство идетъ! начальство идетъ! посторонитесь! сейчасъ выходятъ изъ присутствія... торопливо говорилъ онъ, пробѣгая къ вѣсамъ.

У вѣсовъ лежали ящики съ чаемъ, назначенные для привѣски чистаго чаю и опредѣленія слѣдующей пошлины. Пришло начальство въ сопровожденіи купеческихъ старшинъ; началась привѣска чаевъ. Купцы хо-

зяева подошли къ вѣсамъ и тревожно смотрѣли на движеніе вѣсовой стрѣлки.

— Восемьдесятъ восемь съ четвертью! рѣзко раздался голосъ чиновника, стоявшаго у вѣсовъ.

— Вашескородіе! обратился купецъ къ таможенному чиновнику,—вы извольте посмотрѣть, стрѣлка-то на гири гнетъ, ей Богу-съ.

Чиновникъ, обращаясь къ старшинамъ, молча показывалъ рукой на вѣсы.

— Видимъ. Это вѣрно, что 88¼. Онъ съ досады... улыбаясь отвѣчали старшины.

— Будь она проклята, эта четвертка, разсуждалъ купецъ собственникъ взвѣшеннаго чая. Ему досадно было, что лишняя четверть фунта свыше восьмидесяти восьми, заставляетъ его платить пошлину за полный вѣсъ, тогда какъ если-бы чай при привѣскѣ оказался въ 88 фунтовъ, то пошлина была-бы только за 85 фунтовъ.

— Эка досада какая! Хоть-бы кто укралъ по четверти фунта изъ ящика,—мнѣ-бы легче было.

Свѣшенный ящикъ убрали и вѣсили новые.

— Г. Синичкинъ! обратился таможенный къ купцу.

— Ась?

— Вашъ чай опредѣленъ при привѣскѣ въ 88¼.

— Слушаюсь, это вѣрно, только обидно...

— На кого-же, на чай что-ли?

— Нѣтъ, такъ-съ. Эта, значитъ, четвертушка за душу хватаетъ...

Таможенный улыбался, купецъ почесывалъ голову.

Отъ привѣски чаевъ начальство отправилось по русскимъ товарамъ и опредѣляло ихъ достоинства. Вскорѣ изъ таможеннаго двора потянулись воза съ чаями; мужики, проходя въ ворота, снимали шапки и крестились.

— Дай Господи батюшко, путину счастливую!

Чрезъ часъ таможенный дворъ опустѣлъ. Савошники кончили работы и ушли, солдаты тоже разбрелись, кто куда хотѣлъ, потому что старшее начальство уѣхало на обѣдъ и только въ ширельномъ флигерѣ шла торопливая изнуряющая работа.

По дорогѣ отъ таможни къ городу тянулись воза съ русскими товарами. За городской заставой остановился обозъ съ чаями; мужики поили коней у колодца, шумъ и говоръ долеталъ къ таможеннымъ воротамъ; часовой дремалъ, зѣвалъ и крестилъ ротъ. Жаръ начиналъ спадать.

II.

Въ купеческомъ собраніи былъ накрытъ роскошный обѣденный столъ. Всевозможныхъ причудливыхъ формъ фигурныя вазы, наполненныя фруктами и плодами, красовались на столѣ; между нихъ изъ серебряныхъ холодильниковъ выглядывали серебряныя горлышки шампанскихъ бутылокъ. Бронзовые, вызолоченные канделябры, съ дѣсятками свѣчей, возвышались надъ всѣмъ и дополняли общую красоту и роскошь. Откормленные краснощекіе офиціанты, въ бѣлыхъ галстукахъ и черныхъ фракахъ, суетливо перебѣгали отъ стола къ буфету и

обратно. Круцы ходили по залѣ въ ожиданіи пріѣзда именитаго гостя. Музыканты изрѣдка высовывали головы на крыльцо, высматривая, не ѣдетъ-ли давно ожидаемый экипажъ.

Такъ прошло съ часъ. Отъ скуки и ожиданія, купцы частенько заглядывали въ угловую комнату, гдѣ на особомъ столѣ въ соблазнительномъ разнообразіи были поставлены всевозможныя вина, водки, ликеры и закуски.

— Да что это, ребята, и таможенныхъ долго нѣтъ, а время кажись и къ четыремъ поворотило? спрашивали купцы, утирая рты послѣ выпивки.

— Пожалуй, какъ бы тутъ въ ожиданіи-то не натрескаться...

— А ты поддержись...

Пріѣхали таможенные. Выпили и они въ ожиданіи именитаго гостя.

— Что-то долго. Не выпить ли еще господа?

— А пожалй, пока до пріѣзда-то пропустить по маленькой.

Пропустили по маленькой и закусили. Гостя все нѣтъ. Еще выпили и опять закусили.

Наконецъ по улицѣ прогремѣлъ экипажъ. Именитый гость пріѣхалъ. Музыканты заиграли маршъ, купеческіе старшины вышли въ прихожую и низко кланялись входящему гостю; общество тѣснилось у дверей и тоже кланялось. Гость ласково улыбался и извинялся, что опоздалъ.

— Нужды нѣтъ, это ничего. Еще даже лучше, такъ къ слову сказать, случай былъ, лишній разъ выпить

въ ожиданіи, ха, ха, ха! объяснялъ гостю толстый старшина.

Гость опять улыбнулся ласково и милостиво.

Чинно и по порядку всѣ усѣлись за столъ. Начался обѣдъ; первое блюдо прошло въ общемъ молчаніи, музыканты играли какую-то слезливую мелодію, офиціанты сновали съ тарелками.

— Принеси-ка маленькую... таинственно шепнулъ кто-то офиціанту.

Догадливый слуга кивнулъ головой и принесъ цѣлый графинъ водки.

— Экъ тебя угораздило! Ну, да впрочемъ... шепотомъ заключилъ просившій и поставилъ графинъ передъ собой.

Со второго блюда начали разливать шампанское.

— За здоровье высокаго гостя! провозгласилъ толстой старшина.

— Ур-ра! дружно загудѣло въ залѣ.

Музыканты оборвали мелодію на половинѣ и заиграли тушъ; только что окончили послѣднія взвизгивающія нотки, какъ снова грянуло ура, снова тушъ—и пошелъ тостъ за тостомъ.

Чрезъ полчаса за столомъ шелъ оживленный говоръ.

— Наша надежда теперь на то, чтобъ—не велѣно было чрезъ Питеръ чай пускать — тогда лафа, а если прикажутъ,—тогда надо плакать да Господу молиться...

— Это что!.. А вотъ выпьемъ.

— Налѣй-ко, все равно ужь...

Официанты носились изъ буфета съ бутылками и снова наливали бокалы.

— За здоровье всѣхъ! слышался голосъ старшины.

— Ур-ра!

Противъ именитаго гостя сидѣлъ купецъ съ большимъ длиннымъ носомъ и маленькой бородкой. Онъ горячо говорилъ о чемъ-то, прикладывая руку къ сердцу; именитый гость внимательно слушалъ и ничего не могъ понять.

— Вотъ теперь, ваша милость, къ примѣру такъ: ты купецъ и я купецъ.

— Извольте продолжать, что же изъ этого слѣдуетъ? съ удивленіемъ спрашивалъ гость.

— А то и слѣдуетъ, что торговое дѣло мудреное...

На дальнихъ стульяхъ громко говорили и хохотали. Кто-то затянулъ: "Калина съ малинушкой„, но толстый старшина заглушилъ все своимъ громкимъ крикомъ.

— Фиціанты! наливай!

— Тише, вы, черти, чево орете? сердито шепталъ онъ въ дальнихъ рядахъ.

Общество поутихло. Гость тревожно посматривалъ по сторонамъ, ожидая окончанія обѣда. Съ дальнихъ стульевъ послышался храпъ: купецъ Игуминъ сложилъ голову на столъ съ руками и спалъ.

— Саша! Александръ Петровичъ! Вставай! шептали сидящіе рядомъ.

— Н-ну васъ! Къ чорту! бормоталъ Игуминъ.

— Вставай милый, не хорошо!

— Пш-ш-шолъ!..

— Ур-ра! вдругъ отчаянно раздалось откуда-то и оборвалось въ общей тишинѣ.

— Экъ его разобрало! сказалъ кто-то.

— Шампанскаго! раздался снова голосъ старшины.

Обѣдъ кончился. Зашумѣли стулья, кто-то грохнулся всѣмъ тѣломъ на полъ... Гость ушолъ въ гостиную. Подали чай. Толстый старшина торопливо вышелъ въ буфетъ и требовалъ разсыльнаго.

— Гдѣ разсыльной? давай его сюда!

Явился красный, вѣчно мигающій и вѣчно пьяный разсильный.

— Дмитрій Осиповъ! Въ садъ! Вали живо — фейерокъ! Что-бы въ минуту! распоряжался старшина.

— Кондратъ Кондратычъ! это никакъ невозможно — фейерверка нѣту...

— Сдѣлай — озолочу!.. Понялъ?

— Невозможно... А вотъ развѣ пушку, — у меня есть...

— Валяй пушку! Бацай, что есть силы!.. Музыкантовъ отправь туда. Буфетъ, трогайся! Ну, отчаливай!

Старшина вошелъ въ гостиную. Именитый гость собрался выѣзжать.

— Нѣтъ-съ, позвольте... Осчастливьте, такъ сказать, — къ намъ въ садъ, на вольный воздухъ...

— Извольте, господа; но что же тамъ такое?

— Садъ то-есть... Воздухъ, значитъ, чистый... По нашему ключикъ прозывается...

Именитый гость поѣхалъ съ старшиной впереди, публика слѣдовала за ними. Дмитрій Осиповъ сидѣлъ въ засадѣ съ пушкой и только что показался экипажъ, сдѣлалъ первый выстрѣлъ.

— Это что такое? съ удивленіемъ спрашивалъ гость.

— Пушка. Парень тамъ сидитъ, стрѣляетъ, улыбаясь отвѣчалъ старшина.

Пріѣхали. Выстрѣлы повторялись.

— Не будетъ-ли? попросилъ гость.

— Ничего, нужды нѣтъ... Пороху хватитъ... А впрочемъ для васъ можно и тово, оставить... безсвязно говорили купцы, окружавшіе почетнаго гостя.

— Вѣдь ужъ очень мы васъ полюбили, такъ полюбили, что и не выговорить...

— Что вы. господа! я въ первый разъ въ жизни васъ вижу, только что изъ Россіи пріѣхалъ въ Забайкалье... За что же такая любовь?

— Полюбили, ну вотъ все равно—отецъ!..

— Шампанскаго!

Пріѣхали музыканты и заиграли маршъ.

— Русскую! крикнулъ кто-то.

Гость шелъ по саду съ толпой купцовъ. Дмитрій Осиповъ, вылѣзая изъ своей засады, наткнулся на гуляющихъ.

— Что ты не палишь? безсвязно спрашивалъ старшина.

— С-сею ме-ну-утою, бормоталъ пошатывавшійся разсыльный и полезъ снова въ свою засаду.

— Нѣтъ ужь, господа, пожалуйста, довольно... упрашивалъ гость.

— Ну и ладно. Шабашъ, Дмитрій Осиповъ!

— А винца бы еще! вкрадчиво, съ пьяной улыбкой спрашивали нѣкоторые у гостя.

— Нѣтъ, господа, ради Бога...

— По стаканчику-бы, не важность вѣдь? Этого добра у насъ сколько угодно—достатки есть...

— Эй, шампанскаго!

Вино пилось и лилось. Гость думалъ, какъ бы скорѣе уѣхать и отдохнуть. Наступали сумерки; на небѣ появились облака, въ воздухѣ повѣяло холодомъ.

— Пора господа, началъ гость,—позвольте васъ благодарить за радушіе...

— Не на чѣмъ.

— Вы наши отцы, а мы—ваши дѣти...

Гость уѣхалъ. Купцы долго оставались въ саду. Стемнѣло. На небѣ собирались тучи, пахло сыростью, вѣтеръ нагонялъ дождь. Въ саду слышалась комаринская и кто-то отчаянно кричалъ:

— Господи! пью я, пью цѣлый день—и не могу напиться... Охъ грѣхи мои... водки!

Поздно разбрелись гуляющіе. Въ городѣ давно погасли огни, только въ ширельномъ флигерѣ тускло мелькали сальныя свѣчи; сгорбленныя фигуры усталыхъ ширельщиковъ двигались въ полумракѣ; изъ растворенныхъ дверей несся удушающій запахъ кожъ; изрѣдка измученный ширельщикъ показывался въ дверяхъ, вы-

прямляя свою изможженную спину и вдыхая свѣжую струю воздуха.

— Чортъ-бы ихъ побралъ и съ наводкой-то,— вся спина изныла, думалъ онъ грустно всматриваясь въ темную беззвѣздную даль неба.

ВСУЄ ТРУДЯХУСЯ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ АМУРСКОЙ ЖИЗНИ).

I.

По свѣжей, только что проложенной дорогѣ, ведущей къ сѣверу отъ станицы Никольской, тащилась плохенькая казачья телѣжонка, запряжонная парою тощихъ клячъ. Въ ней сидѣлъ молодой человѣкъ Ѳедоръ Павловичъ Бутаковъ и громко разговаривалъ съ своимъ возницей-казакомъ, безпрестанно понукавшимъ тощихъ, исхудалыхъ лошаденокъ. Чѣмъ далѣе телѣжонка удалялась отъ станицы, тѣмъ хуже становилась дорога, тѣмъ чаще колеса подпрыгивали на кочкахъ и вязнули въ рытвинахъ глубокаго чернозема. Бутаковъ едва держался въ телѣгѣ, не смотря на то, что тощія лошаденки едва переступали съ ноги на ногу.

— Отчего же здѣсь такая дорога? спрашивалъ казака Бутаковъ.

— А оттого она и такая, што по ней ѣзды, почитай, вовсе нѣтъ. Этотъ хермеръ, къ коему теперя вы ѣдете, въ нашу станицу развѣ одинова въ мѣсяцъ бываетъ, да и то пѣхтурой шастаетъ.

— Неужели двадцать верстъ пѣшкомъ?

— А то какъ? Пѣшкомъ. Да еще и назадъ двадцать... Такой ужъ онъ, этотъ хермеръ, чудной есть человѣкъ...

Телѣга, какъ корабль на волнахъ, качалась по рытвинамъ и кочкамъ. Погода стояла жаркая, овода и комары осаждали и сѣдоковъ и лошадей. Бутаковъ одной рукой держался за край телѣги, а другой отмахивался платкомъ; ямщикъ-казакъ то-и-дѣло схватывалъ себя за шею рукой и растиралъ оводовъ вмѣстѣ съ комарами.

— Ишь вѣдь проклятые! приговаривалъ онъ, каждый разъ обтирая руку о колѣна своихъ нанковыхъ синихъ штановъ.

Лошади отмахивались хвостами и махали головами, спугивая полчища кровопійцъ. Въ сторонѣ отъ дороги показалась коза; она стояла у окраины орѣховаго кустарника и съ удивленіемъ смотрѣла на приближающуюся телѣгу.

— Эхъ што-бъ тѣ волки съѣли! Винтовки-то я не захватилъ, пожалѣлъ ямщикъ.

Коза прыгнула отъ кустарника и въ минуту была уже далеко далеко въ полѣ, только во время прыжковъ, спинка ее показывалась изъ-за высокой зеленой травы.

— Ишь какъ удираетъ здорово.

— Много видно здѣсь козъ? спросилъ Бутаковъ.

— Есть-таки довольно, всякаго звѣря и большова

и малова, отвѣчалъ ямщикъ, схватываясь опять за шею-

— Эхъ што-бъ васъ! Ишъ дьявола, говорилъ онъ растирая овода.

Долго тащилась телѣга по пустынной, почти бездорожной мѣстности и наконецъ дотащилась до изгороди. Впереди показались постройки: нѣсколько избушекъ торчали на пустырѣ; въ сторонѣ отъ нихъ вытянулся длинный, покрытый соломой сарай, какъ видно, скотный дворъ. Кромѣ этого кругомъ никого и ничего не было замѣтно и только лай собакъ доказывалъ, что за изгородью есть жизнь. Козакъ слѣзъ съ телѣги, отворилъ проскрипѣвшія ворота и телѣга въѣхала во владѣніе Амурскаго фермера Николая Васильевича Нелѣпова, основавшаго ферму на капиталъ Бутакова.

— Вотъ они наши владѣнія! подумалъ грустно улыбаясь Бутаковъ.

Изъ рабочей избы вышла старуха и приложивъ ко лбу руку въ видѣ зонта, съ удивленіемъ смотрѣла на пріѣхавшихъ.

— А гдѣ же, бабушка, Николай Васильевичъ? спрашивалъ Бутаковъ вылѣзая изъ телѣги.

— На работѣ родимый, на работѣ, отвѣчала старуха, не переставая разсматривать Бутакова своими мутными старыми глазами.

— Какъ бы, бабушка, ему дать знать, что я пріѣхалъ?

— Да ты кто родимой, сотенный знать надо быть? съ удивленіемъ спрашивала старуха.

— Скажи, знакомый, товарищъ его. Давно не видѣлъ,—пріѣхалъ повидаться.

— А-а, протяжно отвѣтила старуха и задумчиво оглянувъ изнурившихся отъ жары и усталости лошаденокъ, поплелась въ полѣ, по едва протоптанной тропинкѣ.

Бутаковъ не долго ждалъ прихода Нелѣпова. Его небольшая фигурка скоро показалась въ полѣ.

Онъ быстро шагалъ размахивая руками, полы его свѣтлаго пальто раздувались въ разныя стороны. Чѣмъ ближе онъ подходилъ, тѣмъ торопливѣе дѣлалась его походка, тѣмъ быстрѣе бѣгали въ своихъ маленькихъ впадинахъ его сѣрыя бойкія глаза. На загорѣломъ, съ впалыми щеками, лицѣ какъ будто показалась краска, оттого ли что онъ былъ радъ пріѣзду Бутакова, или напротивъ, былъ недоволенъ его пріѣздомъ.

— Здравствуйте Ѳедоръ Павловичъ! привѣтствовалъ онъ дружелюбно и въ то время, какъ бы стѣсняясь чѣмъ-то.

— Здравствуй Николай Васильевичъ, отвѣчалъ Бутаковъ обнимая и цѣлуя Нелѣпова:—что, не бойсь не ждали? А я вотъ и собрался,—дай, думаю, посмотрю, что тамъ у него...

Нелѣповъ силился улыбнуться.

— Письма-то ваши, продолжалъ Бутаковъ, ужъ очень меня печалили...

— Повѣрите-ли, началъ вдругъ оживляясь Нелѣповъ, такая, повидимому ничтожная тварь, какъ оводъ

и комаръ, могли помѣшать нашему хозяйству. Въ прошедшемъ году у меня по ихъ милости, рабочіе убѣгали нѣсколько разъ, корова подохла, хлѣба не успѣлъ во время посѣять...

— Да проведите меня куда нибудь, вѣдь здѣсь жара, пропечешся на сквозь, сказалъ Бутаковъ.

— Ахъ, да, пойдемте... Но вы не думайте, чтобы наше хозяйство было плохо. Нынѣшній годъ посмотрите какіе богатые, роскошнѣйшіе результаты получатся отъ посѣва, говорилъ Нелѣповъ и началъ размахивать крѣпко сжатымъ кулакомъ, приговаривая за каждымъ взмахомъ: вспахалъ я отлично, посѣялъ превосходно, сѣмяна—первый сортъ нарядчикъ—молодецъ!..

Они подошли къ уродливому плохо сложенному деревянному домишку. Нелѣповъ вдругъ остановился и торопливо спросилъ: вы отдали казаку за проѣздъ?

— Нѣтъ еще, не отдалъ, отвѣтилъ Бутаковъ.

— Ахъ отдайте, отдайте поскорѣе, заботливо заговорилъ Нелѣповъ, — пусть онъ уѣдетъ, а то еще пожалуй на нашей землѣ кормить коней вздумаетъ... Ты любезный, обратился онъ торопливо къ казаку, — получи, да поѣзжай-ка поскорѣе домой.

— Я, ваше благородію, началъ казакъ, снимая шапку,—я было думалъ тутъ мало-дѣло, конишекъ покормить на травахъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, замахалъ руками Нелѣповъ, — я къ вамъ за травой неѣзжу и вы меня тоже не оби-

жайте. Съ Богомъ! вонъ тамъ за лѣскомъ корми сколько хочешъ—тамъ ваша казацкая земля.

Казакъ залѣзъ въ телѣгу и не говоря ни слова, поворотилъ коней назадъ.

Нелѣповъ съ Бутаковымъ вошли внутрь домика. Онъ состоялъ изъ кухни и одной комнатки. Въ комнатахъ на окнахъ и на полу были навалены запыленныя книги, кругомъ было мрачно и грязно, въ углахъ висѣла паутина, полкомнаты занимали стоявшія на полу кринки съ молокомъ. Бутаковъ удивился увидя кринки, Нелѣповъ замѣтилъ это удивленіе.

— Нельзя иначе, нельзя — воруютъ... Я ухожу и запираю кринки здѣсь... Ну, садитесь, садитесь... Я сейчасъ велю чаю, говорилъ онъ, суетливо сгребая со стульевъ и оконъ книги.

— Эй! Старуха! Максимовна! живо самоваръ! кричалъ онъ, бросаясь на крыльце. Самоваръ, живо — самоваръ!.. Вы не повѣрите, говорилъ онъ, снова появляясь въ комнатѣ и швыряя ногой въ одну общую кучу книги, — вы не повѣрите сколько всѣвозможнѣйшихъ неудачъ и несчастій стали на дорогѣ нашему дѣлу.

Онъ схватилъ со стола въ охапку груду книгъ и швырнулъ ихъ въ кучу; хотѣлъ было сѣсть на стулъ, но опять вскочилъ и смахнулъ съ одного угла рукой паутину, не переставая въ тоже время говорить о причинахъ и неудачахъ такъ много помѣшавшихъ его дѣлу.

Бутаковъ сѣлъ къ окну. Сквозь запыленныя грязныя стекла почти ничего не было видно. Онъ растворилъ

окно и безучастно началъ смотрѣть въ пустынную даль, почти не понимая того, что говорилъ Нелѣповъ.

Нелѣповъ немного успокоился отъ уборки комнаты и сѣлъ на стулъ.

— Вы не смотрите, что у меня здѣсь съ виду такъ все плохо и бѣдно: все вниманіе сосредоточено на матушкѣ—землѣ... Вотъ увидите сколько я залогу поднялъ.

— На будущій годъ, продолжалъ Нелѣповъ, у меня будетъ засѣяно 100 десятинъ, я получу по самому крайнему расчету до 12,000 пуд. хлѣба. Если по рублю продамъ, то получится 12,000, такъ что въ одинъ годъ всѣ расходы окупятся.

Въ Бутаковѣ давно уже родилось сомнѣніе въ успѣхъ дѣла. Онъ уже нѣсколько разъ получалъ отъ Нелѣпова въ письмахъ обѣщаніе объ успѣхалъ дѣла *въ будущемъ году*, но въ продолженіи трехъ лѣтъ обѣщанія оставались только обѣщаніями. Онъ отвернулся отъ окна и посмотрѣлъ на Нелѣпова.

— Эхъ, Николай Васильевичъ, все это не утѣшительно, началъ Бутаковъ,—три года я отъ васъ слышу все одно и тоже и три года вы просите денежной поддержки... Вотъ и теперь я слышалъ въ Благовѣщенскѣ, что на васъ накопилось много долговъ...

— Да, сказалъ со вздохомъ Нелѣповъ, почесалъ затылокъ,—я-же вамъ писалъ, началъ онъ вставая:—почему и отчего дѣло такъ трудно подвигается впередъ. Теперь я вамъ объясню еще вотъ что...

— Нѣтъ, позвольте, перебилъ Бутаковъ,—вы мнѣ скажите сначала сколько на васъ долгу?

— Да долгу-то что!—немного... какихъ нибудь 700 руб. всего. Все это оправдается—будущіе доходы все окупятъ... А вотъ въ чемъ дѣло, началъ онъ запинаясь на каждомъ словѣ, — теперь нужно... то-есть такъ, не надолго... Жатву надо окончить... рублей 500-бы...

— Вотъ видите, какъ вы не говорите, а разговоръ все приходитъ къ деньгамъ и деньгамъ, сказалъ вздыхая Бутаковъ,—сколько ужъ я вамъ ихъ передавалъ...

— Да что-же дѣлать, что же дѣлать!.. Вѣдь ферма такая вещь, что въ одинъ годъ все окупитъ съ лихвою.

Максимовна принесла грязный, позеленѣвшій никогда вѣроятно нечищенный самоваръ. Нелѣповъ приподнялъ крышку, стоявшаго между кринокъ, деревяннаго ящика и вытащилъ изъ него два грязныхъ свертка, въ одномъ изъ нихъ оказалось нѣсколько золотниковъ чаю, а въ другомъ съ полфунта сахару.

— Что это такъ бѣдно у васъ Николай Васильевичъ? спросилъ Бутаковъ.

— Небогато, небогато... Поймите, что все сосредоточено по матушкѣ землѣ, а чай-то чортъ съ нимъ Бывало такъ, что хлѣба нѣтъ... Все это не бѣда! говорилъ онъ заваривши чай,—наше благоденствіе впереди и мы до него доберемся. На будущій годъ у меня будетъ засѣяно 100 десятинъ и тогда-то, получивъ 12 тысячъ рублей все поправится...

И Нелѣповъ началъ развивать планы о будущемъ благоденствіи фермы.

II.

Николай Васильевичъ Нелѣповъ былъ сынъ бѣднаго дьячка Черниговской губерніи. Дѣтство его прошло среди горькихъ будничьныхъ тревогъ о насущной потребности дня. Отданный отцемъ въ бурсу, онъ вынесъ всю тяжесть *обученія* и какимъ-то чудомъ, послѣ систематическаго забиванія человѣческихъ способностей, уцѣлѣла въ немъ жажда знаній и молодая энергическая натура не довольствовалось той дѣятельностію, которую представляла среда. Отецъ печально посмотрѣлъ на возвратившагося изъ бурсы сына, послушалъ его непонятныхъ рѣчей о желаніи учиться, пошарилъ въ карманѣ своего старенькаго подрясника и ощупавъ въ немъ *нѣчто*, пошелъ къ веселому домику, напѣвая себѣ подъ носъ: гряди-ите-е лю-у-діе...

Мать плакала предчувствуя разрушеніе ея послѣднихъ надеждъ на сына какъ на будущаго священника—кормильца и утѣшителя семьи. Прошло недѣли три. Въ одно утро дьячекъ сидѣлъ по обыкновенію подъ хмѣлькомъ на заваленкѣ избы и покачиваясь изъ стороны въ сторону напѣвалъ „неизрѣченное чудо“; въ избѣ мать облокотясь на печку тихо всхлипывала смотря на сына, укладывавшаго въ котомку двѣ рубахи, старые сапоги

и краюшку хлѣба. Маленькій братъ и сестры прижавшись къ подолу матери, плакали сами не зная о чемъ.

— Ну, матушка, прощай!.. Не плачъ... Не хоронишъ вѣдь меня... Буду живъ и здоровъ—прійду назадъ... Голосъ его оборвался, глаза замигали и торопливо перецѣловавъ мать съ братьями и сестрами, Нелѣповъ вышелъ на крыльцо.

— Прощай, батюшка! сказалъ онъ подходя къ отцу.

— Прощай!.. промямлилъ отецъ, стараясь встать на ноги, но подняться онъ немогъ; — вотъ что я тебѣ скажу, мямлилъ онъ охвативъ сына руками, — слушай: „не нашему, братъ, носу рябину клевать — ягода нѣжная“...

Сынъ едва высвободился изъ его объятій и пошелъ къ калиткѣ разрушающихся старыхъ воротъ. Дьячекъ покачнулся въ бокъ и развалился въ длину заваленки. Сынъ зашагалъ вдоль села. Мать стояла за воротами, смотря вслѣдъ сыну и плакала, ребятишки не опускали ея подола и тоже хныкали.

Долго шагалъ Нелѣповъ до Кіева. Какъ онъ перебивался дорогой, какъ добрался до университета и какъ окончилъ курсъ, знаетъ только Богъ... Получивъ степень кандидата правъ, Нелѣповъ поступилъ на службу въ Восточную Сибирь. Тѣсная рамка, въ которой была замкнута его дѣятельность, мучила его. Онъ рвался, но самъ незналъ куда. Онъ хотѣлъ другого дѣла, но дѣла не находилось и время шло въ жалобахъ на бездѣйствіе окружающихъ и въ не ясномъ стремленіи къ дѣлу...

Скоро пронесся слухъ, что Амуръ взятъ Русскими, графа Муравьева-Амурскаго встрѣчали въ Иркутскѣ со звономъ въ колокола и пушечной пальбой. Все зашевелилось, заговорило объ Амурѣ. Быстро началось переселеніе вольное и невольное, большею частію невольное... Дошли слухи и до Нелѣпова. Задумался Николай Васильевичъ крѣпко, сидя за своимъ секретарскимъ столомъ, еще мельче и мизернѣе представлялось будущее, съ непремѣннымъ гемороемъ, лысиной на затылкѣ и вѣчными казенными бумагами, въ которыхъ кромѣ записи въ гильдіи, да свидѣтельствованія купеческихъ контрактовъ ничего не представлялось. Эхъ, подумалъ Нелѣповъ,—вотъ гдѣ теперь дѣла то бы было!.. Вотъ бы гдѣ поработать!—На новой дѣвственной почвѣ, гдѣ еще никогда плугъ не касался земли... Вотъ надобно куда ѣхать—на Амуръ!.. Но что же дѣлать тамъ безъ денегъ?.. пришло ему на мысль.—Да, началъ онъ опять думать,—да, деньги нужно и нужно ихъ добыть.

Поѣхалъ онъ къ своимъ знакомымъ и вѣрный своей мысли, не отступалъ ни на шагъ отъ своихъ предположеній. Говорилъ онъ знакомымъ купцамъ о пользѣ амурскаго дѣла. Ясно и живо представлялъ всѣ выгоды, могущія получиться отъ дѣла тамъ, но скептитически отнеслись къ новому дѣлу практическіе люди. „Нѣтъ, говорили они,—молоды вы батюшка Николай Васильевичъ, слишкомъ вы много на себя берете; тяжело, батюшка, новое дѣло заводить, да еще въ такомъ краѣ, гдѣ ничего пока нѣтъ.

— Да помилуйте, возражалъ Нелѣповъ и выставлялъ историческіе примѣры терпѣнія въ достиженіе своихъ цѣлей.—Вы припомните, напримѣръ, что дѣлали первые переселенцы въ Америкѣ, что они выносили и чего достигали своимъ терпѣніемъ... Онъ даже привелъ въ примѣръ Сикста V. Но не Сикстъ V, не американцы нисколько не помогли дѣлу и Нелѣповъ съ своими горячими доводами не могъ побѣдить скептицизма практическихъ людей: они смотрѣли на него, какъ на вертопраха, который нахватался всякой книжной чепухи и городитъ совсѣмъ несообразный вздоръ. Встрѣтился онъ съ Бутаковымъ и съ разу заполонилъ его своими горячими рѣчами. Зашевелилось въ головѣ Бутакова и подъ вліяніемъ рѣчей Нелѣпова, воображеніе его унесилось въ будущее благоденствіе на амурской землѣ:—кругомъ постройки, заводы, мельницы; народъ работаетъ крѣпкій, здоровый, румяный, плотно накормленный. Образовывается цѣлая колонія и устраивается особый домъ для училища, дѣти рабочихъ толпами идутъ въ этотъ домъ учиться грамотѣ.—Рѣшено! сказалъ Бутаковъ подъ вліяніемъ созданныхъ воображеніемъ картинъ, рѣшено. Николай Васильевичъ, вотъ вамъ на первый разъ пять тысячъ—поѣзжайте и устраивайте дѣло, а я вслѣдъ за вами туда же тронусь.

Проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Отъ Нелѣпова получались только письма о необходимости денегъ и обѣщанія на успѣхъ въ будущемъ. Прошелъ годъ, результатовъ никакихъ не получалось, прошелъ другой—Не-

лѣповъ писалъ, что еще нельзя такъ скоро добраться до успѣха, что все идетъ своимъ обычнымъ путемъ къ вѣрной цѣли... Но слухи отъ пріѣзжавшихъ съ Амура купцовъ, были не утѣшительны. Всѣ говорили, что Нелѣповъ теоретикъ и дѣло его идетъ скверно. Совѣтовъ онъ ни чьихъ не слушаетъ и что по всему Амуру ходятъ о немъ басни. Говорили, что онъ мясо отправлялъ въ Николаевскъ и сгноилъ его отъ того, что не умѣлъ посолить, что яицъ отправлялъ десятки тысячъ и пожалѣвъ соломы да трухи, перебилъ ихъ всѣ; что мѣсто выбралъ отдаленное отъ города и тѣмъ стѣснилъ себя еще болѣе въ покупкѣ необходимыхъ для хозяйства вещей, что поторопился покупать въ Забайкальѣ скотъ по дорогой цѣнѣ и отправлять на Амуръ, когда тамъ ожидали уже дозволенія торговли скотомъ съ манчжурами и ожиданіе это исполнилось ранѣе чѣмъ приплылъ его сплавъ со скотомъ вполовину разбѣжавшимся и передохшимъ. Всѣ эти тяжелыя вѣсти доходили до Бутакова и тяжело ложились на сердце. Думалъ онъ, думалъ и не смотря на то, что жизнь въ Забайкальской области представляла нѣкоторыя выгоды, рѣшился наконецъ самъ поѣхать на Амуръ. Но что такое за личность самъ Бутаковъ? спроситъ читатель.—На этотъ вопросъ я ничего не могу болѣе сказать, кромѣ того, что Бутаковъ купецъ, собственникъ означенной фермы, другъ и пріятель г. Нелѣпова.

III.

Утромъ слѣдующаго дня Нелѣповъ рано вскочилъ съ постели и по обыкновенію бросился сломя голову въ конурку нарядчика.

— Абросимъ! Вставай, пора на работы! крикнулъ Нелѣповъ, отворяя дверь конурки.

Высокая лысая фигура Абросима, вытянулась во весь ростъ. Неторопясь, почесывая спину, Абросимъ протянулъ: „темно“ и началъ натягивать сапоги. Нелѣповъ уже горячился и топалъ отъ нетерпѣнія ногами. Пока не торопливый, спокойный Абросимъ умывался и одѣвался, Нелѣповъ былъ уже въ рабочей избѣ и кричалъ въ дверяхъ, поднимая отъ сна рабочихъ. Рабочіе вставали съ своихъ грязныхъ, истасканныхъ войлоковъ и ворчали себѣ подъ носъ: экъ тебя лѣшій-то воротитъ, чуть не съ полночи.

На востокѣ только едва начинала пробиваться бѣлая полоса свѣта. Высокія горы Хинганскаго хребта еще сливались съ темнотой ночи, природа еще спала и лишь легкій вѣтерокъ изрѣдка шевелилъ листьями дуба или ясени, да поднявшіяся коровы лѣниво выходили изъ скотнаго двора, пощипывая влажную отъ утренней росы траву.

Чрезъ часъ Нелѣповъ въ своемъ разорванномъ пальто, стоялъ около собравшихся у кухни рабочихъ и размахивая руками, говорилъ:

— Ты, Абросимъ, веди осьмерыхъ на островъ, до завтрака вспахайте хоть четвертушку десятины, быковъ возьми три пары... Ну, съ Богомъ!.. А вы ребята, говорилъ Нелѣповъ, обращаясь къ остальнымъ рабочимъ,— за мной, къ озеру.—Ну, валитесь!

— Николай Васильевичъ, кабы намъ у озера-то послѣ того... мѣсто низкое, пожалуй-бы не затопило! вставилъ свое слово Абросимъ, угрюмо взглядывая изъ подлобья на Нелѣпова.

— Ты себѣ знай свое дѣло, иди туда—куда велятъ! прикрикнулъ Нелѣповъ.

Абросимъ махнулъ рукой и пошелъ за быками.

— Дуракъ! ворчалъ Нелѣповъ,—незнаютъ, что около озера самая сочная трава, самая питательная... Кабы не затопило!.. передразнивалъ онъ своего нарядчика,— эхъ, ослы! Не дремай—такъ не затопитъ.—Ну ребята, дремать нечего—идите!

Абросимъ шелъ вслѣдъ за быками въ лѣвую сторону отъ фермы.

— Гей цобъ! крутороги! слышался голосъ Абросима, погонявшаго быковъ. Быки мотали головами и выгибали шеи, стараясь высвободиться изъ подъ ярма.

— Гей, цобъ! Неясно слышалось чрезъ нѣсколько времени издали.

Другая партія забросивъ косы на плечи, тихо уходила по едва протоптанной дорогѣ. Нелѣповъ шагалъ крупными шагами около нихъ. Солнце начинало показываться изъ-за лѣса и разбрасывало на всѣ стороны

свои яркіе радужные лучи. Высокая влажная трава казалось поднималась выше, подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта. Въ воздухѣ защебетали птички и суетливые воробьи, быстро перелетали съ одного мѣста на другое, припрыгивая по травѣ.

Партія Нелѣпова отошла уже съ полверсты, какъ вдругъ онъ остановился, быстро почесалъ затылокъ, быстро махнулъ рабочимъ рукой впередъ и зашагалъ назадъ скорымъ шагомъ.

— Максимовна! крикнулъ онъ подходя къ кухнѣ,— ты, смотри, незабудь самоваръ барину-то... слышишъ?

— Надо што-ли ему? Въ недоумѣніи спрашивала старуха моловшая хлѣбъ на ручной мельницѣ.

— Надо, надо! крикнулъ опять Нелѣповъ и зашагалъ снова впередъ, догоняя едва переступавшихъ съ ноги на ногу рабочихъ.

Бутаковъ проснулся и отворилъ окно. День начинался жаркій, солнце ярко свѣтило. Быки тоскливо ходили по изгороди и отмахивались отъ комаровъ. Пустынно было кругомъ. Двѣ избушки косо и криво поставленныя еще болѣе увеличивали непріятное впечатлѣніе. На лѣво подъ небольшимъ склономъ зеленѣющихся холмовъ, пробиваясь между деревьями и камнями шумѣла горная рѣчка, запруженная смытыми корнями дубовъ и зарываясь въ крутые берега совершенно изчезала въ чащѣ лѣса. На право открывалась совершенно гладкая степь съ зеленѣющейся травой. Грустно смотрѣлъ Бутаковъ на все окружающее. Вспомнилось ему начало основанія этой

пустынной фермы, вспомнились всѣ прежнія мечты о заводахъ, мельницахъ, о школѣ; вспомнилъ онъ потомъ какъ отдавалъ и посылалъ Нелѣпову свои послѣдніе гроши и теперь при видѣ пустынной мѣстности и печальныхъ избушекъ, болѣзненно сжалось его сердце.

— Чортъ его знаетъ, думалъ онъ, отчего это въ три года ничего онъ не могъ здѣсь сдѣлать — точно только вчера поселился?..

Грязная старушонка Максимовна, едва перебирая ногами, внесла грязный самоваръ.

— Здравствуй, бабушка! привѣтствовалъ Бутаковъ.

— Здравствуй, родимый! Отвѣчала старуха, поставивъ самоваръ на столъ и остановившись посреди комнаты.

— Каково вы здѣсь живете?

— Да плохо, родимый, все какъ-то плохо... медленно и какъ-то особенно грустно отвѣчала старуха,— чего-то все распорухолось у нашего-то Миколая Васильича... За что ужъ его Богъ наказываетъ, я и сама-то незнаю... А чай поди за то, что не молится онъ никогда, въ раздумьи говорила старуха, приложивъ руку къ щекѣ.—Лба-то, батюшко мой, онъ ни когда не перекреститъ, добавила она выразительнымъ шепотомъ. Да опять и то, родимый, надо сказать никого-то онъ не послушаетъ; все это по книгамъ, а книжка-то, Господь ее знаетъ, какая это такая книжка... Охо-хо! вонъ ихъ сколько, прости Господи, наворочено!

Старуха постояла, по охала, посмотрѣла прищуря

глаза на Бутакова и поплелась назадъ. Вышла былъ уже на крыльцо, но снова воротилась въ комнату.

— Вотъ теперь я наручной мельницѣ мучусь съ хлѣбомъ... Каково это старой-то старухѣ?—А все нужда моя. Говорила я Миколаю-то Васильичу вотъ молъ, тяжело мнѣ. Ничего, говоритъ бабушка, скоро машину изъ-за моря получу... Охо-хо опять чай грѣхъ одинъ съ ней будетъ, съ машиной-то...

— Какой же, бабушка, съ машиной грѣхъ? улыбаясь спросилъ Бутаковъ.

— Да что, батюшко, правду я тебѣ старая старуха скажу, завелъ онъ здѣсь было какой-то новый плугъ. Ребята-то рабочіе правду говорили, что добра не будетъ... Завелъ это его и на работу было пустилъ— красивый такой, легкой быдто, а онъ на другой же день и распорухался, изломался, а ковальня-то у насъ плохая, въ станицѣ-то тоже; такъ теперь и валяется подъ навѣсомъ, а тоже, чай, изъ-за моря досталъ... Охо-хо!..

Ушла старуха къ своей ручной мельницѣ. Бутаковъ снялъ съ окна не мытый стаканъ и принялся его вытирать полотенцемъ взглядывая по временамъ въ окно, то на пустынную бездорожную равнину, то на мрачный дубовый и ясеневый лѣсъ, густой стѣной тѣснившейся у подножія не менѣе мрачнаго Хинганскаго хребта. — Старуха отчасти права, думалъ онъ, Нелѣповъ не работать сюда пріѣхалъ, а учиться... Научился ли только.— въ три-то года? спросилъ онъ самъ себя.—Дорого мнѣ

стоитъ его наука, да назадъ не воротиться, теперь ужъ вѣрно по пословицѣ: ревешъ да идешъ, сказалъ онъ въ слухъ.

Кой какъ проглотивъ стаканъ чаю, Бутаковъ всталъ изъ-за стола и вышелъ изъ домишка.

— Бабушка, а бабушка! спрашивалъ онъ подходя къ кухнѣ,—скоро Николай Васильевичъ пріѣдетъ.

— Да надо бы ужъ скоро—чай пить захочетъ, да и ребятамъ время завтракать.

— Развѣ онъ еще не пилъ чаю?

— Нѣ-ѣтъ, какой чай! Онъ вмѣстѣ съ рабочими утромъ ранешинько уходитъ—еще солнышко спитъ, а онъ ужъ здѣсь покрикиваетъ, будитъ на работу... Да все чего-то, родимый, не ладится у него... Охо-хо! Деньжонокъ-то что-ли мало, или ужъ такъ чего... Кто его знаетъ! печально говорила старуха, оставивъ свою ручную мельницу.

Бутаковъ не сталъ слушать и пошелъ дальше. Долго онъ шелъ по узкой тропинкѣ не видя ничего впереди. Комары осаждали его совсѣхъ сторонъ. Бутаковъ завѣсилъ затылокъ носовымъ платкомъ, отмахивался руками, пускалъ дымъ отъ своей сигары и тѣмъ только спасался отъ нападающихъ полчищъ кровопійцъ. Скоро начали долетать до его слуха звуки человѣческихъ рѣчей. Ближе и ближе слышались онѣ. Чрезъ нѣсколько времени сквозь высокую траву онъ увидѣлъ косцовъ мѣрно размахивающихъ косами, и самаго Нелѣпова, разстянувшагося на травѣ съ книгой въ рукахъ.

— Ну, ребята, не зѣвайте, не зѣвайте! Поощрялъ Нелѣповъ поднимая голову отъ книги.

Бутаковъ подошелъ.

— А!.. Здравствуйте! вскрикнулъ Нелѣповъ,— вы ужи встали... Вотъ, батюшко, засуетился онъ вскакивая,—вотъ наше дѣло. Видите здѣсь около этаго озера, я его назвалъ Любашинымъ, „озеро Любашино“ такъ и на планѣ значится. Вотъ около него самая сочная, питательная трава... Оно нѣсколько низенько, да мы не допустимъ до грѣха: дня черезъ три составимъ въ копны и перевеземъ сѣно по выше.—А вонъ тамъ по выше на островѣ Деспота, „Островъ Деспота“ я его назвалъ, такъ и на планѣ значится, объяснялъ Нелѣповъ видимо довольный названіями,—на томъ островѣ теперь Абросимъ землю пашетъ къ будущему году... А вонъ тамъ, видите, желтѣетъ трава—это хлѣбушко растетъ, растетъ да зрѣетъ, зерно наливаетъ... Экая благодать-то Божія! говорилъ онъ воодушевляясь и разводя руками.

Бутаковъ оглядывался во всѣ стороны, сообразно указаніямъ Нелѣпова. Не вдалекѣ отъ нихъ шумѣла извиваясь въ крутыхъ берегахъ горная рѣчка.

— Этой рѣчки что-ли вы боитесь? спросилъ Бутаковъ.

— Да, она поднимается иногда высоко. Въ прошедшемъ году она дѣйствительно унесла у немя стоговъ 50 сѣна, ну да нынче не обманетъ,—во время уберемся... Трава здѣсь роскошная, пояснилъ Нелѣповъ, въ видѣ

оправданія... Ну, ребята, обратился онъ къ косцамъ,— вотъ оканчивайте эту лужайку, да и завтракать пойдемъ...

Косцы живѣе принялись шевелить косами; равномѣрно раздавался шипящій звукъ отъ срѣзываемой и падающей на землю травы.

— Чудная трава! похваливалъ Нелѣповъ.

Рабочіе кончили лужайку и пошли завтракать. Нелѣповъ и Бутаковъ слѣдовали за ними и далеко отстали въ полѣ.

— Ужели, Николай Васильевичъ, здѣсь нѣтъ другого мѣста гдѣ-бы косить траву, избѣгая перевозки съ низкаго мѣста на высокое? спросилъ Бутаковъ

— Какъ нѣтъ?—есть, травы, видите сами, кругомъ много... но дѣло въ томъ, что трава растущая около озеръ самая питательная... Знаете, я дѣйствую во всемъ съ самымъ аккуратнѣйшимъ расчетомъ: извѣстно изъ вычисленій ученыхъ агрономовъ, что трава вблизи озеръ болѣе питательна чѣмъ другая — ну вотъ я и слѣдую этому выводу.

— Все это хорошо, перебилъ Бутаковъ, но дѣло наше, какъ вы не говорите, идетъ плохо...

Опять замахалъ руками Нелѣповъ и началъ доказывать невозможность скораго успѣха и снова напиралъ на то, что въ будущемъ году у него будетъ до 12,000 пуд. хлѣба.

Бутаковъ вздохнулъ. Разговоръ перешелъ на ссоры съ мѣстнымъ начальствомъ. Бутаковъ упрекнулъ Нелѣ-

пова за то, что онъ не могъ ужиться съ сотеннымъ кокандиромъ.

— Да развѣ можно съ такимъ человѣкомъ ладить? вспыхнувъ и горячась началъ Нелѣповъ, — помилуйте! Да развѣ достанетъ человѣческаго терпѣнія?.. Я все-таки ученую степень имѣю, я окончилъ курсъ наукъ кандидатомъ законовѣденія, а онъ что такое!.. И что со мной выдѣлывалъ—это вѣдь ужасъ! Въ прошедшемъ годѣ, продолжалъ онъ, едва переводя духъ, — въ самую рабочую пору, скачетъ ко мнѣ изъ станицы казакъ съ бумагой. Что такое? Читаю, сотенный моихъ рабочихъ требуетъ въ станицу для ревизіи. Говорю казаку этого нельзя: они обязаны контрактами, да у меня теперь самое рабочее время; отвези, говорю, отъ меня пакетъ... Нѣтъ, онъ уже давно махнулъ въ рабочую избу и конечно по инструкціи сотеннаго, напугалъ рабочихъ. Я— уговаривать, просить,—нѣтъ, всѣ взбѣленились... Ка-акъ можно! Начальникъ требуетъ—и ушли. Три дня сотенный продержалъ, а что значатъ для моего хозяйства три дня въ горячее время!.. А почему продержалъ?— Потому что на меня злится!.. Да злись сколько угодно, но хозяйство чѣмъ виновато?

— Зачѣмъ же вы съ нимъ поссорились?

— Помилуйте! Да это подло! продолжалъ горячиться Нелѣповъ,—ко мнѣ привезли семяна для посѣва—гречу отъ манчжуръ. Привезъ дворянинъ. Сотенный что сдѣлалъ? Только что лодка причалила къ берегу станицы,

онъ арестовалъ и гречу и дворянина!.. Дѣло теперь производится... Да вѣдь мнѣ не до тяжбы!..

— На какомъ же основаніи сдѣланъ арестъ?

— Да вотъ пойдите!.. Продержалъ двѣ недѣли гречу и—судись съ нимъ. У него свои оправданія есть. Манчжурскую водку, говорятъ, привезли съ гречей, она, говоритъ, не дозволена для продажи—контрабанда!.. На Амурѣ, гдѣ свободная торговля, онъ контрабанду нашелъ... Слѣдствіе было, тяжба... Да мнѣ то не легче, что его перевели въ другую станицу.

Нелѣповъ размахивалъ руками, глаза его налились кровью, видно было, по выраженію его лица, что не было бы добра еслибъ ему случилось гдѣ-нибудь встрѣтиться съ своимъ врагомъ. Злоба бушевала въ этомъ маленькомъ человѣкѣ.

Нѣсколько времени они шли молча! Нелѣповъ тяжело и часто вздыхалъ подъ впечатлѣніемъ своихъ воспоминаній. Бутаковъ смотрѣлъ вдаль на синеватыя вершины хинганскаго хребта. Покосившіяся избушки уже были видны. Абросимъ тоже возвращался къ завтраку.

— Гей, цобъ, крутороги! слышался въ сторонѣ его голосъ.

— Ей, Абросимъ! Абросимъ! Торопливо закричалъ Нелѣповъ,—иди поскорѣе.

— Чего? лѣниво спрашивалъ Абросимъ подходя.

— Сколько вы вспахали?

— Четвертушку десятины, сквозь зубы процѣдилъ Абросимъ и началъ снимать съ быковъ ярма.

— Ну, довольно! Послѣ завтрака перемѣни быковъ да къ обѣду еще столько-же... Ужъ какъ вы не толкуйте, а я свое дѣло сдѣлаю: у меня будетъ на будущій годъ двѣнадцать тысячъ пудовъ хлѣба, говорилъ онъ, обращаясь къ Бутакову.

Они вошли въ домикъ.

— *Будетъ въ будущемъ*, грустно улыбаясь повторилъ Бутаковъ.

— Что вы такъ улыбаетесь?

— Да все тоже и тоже... Подумайте, вѣдь три года, вѣдь 10,000 руб. уколотили вы въ это дѣло и гдѣ же плоды? Эхъ, Николай Васильевичъ, грустно батюшка!..

— Я вамъ говорю и говорю, что въ этомъ дѣлѣ съ виду ничего не можетъ быть видно,—все сосредоточено на матушкѣ землѣ и вотъ посмотрите, что я сдѣлаю въ будущемъ году.

— Но смотрите! строго началъ Бутаковъ,—важно то, что вы всѣ средства убили на это дѣло и теперь храни Богъ если у васъ случится неурожай или засуха,— что тогда?

— Ничего этого не будетъ, увѣрено перебилъ Нелѣповъ,—здѣсь мѣстность не такая: засуха быть не можетъ...

— Ну, а дожди?

— И дожди не могутъ много вреда сдѣлать, говорю вамъ что здѣсь мѣстность не такая. Что трусить-то! Вы поучитесь-ка у американцевъ какъ они дѣ-

ла ведутъ... Я, батюшка, знаю это дѣло... Что-же?— треску бояться—въ лѣсъ не ходить... Успокойтесь, все идетъ своимъ должнымъ путемъ къ вѣрной цѣли и наше благоденствіе наступитъ.

— Повторяю вамъ, перебилъ Бутаковъ, стараго конечно не поправить, но такъ вести дѣло—это все равно, что въ банкъ играть: упало на право—проигралъ, на лѣво—выигралъ! Такъ и у васъ: все уколотили на распашку земли, случись несчастіе и нечѣмъ будетъ засѣять эту распаханную землю.

— Ничего этого быть не можетъ, защищался Нелѣповъ.

— Какъ вы знаете, что можетъ быть впереди?

— Я знаю, уже слабѣе защищался Нелѣповъ.

Бутаковъ вздохнулъ, сказалъ что Нелѣповъ во всякомъ случаѣ остается безъоружнымъ противъ случайностей. Нелѣповъ промолчалъ, Бутаковъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ окно.

IV.

Не смотря на дурное впечатлѣніе отъ дѣлъ фермы, Бутаковъ все-таки выдалъ Нелѣпову 700 руб. говоря, что это уже въ послѣдній разъ и чрезъ нѣсколько дней выѣхалъ въ станицу, опасаясь долѣе оставаться на фермѣ. Опасеніе это имѣло основаніе, потому что пароходы не имѣя правильныхъ рейсовъ ходили по Амуру, какъ приведется.

Во время длинной тряской дороги по кочкамъ и рыт-

винамъ, рабочій изъ хохловъ разсказывалъ Бутакову, что Нелѣповъ баринъ хорошій, да только нравъ у него особенный, не ладитъ ни съ кѣмъ и совѣтовъ слушать не хочетъ;—таковъ ужъ значитъ уродился, заключилъ хохолъ. Бутаковъ молчалъ.

— Дивитъ онъ насъ здѣсь всѣхъ, продолжалъ хохолъ, пойдетъ вечеромъ съ фермы въ станицу—шутка-ли, 20 верстъ. Идетъ, и Богъ его знаетъ вѣдь и не боится никого, а тутъ звѣря всякаго видимо не видимо... Не беретъ его звѣрь, надо полагать онъ слово такое знаетъ... Разъ онъ на мядвѣдя нашелъ ночью-то,—ничего, медвѣдь не тронулъ... Слово знаетъ! утвердительно зяключилъ хохолъ.

Бутаковъ почти не слыхалъ разсказовъ рабочаго и молчалъ всю дорогу. Мысли его снова возвращались къ далекому прошлому, къ его идеальной фермѣ—заводамъ, мельницамъ и школѣ... Дорожныя рытвины и кочки наводили его на дѣйствительность и грустная улыбка пробѣгала по лицу.

Пріѣхала въ станицу.

Въ станицѣ Нелѣповъ имѣлъ домишко.

— Не могу я понять, думалъ Бутаковъ подъѣзжая къ дому, — для чего это онъ купилъ этотъ домъ и какое его назначеніе.

— Хохолъ! злобно крикнулъ Бутаковъ, останавливаясь на крыльцѣ,—зачѣмъ Нелѣповъ этотъ домъ купилъ?

Хохолъ съ удивленіемъ поднялъ на Бутакова глаза,

думая, дескать и ты видно дивить хочешь, — чортъ знаетъ о чемъ спрашиваешь.

— А кто-жъ его знаетъ! сказалъ подумавъ хохолъ, ребята сказывали, — хотѣлъ къ себѣ на ферму перевести...

Прожилъ Бутаковъ въ станицѣ болѣе недѣли и кой-какъ дождался парахода.

V.

По глубокому Амуру, широко раздвинувшему свои пустынные, мало заселенные берега, поднимался вверхъ по теченію пароходъ „Генералъ Корсаковъ“, принадлежащій Амурской К°. Палуба парохода была вся завалена грузомъ товаровъ: вина, портеру и сахару, не смотря на то, что на буксирѣ пароходъ велъ баржу, нагруженную тоже товарами. Около товарныхъ ящиковъ тѣснились и жались пассажиры 3-го класса; 1-й классъ былъ занятъ губернаторомъ, возвращавшимся изъ путешествія по ввѣренной его управленію области; во второмъ классѣ помѣщались, большею частію, купцы.

Тѣсно было на пароходѣ; но эта тѣснота, ни въ какомъ случаѣ, не могла доказывать, что по Амуру существуетъ постоянно большой проѣздъ; она объяснялась исключительно тѣмъ только, что пароходы, какъ частные, такъ и казенные, никогда не имѣли правильныхъ рейсовъ и ходили по Амуру, когда вздумается,

смотря по обстоятельствамъ. Иногда пароходъ шелъ почти пустой, а иногда загружали его, до послѣдней крайности, товарами, пассажирами, арестантами, солдатами и всякимъ прочимъ людомъ, нерѣдко передвигаемымъ съ одного мѣста на другое по распоряженію начальства. Неправильность рейсовъ увеличивалась еще болѣе тѣмъ, что, изъ пяти казенныхъ пароходовъ, четыре постоянно были съ испорченными машинами и каждый рейсъ чинились гдѣ нибудь въ станицѣ; починившись на скорую руку, снова пускались въ путь, снова портились и снова останавливались за починкой. Иногда пароходъ, отправившись вверхъ по рѣкѣ, долженъ былъ заворачивать внизъ и, починиваясь „домашними средствами“, спускался до Николаевскаго порта, къ мѣсту радикальнаго излеченія своихъ немощей, въ механическомъ заведеніи. Такія пароходныя немощи имѣли эпидемическій характеръ въ 1863 году.

Пароходъ идетъ полнымъ ходомъ. Пассажиры во 2-мъ классѣ давно проснулись и усаживаются за утренній чай; спитъ только одинъ, молодой человѣкъ, спитъ онъ крѣпкимъ сномъ и снится ему казачья станица, въ которой онъ прожилъ, въ ожиданіи парохода, болѣе двухъ недѣль: стоитъ онъ на высокомъ и крутомъ берегу Амура и видитъ приближающійся пароходъ но, къ ужасу его, пароходъ проходитъ мимо; онъ отчаянно кричитъ, машетъ руками, фуражкой, платкомъ, бросается подъ гору къ рѣкѣ, опять кричитъ, опять ма-

шетъ и вдругъ, свалившись съ дивана на полъ, просыпается при общемъ смѣхѣ всѣхъ пассажировъ.

— Ха, ха, ха, батюшка! потеряли равновѣсіе! добродушно смѣясь говорилъ толстый румяный купецъ.

— Да, потерялъ... Чортъ знаетъ, мнѣ и во снѣ-то снится все станица; такъ-то измучила; ждалъ, ждалъ я парохода, едва дождался, — сказалъ молодой человѣкъ, поднимаясь съ полу.

— Г. Бутаковъ,—говорилъ другой купецъ, наружностію и манерами несомнѣнно доказывавшій свое вязниковское происхожденіе, — г. Бутаковъ, вы, надо полагать, сонъ какой ни на есть увидѣли, такъ надо быть.

— Видѣлъ, сказалъ Бутаковъ.

— А нельзя ли тово... разсказать? Интересно! попросилъ вязниковецъ.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, я чаю хочу...

— Это тоже основательно, — продолжалъ вязниковецъ,—потому что деньги дадены, все равно хоша пей, хоша нѣтъ. Кампанія свое дѣло тоже оченно хорошо поняла: дескать спокойнѣе — взялъ впередъ за все, и за обѣдъ и за чай, а тамъ какъ угодно, хоть всю путину куска въ ротъ не бери...

На другомъ концѣ стола, кто-то заливался хохотомъ надъ товарищемъ, принявшемся за девятый стаканъ чаю.

— Да, вотъ теперь ты смѣешься,—возразилъ другой,—ладно теперь смѣяться-то, а помнишь, какъ, въ

прошломъ году, по осени, насъ въ Благовѣщенскѣ приспичило, такъ не до смѣху было, помнишь, чай?

— Какъ не помнить, очень хорошо это помнится. Потому-то, другъ любезный, нынче пораньше и пробираюсь ко дворамъ, чтобы опять по прошлогоднему не случилось.

— То-то и есть. А было же, братцы мои, въ прошломъ годѣ намъ горя — бѣда! Пришли мы изъ Николаевска на „Ингодѣ“, пришли, это, въ Благовѣщенскъ, по-добру по-здорову. „Ингода“ ушла съ почтой въ Срѣтенскую, мы остались ждать „Читу“. Приходитъ она, мы, значитъ, сейчасъ — за билетами. Насъ какъ обухомъ по лбу ударили, — нѣтъ, говорятъ, билетовъ. Батюшки свѣты! Вотъ горе-то, думаемъ, — пропадемъ мы тутъ совсѣмъ, ждамши зимней дороги... Мы — къ губернатору, всѣ, гурьбой. Такъ и такъ, молъ, ваше пр-ство, не покиньте! Нельзя говоритъ, ни подъ какимъ видомъ, потому я самъ по области долженъ ѣхать, — для васъ, говоритъ, есть частные пароходы. А время осеннее, послѣдній, можно сказать, путь... Господи! Царь небесный! Просили, просили, — нѣтъ! Что дѣлать? Компанейскій пароходъ запоздалъ, однако мы, хотя не хотя, дождались—пришелъ. Мы къ капитану, къ управляющему, — поздно, говорятъ, скоро заморозки, не доплыть до мѣста. Мы просить: батюшка—вези! Опасно, говоритъ—не дойдемъ.... Родимый—вези, бери сколько тебѣ Господь на сердце положитъ. Поплыли, братцы мои, поплыли, только въ Албазинѣ и

застряли—шуга пошла по Амуру. Оттуда ужъ мы, кто какъ могъ, такъ и пробирались: кто зимы остался дожидать, кто на верховыхъ пустился, — бѣда была сущая!

— Да, таки не до смѣху было, заключили вздыхая нѣсколько человѣкъ.

— А что, Тимофей Панфилычъ, — слышалось на другомъ концѣ стола: какъ вы думаете на счетъ своихъ товарцевъ, — въ Иркутскъ думаете везти, или въ Забайкальѣ распродавать намѣрены?

Тимофей Панфилычъ, обладающій трехъ-яруснымъ затылкомъ и отвислымъ, гладко выбритымъ подбородкомъ, сидѣлъ, уложивъ локти на столъ, и говорилъ хриплымъ голосомъ:

— Да, ужъ видно въ Забайкальѣ буду продавать, потому что въ Иркутскѣ теперь назначена пошлина со всѣхъ вывозимыхъ съ Амура товаровъ. Выгоды никакой не будетъ, если товары везти въ Иркутскъ. Вотъ хотя бы и Хаминовъ: вѣдь онъ два или три корабля отправлялъ кругомъ свѣта на Амуръ; винъ, портеру, сахару сколько было у него, хотѣлъ было въ Иркутскъ провезти, а какъ заслышалъ о пошлинѣ,—весь товаръ въ Забайкальѣ остановилъ.

— А что, долго чай онъ распродавалъ?

Тимофей Панфилычъ вздохнулъ.

— Да ужъ долго-ли, коротко-ли, а все же, значитъ, свою выгоду соблюдалъ, потому въ Иркутскъ везти нѣтъ никакаго резонту,—пошлина высокая!

Чай убрали. На одномъ концѣ стола образовалась карточная игра „на-право на-лѣво“; красивый мущина; съ темнорусой бородой, въ американской фланелевой рубашкѣ, держалъ банкъ и, по временамъ, покрикивалъ:

— Эй, господа! господа! Лавочка открыта! У кого лишнія деньги есть,—пожалуйте!

Въ углу каюты шелъ разговоръ. Вязниковецъ курилъ копѣечную сигару и толковалъ своему сосѣду, дряхлому старику чиновнику, возвращавшемуся съ Амура на родину:

— Какъ-то тутъ, года этакъ два што-ли назадъ, али больше—не упомню,—говорилъ вязниковецъ,—сдатчики возвращались со сплава. Сдали они этотъ самый скотъ, который доставляли изъ Читы, получили награды кому что слѣдовало за усердіе. Только, братецъ ты мой, получили они эти награды и поѣхали ко дворамъ—по зимѣ ужъ дѣло было. Ѣхали, ѣхали по станицамъ-то и все съ сотенными жарили въ карты. Жарили и дожарились до послѣдней, можно сказать, копѣйки, а путина-то дальная, прогоновъ платить не на что стало. Оказія! Только, братецъ ты мой, продали они шубу и на эти, значитъ, капиталы орудовали, подвигались по маленьку впередъ, на одной лошади ужъ. Зима, холодно, а шуба-то одна. Только што? на хитрость пошли. Одинъ, примѣрно, въ шубѣ сидитъ въ саняхъ, а другой за санями собачьей рысью въ сюртучкѣ улепетываетъ. Потѣха! Устанетъ примѣрно,—сядетъ, шубу надѣнетъ, а товарищъ опять за са-

— И какъ это, братцы мои, вмѣшался вязниковецъ,—новый, примѣрно, здѣсь край и все это, какъ есть, значитъ еще, только въ начатіи, а для поддержки торговли, къ примѣру сказать, эта самая пошлина не тово...

— Рано-бы, кажись, пошлину-то. Все же бы амурскимъ товарамъ ходу было больше...

— Это точно, все-бы, значитъ, повальготнѣе, подсказалъ вязниковецъ.

— Объ этой пошлинѣ, — началъ Тимофей Панфилычъ, — сколько было разговоровъ, сколько просили и писали, да ужъ видно безъ этого никакъ нельзя...

Вязниковецъ вскочилъ на ноги.

— Тимофей Панфилычъ!—съ жаромъ заговорилъ онъ, размахивая руками, — да тепереча, вы разсудите, почему безъ этого нельзя? То есть какъ это примѣрно выходитъ? Будемъ такъ говорить: пошлина назначена, а товару вѣдь не привозятъ, значится казна ничего, какъ есть, не выкроила изъ пошлины-то; а по нашему, по мужицки, оно-бы, если ужъ нужно, такъ самую что ни на есть легонькую, вотъ-бы и казнѣ былъ доходъ и намъ-бы слободнѣе.

— Толкуй!—замѣтилъ кто-то,—ты вотъ чѣмъ здѣсь толковать, да руками-то по воздуху экивоки выдѣлывать,—поди вонъ въ 1-й классъ, да тамъ и поговори.

— А што?—горячился вязниковецъ,—если-бы нужно,—сдѣлайте милость,—не оробѣемъ, тоже не лыкомъ шиты...

нями бѣжитъ, да такимъ манеромъ они верстъ двѣсти царапали, пока до пріятеля своего доѣхали.

— Ха, ха!—хохоталъ старичекъ старческимъ дребезжащимъ смѣхомъ—умора!

— Именно, что умора, одно слово!

— Да, батюшка,—началъ старичокъ,—игра здѣсь по Амуру преазартнѣйшая, могу сказать не ложно—раззорительная игра!

— Здорово дуются! подхватилъ вязниковецъ, съ наслажденіемъ высасывая окурокъ копѣечной сигары.

— И такъ-то, батюшка мой, играютъ, что удивленія достойно! Эта мелкота сотенные то и дѣло вертятся: одинъ проиграется въ пухъ,—нечего надѣть, другой до казеннаго интереса коснется и подъ судъ уходитъ; а въ одной большой станицѣ, могу сказать достовѣрнѣйшимъ образомъ, — почтмейстеръ въ сумасшествіе пришолъ отъ картежной забавы.

— Бываетъ, заключилъ вязниковецъ, поправляя усы, обозженные окуркомъ сигары.

Бутаковъ сидѣлъ съ толстымъ румянымъ купцомъ.

— Такъ вы изволите съ фермы ѣхать? спрашивалъ купецъ.

— Да, съ фермы.

— Это, кажется, тамъ и живетъ г. Нелѣповъ?

Бутаковъ утвердительно кивнулъ головой.

— Да-съ, я знаю, знаю его дѣло,—началъ купецъ—дѣло новое, трудное дѣло. Теперь здѣсь на Амурѣ пока можно еще серебришкомъ перебиваться, да кой какими

товарцами. Вотъ я мяса сплавилъ въ Николаевскъ, продалъ, нечего Бога гнѣвить, съ пользою. Торговое дѣло всегда легче, чѣмъ ферма: убытокъ-ли, барышъ-ли, за то скоро можно конецъ видѣть, а вѣдь ферма пѣсня длинная. По Амуру, сначала, какъ было хорошо нашему брату-купцу, — на серебряный рубль была цѣна два кредитныхъ, а теперь ужъ только 1 руб. 45 коп. У манжуришекъ тоже сначала можно было овса купить по 7 да по 10 коп. за пудъ, а теперь вонъ полтину давай, говорятъ,—догадливы тоже, свою выгоду понимаютъ.

— Вотъ потому-то и надо бы посильнѣе заняться хлѣбопашествомъ.

— То-то вотъ, только надо-бы, а на дѣлѣ-то все плохо. Взяться-то за дѣло некому, плохіе все знатоки-то, взяться-то не кому! сочувственно заключилъ купецъ.

— Ну-ко, дама идетъ, слышалось отъ стола.

— Давай и даму, мы и дамами не стѣсняемся, побьемъ, братъ, и даму, говорилъ красивый господинъ. На груди его американской рубашки съ обѣихъ сторонъ были небольшіе карманы, откуда торчали колоды картъ.

— Бита! крикнулъ онъ, пригребая къ себѣ 25 руб.

— Будь ты проклятъ, Ламинъ! сказалъ проигравшій.

— То-то будь проклятъ?.. Быковъ-то ты продалъ въ Николаевскѣ по 70 руб. за быка,—говорилъ улы-

баясь Ламинъ,—а купилъ-то 35 либо 40. Можно, я думаю, изъ барышей-то и проиграть.

— А провозъ-то забылъ, что-ли?

— Ну, провозъ 5 руб. на скотину, ну, 10 и то 30 руб. либо 20 руб. пользы получилъ.

— Метай, метай, нечего разговаривать-то, приставали желавшіе попробовать счастія.

— А ты-бы, умная голова,—продолжалъ говорить Ламинъ, растягивая слова и бросая карты на-право и на-лѣво—ты-бы, умная голова, оставилъ быковъ-то въ Николаевскѣ до зимы, да продавалъ-бы потомъ мясо пудами по 16 руб. за пудъ... Чей валетъ? Битъ 10 р. пошлите. По 16 рублей пудикъ и продавалъ-бы, и то въ видѣ милости... Дама сюда... О, дамочка! Люблю я тебя! 25 рублей пошлите.

Скажетъ Ламинъ отчетливо и скоро все, что касается его игорной дѣятельности, и потомъ снова, не торопясь, тянетъ слово за словомъ.

— По шестнадцати-бы и-про-да-валъ... Семерка: сюда, сюда родная! Ты, моя милая, хоть и не въ большомъ чинѣ, а привезла радужную.

— Тьфу ты, пропасть! И какъ ему везетъ!

— Этотъ самый Ламинъ, объяснялъ вязниковецъ старику-чиновнику,—онъ самый, что ни на есть проидоха. Пять-ли, десять-ли разъ онъ въ трубу вылеталъ. Кажись ужъ все профуфыритъ, а глядь—опять на Амуръ сплавляетъ что нибудь. Откуда, братецъ ты мой, чего берется! Въ прошломъ году въ Благовѣщенскѣ въ по-

лицію посадили,— теперь у него съ начальствомъ тяжба. Губернаторъ его приказалъ посадить, а онъ сейчасъ—прошеніе, что, дескать, у меня, такъ и такъ, въ квартирѣ деньги оставались, гдѣ теперь они? Меня, говоритъ, вдругъ взяли.

— Въ законахъ, значитъ, онъ понятіе имѣетъ? спросилъ старичокъ.

— Ходокъ. Законникъ—одно слово! Пришолъ, это, послѣ изъ полиціи, когда выпустили-то, пришолъ, сѣлъ за столъ, разложилъ разные ербовые листы и говоритъ: душа моя, говоритъ, пей, ѣшь и веселися,—дѣло, говоритъ, будемъ вести на законномъ основаніи.

— Какъ же это его такъ взяли неразсудительно?

— Да такъ ужъ видно, безъ депутата, въ торопяхъ, значитъ.

— Неразсудительно! Незаконно! покачивая головой тоскливо говорилъ старичокъ, посматривая на Ламина.

— Тонкой человѣкъ! объяснялъ вязниковецъ.

— Да онъ изъ какихъ?

— Купецъ, нашъ братъ купецъ.

— Вотъ поди-жъ ты, какъ Господь умудряетъ человѣка: и въ коронной не служилъ, а законы въ точности произошолъ, одобрительно подсказалъ старичокъ.

— Объ общей пользѣ, да о благѣ ближняго,—толковалъ толстый купецъ Бутакову—объ этомъ, батюшка, только говорить можно, а дѣлать-то ужъ развѣ нашимъ дѣтямъ придется,—всякій, батюшка, теперь наровитъ въ свой карманъ; а выищется другой съ общей-то поль-

зой, такъ и оберутъ его до нитки. Плохо еще на бѣломъ свѣтѣ по этой статьѣ-то...

Бутаковъ посидѣлъ нѣсколько времени въ каютѣ и пошолъ на палубу. Пароходъ подходилъ къ станицѣ. На берегу тѣснились казаки, сотенный командиръ стоялъ впереди, Пароходъ остановился набирать дрова. Губернаторъ вышелъ на берегъ и распекалъ сотеннаго; сотенный стоялъ въ самой почтительной позѣ, наклонивши корпусъ впередъ и опустивъ руки. Казаки глупо моргали глазами и стояли въ вытяжку. Губернаторъ быстро зашагалъ вдоль станицы, размахивая правой рукой, и изрѣдка показывалъ ею на бѣдныя избушки казаковъ; сотенный прикладывалъ руку подъ козырекъ, не переставая почтительно слѣдовать сзади быстро шагавшаго начальника.

Палубные пассажиры покупали у казачекъ вареныхъ поросятъ и яйцы.

— Да ты бы хоть огурцовъ, што-ли, тащила,— все поросята, да поросята, по всему Амуру поросята—говорилъ высокій мужичина въ солдатской шинели.

— Нѣту, родимой, не родились огурцы-то и посадила было я, да померзли, плачевно выводила казачка, сжимая губы и качая головой:—померзли, родимой, такъ-таки всѣ до единова померзли.

Поздно вечеромъ Бутаковъ сидѣлъ на палубѣ. Пассажиры всѣ спали, только на балконѣ стоялъ рулевой, да капитанъ англичанинъ торопливо шагалъ по балкону.

Теплая, тихая ночь стояла надъ рѣкой...

Съ баржи слышалась пѣсня,—какой-то хриплый мужской голосъ, отчаянно вытягивалъ ноту за нотой. Онъ пѣлъ пѣсню амурскаго приготовленія, въ которой поэтъ рисовалъ картину изображающую Николаевскій портъ.

Вотъ его пѣсня:

Ночь темная сыростью вѣетъ,
Кругомъ все сугробы да лѣсъ
И только тропинка чернѣетъ
Подъ сводомъ свинцовыхъ небесъ.
На право,—общипанный ельникъ,
На лѣво,—замерзшій Амуръ,
Трещитъ подъ ногами валежникъ,
А берегъ во мглѣ потонулъ.
Вдали-же всегда такой грязный
Съ наружностью жалкой своей
Стоитъ Николаевскъ печальный
Средь мусора щепокъ и пней.
Порою летаютъ вороны,
Надъ прежнею землею Гилякъ,
То взвоютъ на разные тоны
Голодныя стаи собакъ.
Прекрасны тамъ обѣ слободки,
Возможнѣйшей грязи хаосъ
Тамъ много матросы пьютъ водки,
Тамъ свиньи копаютъ навозъ;
Оттуда и вонь вся несется,
И шлепаетъ грязь по ногамъ,
Журчаніе лужъ раздается
По тающимъ рыхлымъ снѣгамъ...

Пѣсня замолкла. Бутаковъ поднялся со скамьи и пошелъ внизъ.

— И ночь-то благодатная, и виды-то такіе хорошіе кругомъ, но пустынно все это и Господь знаетъ, когда эти громадныя пространства заселятся,—подумалъ онъ спускаясь въ каюту.

На востокѣ начинала показываться утренняя заря.

На слѣдующее утро, послѣ чаю, на одномъ углу стола снова усаживались за карты.

— Ну, братъ, Ламинъ, ты вчера насъ вздулъ порядочно, говорили проигравшіе, окружая Ламина, вынявшаго изъ своихъ боковыхъ кармановъ двѣ колоды картъ.

— Времена перемѣнчивы, господа! началъ Ламинъ, срѣзывая колоду.—Вы сколько ставите,—пять рублей? Хорошо... Да, перемѣнчивы времена,—продолжалъ онъ, метая карты — вотъ, напримѣръ, до занятія Амура въ Забайкальѣ ржаная мука была 25 к., а теперь и до рубля дошла... Пять рублей возьмите — ваше счастье. За пудъ вѣдь, смотрите, рубль... Девята? О! Эта артиллерійская девятка... Зелененькую пошлите, пошлите не стѣсняясь. Или вотъ, напримѣръ, соболь...

— Да полно ты, Христа ради, языкомъ-то молоть,— умоляющимъ голосомъ просили партнеры — метать, такъ метай, — болтуша!

— Извините, господа, — невозмутимо спокойно продолжалъ Ламинъ, — я иначе не могу... Такъ вотъ теперь соболь... Позвольте 10 руб. сюда... Соболь, я говорю, на Амурѣ въ первый разъ покупали за солдат-

скую пуговицу, а теперь пять да шесть рублей серебряныхъ давай... Чей король? Извольте получать...

— Нѣтъ, вотъ въ Хабаровкѣ,— говорилъ вязниковецъ, своему постоянному собесѣднику, старичку, — въ Хабаровкѣ, братецъ ты мой, манчжуры эти въ кости играютъ — удивительныя шельмы! Одинъ просадилъ штукъ пятьсотъ соболей, манчжуру-же своему — и ничево! Хвалился еще опосля, — надулъ, говоритъ, я его: самыхъ, говоритъ, што ни на есть плохихъ соболей отдалъ.

— Видишь ты, какой народецъ. удивлялся старичокъ, починивая старый жилетъ.

— У нихъ, значитъ, въ Хабаровкѣ свой мунчжурской домъ, тутъ они собираются, примѣрно по коммерціи съ русскими, а вечерами въ карты жарятъ... Только эти самые соболи нонѣча въ упадкѣ, по цѣнѣ то есть, потому — амурскій соболь не завидѣнъ, рыжеватъ и шерстью жесткій.

— Такъ-съ, — поддакнулъ старичокъ, придерживая противъ свѣта иглу и зажмуривъ лѣвый глазъ — не могу вотъ нитку продернуть.

— Дай-ко-ся. братецъ мой, я тебѣ помогу, предложилъ вязниковецъ.

— Нѣтъ, вдернулъ ужъ, вдернулъ,— спасибо, отвѣтилъ старичокъ. и снова принялся чинить свой жилетъ.

Вязниковецъ посидѣлъ, помолчалъ, зѣвнулъ нѣсколько разъ, перекрещивая при этомъ ротъ, и потомъ завалился спать, не смотря на 11 часовъ утра.

— Баста, господа! крикнулъ Ламинъ, укладыя карты въ карманъ своей американской рубахи.

— Что вы? что вы? какъ вамъ не грѣхъ? Вчера взяли 500 руб., а сегодня проиграли 50 и — баста, обиженно говорили игроки.

— А вольному воля! Отчего вы вчера во время не остановились? А вотъ вы у меня учитесь и дѣлайте всегда такъ: не идетъ игра и — бросьте; валитъ счастье, — загребайте деньги, — поняли? Учитесь, пока я живъ, — шутливо отдѣлывался Ламинъ и нахлобучивъ на голову шотландскую шапочку, ушолъ на палубу.

Толстый румяный купецъ сидѣлъ съ Бутаковымъ на палубѣ, Ламинъ подошелъ къ нимъ.

— Что это Иванъ Васильевичъ, — спросилъ толстый купецъ, — отчего вы сегодня наверхъ рано вышли, не везетъ, что-ли?

— Вѣрно ваше слово, безпечно бросилъ Ламинъ и закурилъ сигару.

— Славный этотъ пароходъ! похвалилъ толстый купецъ, обращаясь къ Бутакову. Ламинъ засмѣялся.

— Славный-то славный — началъ онъ — только Амурской К° придется его въ казну сдать, — дѣла-то у ней фю, фю! Плохи. Прогораетъ она совсѣмъ, хоть и поручили дѣло сѣдому Чеботаркину; ну, да Костя тоже не забудетъ свои руки погрѣть: дѣло привычное.

— Иванъ Васильевичъ, — серьезно и строго началъ толстый купецъ, — зачѣмъ вы такъ вдругъ о человѣкѣ ни съ того; ни съ сего...

— Эхе-хе-хе! — протянулъ Ламинъ присвистывая, — почтеннѣйшій мой! Какое тутъ вдругъ! Что это вы-то вздумали? да вы спросите на Москвѣ или на Кяхтѣ про Чеботаркина — вамъ объяснятъ, что онъ за гусь...

— Да Господь съ нимъ, если такъ, — его при немъ и останется, перебилъ толстый.

— Скажите пожалуйста, — обратился Бутаковъ къ толстому купцу, — вамъ неизвѣстны-ли причины упадка дѣлъ К°?

— Кто ихъ знаетъ! — Мнѣ извѣстно только, что много ошибокъ было при основаніи устава К°, и онѣ, по моему были не малыми причинами къ разстройству дѣлъ. Вотъ видите-ли, въ чемъ штука: задумала К° завеети по всему Амуру свои конторы и магазины, во всѣхъ почти станицахъ посадила довѣренныхъ, и вездѣ-то у ней приказы да инструкціи всякія на печатныхъ бланкахъ. Жалованья все тысячныя, управляющихъ однихъ больше десятка, — имъ тысячи по три, да по пяти; потомъ директора, ревизоры; вотъ теперь Чеботаркинъ 18 тысячъ получаетъ въ годъ, да другіе тоже около того. Распустили они дѣло по всему Амуру, а собрать-то ничево и не могутъ.

— Какъ же нужно было сдѣлать? спрашивалъ Бутаковъ.

— А по моему, по простому, нужно было такъ: образовать мѣстахъ въ трехъ оптовые склады и торговать только гуртомъ, а ужъ мелкота-то сама себя разовьетъ. Теперь вотъ видите, я думаю, сами, сколько

мелкихъ различныхъ торговцевъ плаваетъ по Амуру и кормятся, покупаютъ они товары въ Иркутскѣ да въ Читѣ. Тогда бы они покупали здѣсь у компаніи... А главное-то вотъ еще что: все у нихъ по казенному, по начальственному. Какое ужъ тутъ въ торговомъ дѣлѣ казенное управленіе! Торговое дѣло требуетъ самостоятельности, а К°, бывало, даетъ инструкцію прикащику покупать соболей не дороже четырехъ серебреныхъ рублей, — манчжуръ проситъ 4 р. 10 к., прикащикъ-то и не смѣетъ прибавить, хотя-бы соболь-то и пять рублей стоилъ — вотъ въ чемъ бѣда-то!

Ламинъ не слушалъ разговора; онъ безцѣльно смотрѣлъ вдаль и насвистывалъ какую-то польку.

— Что это сегодня съ вами?—опять спросилъ толстый купецъ Ламина,—такой вы у насъ веселый были, можно сказать,—душа общества, а сегодня вдругъ измѣнились.

— Да что батюшка, не везетъ...

— Вамъ то что,—вы отыграетесь завтра-же,—сказалъ Бутаковъ,—а вотъ намъ съ фермой не везетъ: товарищъ мой Нелѣповъ колотится изъ года въ годъ,—вотъ ужъ три года, и все ни на шагъ впередъ.

— Помѣхъ-то много здѣсь,—перебилъ толстый купецъ,—и сотенный то его станицы, тоже, говорятъ, его тѣснилъ, ну, и съ высшими-то властями онъ, говорятъ, не ладитъ...

— Практики-то мало, вѣдь хоть онъ и хорошій

правовѣдъ, да дурной пахарь,—сказалъ Ламинъ,—какъ вотъ и я, хорошій игрокъ да дурной купецъ.

— Ну ужъ про васъ, батюшка, и говорить нечего, васъ такими достоинствами надѣлила природа, что хоть кого угодно объегорите.

— Однако-жъ нечево время терять, нужно идти отъграться,—сказалъ Ламинъ и ушолъ. Собесѣдники снова заговорили объ Амурской К°.

— Видите-ли, они за многое принялись неумѣючи, какъ вотъ и вашъ товарищъ Нелѣповъ. Въ Николаевскѣ вздумали рыбныя ловли устроить, хотѣли китовый жиръ добывать, да такъ все дѣло и бросили, ничего не могли сдѣлать... Вчера я вамъ говорилъ, что взяться-то у насъ некому, плохіе все знатоки-то. На ученьето нашъ братъ купецъ нападаетъ, а по правдѣ-то сказать настоящаго-то ученья мы и не видывали,—не тому наша-то купеческая молодежь учится. Теперь вотъ хоть этотъ пароходъ взять: машинистъ на немъ—нѣмецъ, капитанъ—англичанинъ, а компанія-то вѣдь русская; подумайте-ко объ этомъ поглубже, а?

— Да, задумчиво отвѣчалъ Бутаковъ.

Пароходъ подходилъ къ манчжурскому городу Айгуню. Берегъ усыпался народомъ, впереди жались, на самомъ краю берега, маленькіе полуодѣтые манчжуренки; толпа смотрѣла на пароходъ и шумно разговаривала на своемъ негармоничномъ языкѣ. Отъ берега отдѣлилась лодка, нѣсколько человѣкъ манчжуръ ѣхали на ней, они подплыли къ пароходу и остались на немъ,

чтобы ѣхать до г. Благовѣщенска. Пароходъ пошолъ въ путь. Манчжуры стояли у машины и дивились, разсматривая сложный механизмъ; посмотрятъ, посмотрятъ и начинаютъ спорить, кричать, размахивать руками, и снова внимательно заглядываютъ внутрь парохода. Такъ во все продолженіе 30-верстнаго пути, они не отходили отъ машины, и не переставали спорить. Одинъ, высокій, очевидно пользующійся большимъ уваженіемъ, наконецъ закончилъ споръ вопросомъ: Модонэ? (поняли)?

— Модонэ, отвѣчали манчжуры.

Что они поняли,—Господь ихъ знаетъ.

На выдавшемся въ рѣку безлѣсномъ берегу начали показываться постройки. Сначала показалась бѣдная нижнеблаговѣщенская станица, съ плаксивыми казачьими избушками; вскорѣ за ней, какъ будто вылѣзали изъ земли разныя городскія постройки:—амбары Амурской К°, заложенный новый соборъ, большой домъ губернатора, каланча и массивныя пушки, торчащія на берегу противъ дома губернатора, неизвѣстно съ какою цѣлію. Пароходъ подходилъ къ городу—на берегу собралась небольшая кучка народу, по которой можно было заключить, какая страшная разница въ населеніи двухъ городовъ: Айгуня и Благовѣщенска. Якорная цѣпь упала, пароходъ присталъ къ берегу.

VI.

Возвратившись въ Благовѣщенскъ. Бутаковъ сталъ ожидать извѣстій отъ Нелѣпова, но не получалъ ихъ

до Февраля. Нелѣповъ вѣрный самому себѣ, писалъ только тогда когда ему нужны были деньги и пообыкновенію въ письмѣ повторялась фраза „иначе погибнетъ ферма и все на неё затраченное". Вотъ его письмо.

„Доходъ прошедшаго года былъ едва достаточенъ для того, чтобы имѣть семена для посѣва въ сто десятинъ и уплатить только кой-какіе мелкіе долги. Мнѣ необходимо денегъ, необходимо до крайности; иначе не чѣмъ содержать зимнихъ рабочихъ и не начто будетъ начать дѣло весной. — Пришлите двѣ тытячи рублей, не жалѣйте ихъ, въ противномъ случаѣ могутъ погибнуть труды предшествовавшихъ лѣтъ и ферма можетъ рухнуться. Повѣрьте, это моя послѣдняя просьба...

Далѣе слѣдовали надежды, на непремѣнный успѣхъ дѣла и на богатый доходъ отъ хлѣбопашества.

— Нечего дѣлать — плачешъ да даешъ, думалъ Бутаковъ, отсчитывая изъ своего небольшаго капитала 2000 р. Что тутъ дѣлать? Ну вотъ если бы онъ, Нелѣповъ былъ плутъ, мошенникъ — вѣдь я же ему не поддался бы... Вѣдь не бросить же и въ самомъ дѣлѣ ферму?.. Анализируя такимъ образомъ свои отношеніи къ Нелѣпову, онъ хотя и отлично понималъ всю непрактичность Нелѣпова, но довѣрялся ему, потому что не могъ заподозрить его въ какой либо недобросовѣстности.

А между тѣмъ въ дѣйствительности было нѣчто другое. Нелѣповъ отправивъ означеннаго содержанія письмо сидѣлъ въ своемъ покосившемся домикѣ, около желѣзной печи и думалъ думы: прищлетъ-ли Бутаковъ денегъ

или непришлетъ? Если нѣтъ, думалъ Нелѣповъ, то конечно какъ нибудь перебьюсь; ну, а если пришлетъ? епросилъ онъ самъ себя и на лицѣ его выразилось полнѣйшее самодовольствіе.—Пришлетъ! Долженъ прислать, утвердительно сказалъ онъ вслухъ и поднявшись со стула потеръ отъ удовольствія руки.

Онъ прошелся къ противоположному углу комнаты и снова сѣлъ передъ пѣчкой.

— Получу денежки и тогда, тогда мы съ г. Бутаковымъ поведемъ другого рода разговоръ, говорилъ самъ съ собою Нелѣповъ, простирая свои костлявые руки къ раскалившейся до красна печи.—Доходъ будущаго года долженъ быть 12000 р. сер. ибо засѣю я 100 десятинъ. Съ какой же мнѣ стати предоставлять половину дохода Бутакову?—Это не раціонально... А вотъ что я сдѣлаю: предложу ему продать мнѣ всю ферму за 25000, срокомъ лѣтъ въ шесть, и ферма будетъ моя и барыши получу большіе, а въ шесть лѣтъ уплатить 25000 не трудно... Повѣритъ-ли только?.. Отчего же нѣтъ? — Ферму же ему въ обезпеченіе предоставлю... Повѣритъ! опять утвердительно заключилъ Нелѣповъ и снова зашагалъ по своей грязной и холодной комнатѣ. — Ужъ только бы онъ мнѣ деньги прислалъ — тогда я эту паршивую избушку замѣню приличнымъ домикомъ. да и старуху-то эту... надоѣла до смерти, будь она проклята! все охаетъ да вздыхаетъ... я ее тогда стурю отсюда! Возьму себѣ вмѣсто этой старой корги молоденькую, румяненькую дѣвочку... Не-

лѣповъ при представленіи о румянной молодости, закрылъ свои маленькіе сѣрые глаза и съ минуту оставался въ такомъ мечтательномъ состояніи.

— Ахъ, какъ бы все это осуществилось! — вотъ было бы чудно! подбрасывая въ печь послѣднія щепки, сказалъ вслухъ Нелѣповъ и выйдя на крыльцо закричалъ старуху-стряпку.

— Ей, старуха! дровецъ дай.

— Чево? раздалось хриплое старческое слово отъ рабочей избы.

— Дровецъ, говорю, дровецъ принеси для желѣзной печки.

— Не слышу, родимый, ничего-то нынче не слышу, бормотала старуха, пробираясь по глубокому снѣгу отъ рабочей избы къ покосившемуся домику.

— Дровъ! Дровъ! закричалъ вовсе горло Нелѣповъ и сердито хлопнувъ дверью, ушелъ въ свой домикъ.

На фермѣ кругомъ лежалъ глубокій снѣгъ, всѣ лѣтнія тропинки были занесены имъ и осталась только одна зимняя дорожка ведущая на водопой къ горной рѣчкѣ Самарѣ, никогда не замерзающей. Густой, ясеневый и дубовый лѣсъ какъ будто посѣдѣлъ и постарѣлъ отъ зимы. На глубокомъ снѣгу въ лѣсу видны были слѣды, оставшіеся послѣ прогулокъ волковъ и и дикихъ козъ. Вдали бѣлѣлись и синѣли упираясь въ густыя облака высокія сопки хинганскаго хребта; кой гдѣ бѣлѣсоватая масса закрывала оконечность сопки и разстилаясь по хребту, дѣлалась все рѣже и разполза-

лась на отдѣльные куски сѣровато-дымчатаго цвѣта. На восточную же сторону ничего не было видно кромѣ бѣлой сплошной массы глубокаго снѣга. Длинный скотный дворъ тоже былъ совсѣхъ сторонъ обнесенъ и занесенъ снѣгомъ и быки, защищенные отъ вѣтра спокойно пережевывали свои жвачки въ тепломъ помѣщеніи.

Рабочихъ на зиму Нелѣповъ оставилъ только троихъ, такъ какъ зимнія работы заключались только въ гонкѣ скота на водопой, въ очищеніи скотнаго двора и въ перемѣнѣ подстилки для быковъ. Нарядчикъ Нелѣпова цѣлые дни спалъ, ненаходя другого лучшаго способа уколачивать время.

— Абросимъ Николаевъ! говорилъ иногда Нелѣповъ,—что это ты все спишъ да спишъ? вѣдь ты просто таки до цынги доспишься!

— А что-же мнѣ больше дѣлать? извѣстно сонъ Господомъ Богомъ намъ на пользу данъ, отвѣчалъ Абросимъ, своимъ грубоватымъ малороссійскомъ выговоромъ.

— Ну хоть бы пошелъ козу что-ли пострѣлять.

— Зачѣмъ её? Нихай бѣгаетъ по лѣсу. — отдѣлывался Абросимъ отъ предложенія своего хозяина и уходилъ опять на свою койку.

Черезъ мѣсяцъ послѣ отправки въ Благовѣщенскъ письма, Нелѣповъ сталъ часто подумывать о скоромъ полученіи отвѣта. Хотя онъ и былъ увѣренъ въ присылкѣ денегъ, но все-таки было замѣтно во всѣхъ его поступкахъ что-то неровное, экзальтированное. Однажды

по обыкновенію, сидѣлъ онъ передъ печкой съ книгой въ рукахъ, глаза бѣгали по строчкамъ печатной страницы, но мысли Нелѣпова были далеко отъ читаемой книги.

— Да, пора, пора—нужно ѣхать въ станицу, рѣшилъ онъ и бросивъ на полъ, въ общую кучу, книгу — вышелъ на крыльцо.

— Старуха, эй! старуха!

— Чево опять тамъ? раздался хриплый голосъ старухи, пробиравшейся по снѣгу къ домику.

— Чево угодно родимой? Охъ-хо...

— Ну что ты меня мучишъ, ну что ты охаешъ? съ укоризной говорилъ Нелѣповъ качая головой.

— Да что батюшка, старость моя...

— Ну тебя съ твоей старостью! Поди разбуди Абросима—пусть распорядится запречъ мнѣ пару быковъ,—скажи въ станицу молъ ѣхать хочетъ.

— Ладно родимой, отвѣчала старуха и поплелась въ рабочую избу.

— Сонный Абросимъ, протирая глаза вошелъ въ комнату Нелѣпова.

— Запрягать быковъ велѣли? лѣниво спросилъ онъ почесываясь.

— Да, надо ѣхать... только чортъ ихъ побери, ходятъ они больно плохо—озябну дорогой-то.

— Пошто плохо, Николай Васильевичъ? Не плохо,— быки у насъ рысистые, похвалилъ Абросимъ.

Чрезъ полчаса, укутанный въ волчью шубу, Нелѣ-

повъ залѣзъ въ сани и быки поплелись шагъ за шагомъ по направленію къ станицѣ. Рабочій сидѣлъ впереди тоже закутанный въ козью шубу, надѣтую шерстью вверхъ и помахивая длиннымъ кнутовищемъ по временамъ вскрикивалъ:

— Гей! гей! Цобъ! Цобе!

На половинѣ пути Нелѣповъ высунулъ наружу голову и сердито спросилъ:

— Далеко-ли еще?

— Не далеко:—половину ужъ отмахали.

— Фу, чортъ возьми совсѣмъ! Непремѣнно нужно лошадей завести, а то какъ будто съ горшками тащишся. Вотъ бы только Бутаковъ прислалъ мнѣ денегъ, тогда поправлюсь дѣлами. Закутавшись снова покрѣпче въ свою волчью шубу, Нелѣповъ отдался весь пріятнымъ мечтаніямъ о томъ, какъ онъ купитъ ферму, какъ разовьетъ дѣло до громадныхъ размѣровъ, сдѣлается богачемъ и предложитъ китайскому правительству продать ему часть земли на Маньчжурскомъ берегу. Что же я тогда буду? владѣтельный князь? подумалъ онъ и самъ надъ собой засмѣялся. Потомъ мечты его приняли другой характеръ—вспомнилась ему глухая, чуть двигавшаяся старуха и вслѣдъ за ней въ воображеніи поднялся образъ румяненькой, свѣженькой молодости... Ахъ какъ бы все это было хорошо! еще разъ подумалъ Нелѣповъ и заснулъ.

Быки своимъ мѣрнымъ медленнымъ шагомъ двигали сани впередъ. Рабочій сидѣлъ и дремалъ.

— Путь дорога! вдругъ раздалось въ полѣ.

Рабочій вздрогнулъ и оглянулся. Нѣсколько человѣкъ казаковъ шли изъ перелѣска съ винтовками за плечами.

— Путь дорога! отвѣтилъ и рабочій.

Нелѣповъ уткнувшись лицомъ въ подушку, храпѣлъ.

— На соболя што-ли пошли, спросилъ рабочій.

— На соболя, да все больше бѣлка попадаетъ, не видать что-то его... Вчера, паря, барсу стрѣнули.

— Ну! удивился рабочій—весну видно почуялъ...

— Матерой! (большущій) Лежитъ на пригорочкѣ, да глазами поводитъ, мы такъ отъ него взадъ пятки, да взадъ пятки и ушли.

— Ну прощайте, дай Богъ счастливо.

— Прощайте!

Быки снова тронулись своимъ обычнымъ шагомъ и къ сумеркамъ дотащили сани до станицы.

— Миколай Васильичъ, а Миколай Васильичъ! толкая въ бокъ Нелѣпова, кричалъ рабочій.

— Что тебѣ? тревожно озаряясь спросилъ Нелѣповъ.

— Да, пріѣхали.

Нелѣповъ вылѣзъ изъ саней, сбросилъ во дворѣ шубу и торопливо вошелъ въ домъ.

— Есть мнѣ письмо? первый вопросъ былъ его, къ своему квартиранту вязниковцу, занимавшему его домъ для лавки съ красными товарами.

— Есть, объявленіе даже есть, съ деньгами на 2000 р.

— О! о! о! дико заоралъ Нелѣповъ и заскакалъ по комнатѣ какъ сумашедшій.

— Вы ужъ мнѣ не забудьте Николай Васильичъ должокъ-то—вѣдь и то ужъ сначала августа, низко кланяясь говорилъ квартирантъ дѣлая изъ своей рожи самую сладкую приторную харю.

— Ура! ура! оралъ Нелѣповъ: — кричи братецъ, теперь ура, а то и денегъ тебѣ не дамъ!

— Ура-съ Николай Васильевичъ, не смѣло подхватилъ Вязниковецъ, съ умиленіемъ взглядывая на Нелѣпова, какъ на золотаго тѣльца, имѣющаго впослѣдствіи превратиться для него Вязниковца въ дойную корову.

На слѣдующее утро нанялъ Нелѣповъ пару лошадей и поѣхалъ въ Семеновскую станицу, получать по объявленію деньги, такъ какъ почтоваго отдѣленія въ Никольской станицѣ не было.

Путь лежалъ по рѣкѣ. Тощія не кованныя казачьи лошаденки, часто скользили и спотыкались, вызывая немилосердную брань изъ устъ своего хозяина.

— Что-жъ ты братецъ ихъ не подковалъ? спросилъ Нелѣповъ возницу.

— Коваль-то у насъ больно плохъ, да и зашибатъ черезъ-край—пойдешъ къ нему да и самъ натрескашся съ нимъ, а то друга бѣда: коваль трѣзвой, такъ опять подковы не могу добыть изъ казеннаго складу. Пойдешъ быдто за подковами, а глядишъ воротился со спир-

томъ... Такая ужъ планида моя казацкая, отвѣчалъ возница нахлѣстывая кнутомъ своихъ тощихъ лошаденокъ.

— Гдѣ кормить-то будешь?

— Да вотъ отъ Пузиновой-то станицы еще верстъ 25 отколемъ да и на кормешку.

— А потомъ еще гдѣ?

— Ну завтра еще разъ къ вечеру покормимъ, недоѣзжая два станка до Семеновской, а тамъ ужъ прямо до мѣста.

Протащившись 150 верстъ, двои сутки Нелѣповъ пріѣхалъ въ Семеновскую и получивъ съ почты деньги, не медля усѣлся за составленіе письма къ Бутакову. Онъ долго сидѣлъ за столомъ и потиралъ себѣ лобъ думая глубокіе думы, наконецъ рѣшительно взялся за перо, снялъ пальцами нагаръ съ сальной свѣчи и принялся писать. Цѣлый листъ написалъ онъ объясняя всю выгоду для Бутакова въ продажѣ фермы. „Вы избавитесь, говорилось между прочимъ въ письмѣ, отъ заботъ и хлопотъ, отъ издержекъ и разныхъ непредвиденностей,—будете знать только одно что въ извѣстный срокъ, получите съ меня извѣстную сумму. Гарантіей вамъ представляется таже ферма и при неуплатѣ вы можете все у меня отобрать. Для меня-же слишкомъ важно полное безконтрольное распоряженіе дѣломъ". Тутъ онъ распространился о бывшихъ неудачахъ въ дѣлахъ, приписывая этимъ неудачамъ отчасти свое зависимое положеніе отъ Бутакова.

— Какую-же назначить ему цѣну? подумалъ онъ об-

тирая перо о свои жидкіе русые волосы: 25 тысячъ? Ну а если мало покажется? Поскуплюсь и пожалуй себѣ нагажу—тѣмъ болѣе что при неудачахъ дѣла, я ничего не потеряю: знаю что не можетъ онъ самъ здѣсь жить и вести дѣла... Эхъ чортъ его дери—30 т. хвачу, въ 6 лѣтъ по пяти тысячъ да и баста... На будущій же годъ получу 12 т. а тамъ мнѣ будетъ легко.

Нелѣповъ всталъ на ноги почесалъ у себя въ головѣ и рѣшительно махнувъ рукой, принялся быстро оканчивать письмо. Написалъ перечиталъ и въ концѣ еще прибавилъ: „Для того что-бы не было лишней траты времени, я теперь же посылаю вамъ закладной актъ на ферму. Если условія предлагаемыя мной найдете выгоднымъ, то можете засвидѣтельствовать въ Благовѣщенскомъ уѣздномъ судѣ и заплатить за негербовую бумагу. Если-же не хотите, то на правахъ хозяина собственника можете изорвать мой закладной актъ. Подпись моей руки, я засвидѣтельствую въ сотенномъ правленіи".

Рѣшившись такимъ образомъ на пріобрѣтеніе фермы Нелѣповъ чрезъ часъ кончилъ свои писанія и загасивъ свѣчу лежалъ на кровати мечтая о будущихъ успѣхахъ дѣла.

На слѣдующій день онъ явился въ сотенное правленіе засвидѣтельствовать закладной актъ и сдалъ его вмѣстѣ съ письмомъ въ почтовую контору съ адресомъ въ Благовѣщенскъ Ѳедору Павлову Бутакову.

— Ну что будетъ, то будетъ, а быть должно то, что я хочу, ибо таковъ ходъ обстоятельствъ, рѣшилъ

онъ шагая къ себѣ на квартиру и въ тотъ-же день тощія казачьи лошаденки тащились обратно по льду рѣки, такъ-же спотыкаясь и раскатываясь не кованными ногами.

VII.

Получивъ письмо Нелѣпова Бутаковъ пришелъ въ немалое удивленіе и нѣсколько разъ перечитывалъ, то письмо, то закладной актъ.

— И хорошо мнѣ это кажется и въ тоже время, какъ будто что-то не такъ, думалъ онъ принимаясь снова за чтеніе посланія Нелѣпова.

— Что-то не такъ, а что не такъ и самъ не знаю, думалъ онъ и накинувъ шубу пошелъ къ одному изъ знакомыхъ, посовѣтоваться.

— Вотъ Евгеній Александровичъ, говорилъ онъ знакому, показывая бумаги Нелѣпова, — прочтите какого рода предложенія дѣлаетъ мнѣ Нелѣповъ.

Знакомый прочиталъ бумаги, покурилъ трубочку съ наслажденіемъ всасывая въ себя сизыя струи жукова и задумался.

— Ну что-же? Какъ вы думаете?

— Думать тутъ нечего, сказалъ онъ взглядывая своими умными глазами на Бутакова и погладивъ сѣдоватѣе усы, продолжалъ: Нелѣповъ и честный и въ тоже время хитрый человѣкъ. Онъ отлично знаетъ что

вамъ нельзя отказаться отъ его предложенія, потому что не поѣдите вы сами жить на ферму. По моему разумѣнію конечно слѣдовало-бы дѣло взять самимъ въ руки,— но зная, что вы не можете посѣлиться на фермѣ, я нахожу его предложеніе не опаснымъ: не будетъ платить,—можете все отобрать.

Бутаковъ молчалъ и внимательно смотрѣлъ на своего знакомаго.

— Знаете, что я вамъ скажу Евгеній Александровичъ, началъ онъ оживляясь: дорого мнѣ стоитъ Нелѣповъ во многихъ отношеніяхъ и предложи онъ мнѣ продажу фермы сначала моего пріѣзда, я бы не задумался отдать ему все за половину, и не въ пять а въ десять лѣтъ. Все же бы я могъ здѣсь остаться и имѣть выгоды отъ торговли въ Благовѣщенскѣ, теперь же онъ совершенно обезсилилъ меня.

— Да-съ, перебилъ знакомый, — урокъ онъ вамъ сдѣлалъ хорошій. Ну-да Богъ дастъ будетъ выплачивать въ свое время... Только вотъ что: какже вы уѣдете отсюда?

— То есть что вы хотите сказать?

— А то, что если Нелѣповъ не будетъ вамъ выплачивать денегъ, тогда что?

— Подамъ ко взысканію — и дѣлу конецъ; пусть продаютъ съ аукціоннаго торга все что есть на формѣ, рѣшительно сказалъ Бутаковъ и сталъ прощаться.

— Когда же думаете уѣхать?

— Конечно лѣтомъ. Подожду что у него будетъ съ

посѣвомъ на ста десятинахъ и въ августѣ — прощайте...

Бутаковъ возвратившись домой, взялъ денегъ и чрезъ часъ получилъ въ уѣздномъ судѣ засвидѣтельствованную по закону закладную съ печатью суда и съ извѣстными подписями удостовѣряющаго начальства.

Наступилъ августъ. Бутаковъ получилъ отъ Нелѣпова письмо. Нелѣповъ торжествовалъ и по поводу своего торжества исписалъ цѣлый листъ бумаги. Писалъ онъ между прочимъ, что сто десятинъ засѣяннаго хлѣба дали великолѣпный всходъ. „Батюшка хлѣбушко зрѣетъ, зерно свое полное наливаетъ, душа моя радуется и хочетъ выпрыгнуть при видѣ этого зеленѣющагося поля.“ Извѣщалъ онъ въ письмѣ своемъ потомъ, что вошелъ въ условіе съ адмираломъ Николаевскаго порта и получилъ отъ него согласіе принять хлѣбъ на мѣстѣ, т. е. на фермѣ по 85 к. пудъ въ зернѣ, „и вотъ теперь—писалъ Нелѣповъ,—по прошествіи много трудныхъ тяжелѣйшихъ четырехъ лѣтъ, я совершенно успокоился, переплылъ бурную рѣку и присталъ къ берегу. Теперь я вѣрю въ успѣхъ дѣла, да и нельзя не вѣрить: нынѣшній годъ я получаю покрайнему расчету 9000, вамъ отдамъ пять, у меня останется чистыхъ четыре тысячи...“

Письмо заключалось, напыщеннымъ разсужденіемъ о торжествѣ его знаній, силы и терпѣнія.

Бутаковъ конечно былъ радъ счастливому ходу дѣла,

тѣмъ болѣе, что отъ успѣха дѣлъ Нелѣпова зависѣла возможность полученія долга за проданную ферму.

Но обстоятельства складывались иначе.

Счастливый Бутаковъ выѣхалъ съ Амура и возвратился въ Забайкальскую Область въ полной увѣренности, что съ наступленіемъ зимы получитъ отъ Нелѣпова пять тысячъ.

Наступила осень и Бутаковъ вмѣсто 5000 руб. получилъ отъ Нелѣпова письмо слѣдующаго содержанія:

„Все погибло,—писалъ Нелѣповъ.—всѣ мои труды, всѣ лишенія, невзгоды—все это пропало безъ вознагражденія: весь урожай нынѣшняго года забитъ градомъ, затопленъ наводненіемъ и смѣшанъ съ грязью. 14 дней стояла буря, столѣтніе дубы вырывало съ корнями, одну избенку мою свалило на бокъ. Я было только собирался снимать хлѣбъ и нанялъ жнецовъ, вдругъ началась эта Божья кара и въ моихъ глазахъ все погибало и изчезало. Я рвалъ на себѣ волосы, царапалъ лицо, плакалъ и вполнѣ сознавалъ, что ничего не могу сдѣлать, ни чѣмъ не могу помочь. Такъ, если кого преслѣдуетъ судьба, то идетъ за нимъ по пятамъ и условивъ самую страшную минуту, бьетъ свою безъ оружную жертву. Еслибъ у меня не было такъ много энергіи, еслибъ я не обтерпѣлся отъ жизненныхъ неудачъ,—я бы бросился въ рѣку и утопился и клянусь вамъ, мнѣ было-бы въ тысячу разъ, въ миліонъ разъ легче. У меня теперь ничего нѣтъ, я всѣ свои средства убилъ на этотъ посѣвъ и онъ меня окончательно зарѣзалъ...

По закладной вашей дѣлайте что хотите, можете подать хоть ко взысканію и у меня отберутъ ферму... Все въ вашихъ рукахъ, въ вашей волѣ... А сколько было надеждъ и надеждъ основанныхъ на фактахъ!.. Все рухнулось, рухнулось страшно, безнадежно! Что я буду дѣлать—я и самъ пока не знаю. Хожу какъ помѣшанный и многаго дѣйствительно не могу понять. Рабочихъ распустилъ, оставилъ только двоихъ, чтобы ходить за скотомъ, да и съ ними незнаю чѣмъ буду расплачиваться. Напишите мнѣ, что вы намѣрены сдѣлать съ фермой—ваше рѣшеніе развяжетъ мнѣ руки. Велико мое горе и какъ его пережить—незнаю."

Бутаковъ грустно опустилъ голову прочитавъ это письмо. Тяжко стало на его сердцѣ, но описывать его страданія мы не будемъ. Три дня ходилъ онъ сумрачный, не отвѣчая ни на чьи вопросы, на четвертый день, не много успокоился и написалъ Нелѣпову отвѣтъ.

„Я могъ бы вамъ написать много, но зачѣмъ бить безъоруженнаго — Богъ съ вами!.. Вы сами знаете очень хорошо, что фраза въ вашемъ письмѣ о преслѣдованіи судьбы остается только фразой: не васъ судьба преслѣдовала, а сами вы лезли на ея рогатины—и напоролись! Прошедшаго не воротить... Не смотря на всѣ несчастія, которыя выпали на мою долю отъ вашей самонадѣянности; не смотря на всю злобу, которая вырывается изъ глубины души противъ вашихъ необдуманныхъ дѣйствій, я все-таки считаю васъ честнымъ человѣкомъ и надѣюсь, что вы со мною поступите честно. Возвращаю вамъ заклад-

ной актъ. Если дѣло поправится — вы мнѣ заплатите сколько елѣдуетъ, если же оно погибло безъ возвратно, то распродайте имѣніе и вышлите мнѣ столько, сколько вамъ подскажетъ ваша совѣсть."

Сдѣлавъ на закладномъ актѣ надпись, что получилъ расчетъ сполна, Бутаковъ отправилъ его вмѣстѣ съ письмомъ къ Нелѣпову, но не отвѣта, ни денегъ отъ него не дождался.

Совѣсть, слѣдовательно, ничего не подсказала Нелѣпову.

Чрезъ три года Бутаковъ переселился изъ-за Байкальской области въ Россію. По прошествіи этого времени, онъ узналъ, чрезъ знакомыхъ, что Нелѣповъ на Амурѣ перебивался, какъ говорится, изъ кулька въ рогожу; не смотря но новые займы, дѣлаемые имъ у различныхъ лицъ, не смотря на благопріятныя климатическія условія, дѣло его становилось все хуже и хуже. Вдругъ, ни съ того ни сего, онъ вздумалъ жениться: выбралъ себѣ подругу жизни, — дѣвицу изъ казацкой семьи, обвѣнчался съ ней и началъ разводить дѣтей; разведеніе это шло очень успѣшно, дѣла же фермы съ каждымъ днемъ разстроивались и долго все болѣе и болѣе накоплялись. Объ отношеніяхъ своихъ къ Бутакову Нелѣповъ совершенно забылъ и распродавъ все имущество, израсходовалъ деньги Богъ знаетъ куда. Дѣлать ему на Амурѣ было болѣе нечего, въ долгъ перестали вѣрить и можетъ быть, общія насмѣшки надъ его самонадѣянностію заставили нашего героя выѣхать съ Амура. По старому знакомству онъ обратился съ

просьбой къ своему прежнему начальнику и получилъ мѣсто.

Въ прошедшемъ году въ одной изъ Петербургскихъ газетъ было напечатано, что въ Сибирскомъ городѣ Т* по какому-то запутанному дѣлу молодой адвокатъ, защищая права собственности, чрезвычайно краснорѣчиво и ясно доказывалъ необходимость преслѣдованія и наказанія за растрату чужаго имущества.

Этотъ краснорѣчивый адвокатъ есть никто иной какъ господинъ Нелѣповъ.

LES MISERABLES

(дневникъ изъ петербургской жизни).

Декабрь 7 186...

Господи, какая тоска! Давно уже одинадцатый часъ дня, а въ комнатѣ еще и читать нельзя: — сумерки! Настоящіе сумерки! На дворѣ, то снѣгъ хлопьями валитъ, то дождь льется какъ изъ ведра; съ подоконниковъ въ моей квартирѣ ручьи бѣгутъ и разливаются широкой рѣкой по полу: стекла и въ ясные дни пропускающія мало свѣта въ комнату, теперь совсѣмъ затускли и дождь сливается по нимъ точно слезы. На улицу нельзя выйдти безъ того, чтобъ не получить насморкъ или кашель, которыми въ настоящую пору безплатно пользуются чуть-ли не всѣ петербургскіа жители. Да и что такое на улицѣ? Вмѣсто снѣгу точно гречневая каша навалена, или что-то въ родѣ кофейнаго мороженаго, — что нибудь изъ двухъ, только ужь никакъ не снѣгъ и не мостовая. Богъ съ ней и съ улицей-то! Моя квартирная хозяйка, это толстая и потому,

конечно, добрая нѣмка, просто истомилась отъ ожиданія жильцовъ. Двѣ недѣли прошло съ того времени, какъ съѣхалъ прежній жилецъ и двѣ недѣли, изо дня въ день, моя толстуха выходитъ за ворота посмотрѣть не сорвалъ-ли кто ея бумажку съ надписью: „отдаются двѣ меблированныя комнаты съ мебелью и прислугой.“ Бумажка цѣла, а жильцевъ все нѣтъ какъ нѣтъ! Амалія Ивановна (имя моей квартирной хозяйки) не смотря на свою доброту, начинаетъ уже ворчать и открыто обвинять прежняго жильца въ томъ, что всѣ бѣды идутъ отъ него, что онъ, по всему вѣроятію, былъ несчастливый человѣкъ и заразилъ своимъ несчастіемъ ея, Амаліи, меблированныя комнаты.

Декабрь 12 ч.

Хозяйка моя ожила и повеселѣла, точно получила мильонъ двѣсти тысячъ годоваго доходу. Ходитъ, или вѣрнѣе, бѣгаетъ такъ быстро, что отъ ея тяжести полъ въ моей комнатѣ дрожитъ какъ больной въ сильнѣйшемъ пароксизмѣ лихорадки. Это дрожаніе пола, веселье Амаліи и ея быстрые тяжеловѣсные шаги, начались съ того момента, какъ комнаты ея занялъ жилецъ. Случилась эта исторія третьяго дня. Не болѣе какъ черезъ часъ послѣ пріѣзда жильца, Амалія, веселая и радостная, запыхавшись влетѣла въ мою комнату и затараторила.

— Ахъ я напрасно ронталь! Я очень нехорошій женщинь: я совсѣмъ напрасно ронталь — мнѣ Богъ послалъ

очень хорошій, очень богатый, знатный, благородный жилецъ и съ супругомъ и съ сыночка... А я совсѣмъ напрасно ропталъ... И прислуга будетъ онъ платить особо и за вода давайтъ особо... Очень, очень благородный, знатный... и т. д. Словомъ моя нѣмка расходилась не на шутку и теперь съ утра до вечера хлопочетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Не смотря на свою семипудовую тяжесть она носится по корридору съ быстротою пушечнаго ядра, когда оно (то есть ядро) вылетаетъ изъ заряженной пушки. Но это все въ сторону и нѣмку и ядро и заряженную пушку и петербургскую погоду. Вся суть въ томъ, что рядомъ съ моей комнатой поселился отставной капитанъ съ супругой и сыномъ. Амалія уже успѣла разузнать и передать мнѣ, что капитанъ хочетъ купить въ Петербургѣ домъ, что супруга его очень благородная, нѣжная дама, что сынъ ихъ учится въ школѣ. Всѣ эти свѣдѣнія о моихъ сосѣдяхъ, передаваемыя мнѣ Амаліей, безъ всякаго на то съ моей стороны желанія, сначала нисколько не занимали меня, но потомъ я невольно сдѣлался заочнымъ свидѣтелемъ всего того, что говорилось и шепталось въ комнатѣ сосѣдей, потому что меня отдѣляла отъ нихъ очень тонкая перегородка. При извѣстной тишинѣ ко мнѣ въ комнату слышно было даже, какъ спали сосѣди, посвистывая носами на разные тоны, какъ сынъ ихъ тревожно ворочался на своей кроваткѣ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ невыученнаго урока и безсвязно бормоталъ: „ариѳметика есть наука... наука есть ариѳметика... такая наука... Виноватъ! я

выучу и проч...“ Съ полнымъ чистосердечнымъ разскаяніемъ сознаюсь, что все это я слышалъ. Но что-же мнѣ оставалось дѣлать? Незатыкать-же, въ самомъ дѣлѣ, каждую минуту уши!

Декабрь 14.

Я положительно начинаю входить во вкусъ. Ей Богу! А пріятно это сосѣдство — очень пріятно! Проснешся этакъ по утру, на дворѣ чортъ знаетъ что такое дѣлается, — какая-то сверхштатная осень наступила, заниматься ничѣмъ не хочется, лежишь себѣ въ постели, потягиваешся и слушаешь, что говорятъ между собой сосѣди... Опасаюсь я только, чтобы не привились ко мнѣ привычки Гоголевскаго почтмѣйстера, — но впрочемъ я судьбою избавленъ отъ полученія не только чужихъ, но даже и ко мнѣ адресованныхъ писемъ, слѣдовательно опасаться въ этомъ случаѣ нечего. А у сосѣдей что-то громко разговариваютъ. Слышится равномѣрная отчетливая рѣчь, женскій голосъ, должно быть письмо диктуетъ. Вѣроятно такъ. Послушаемъ.

— Милый папенька! желаю вамъ всѣхъ благъ, прошу...

— Постой, постой, перебиваетъ мужской голосъ: — *всѣхъ* какъ пишется? ять или е?

— Ять, ять. Какъ же иначе. Ять мой голубчикъ.

— Ну, дальше.

— Прошу вашего заочнаго родительскаго благословенія и цѣлую вашу ручку...

— Стой! тутъ точка или восклицательный знакъ?

— Я думаю что лучше точку, да впрочемъ— ставь восклицательный, это не бѣда. Ну пиши: мы съ помощію Божіею и съ вашимъ благословеніемъ купили въ Петербургѣ домъ.

— Не купили еще а покупаемъ, замѣтилъ мужской голосъ.

— Ну вотъ еще, — толковать съ тобой. Ахъ, какой ты странный человѣкъ. Пиши—купили.

— А если мы его не купимъ?..

— Боже мой! Ахъ, какой ты странный! Что если? Пиши, говорю тебѣ, что тутъ толковать, если да если... Повѣрь мнѣ, что купимъ да еще какой домъ-то купимъ, распрелѣстнѣйшій! Не сегодня, завтра все устроится,.. Пиши. Все-таки старика порадуемъ; вотъ, скажетъ онъ, какой у меня сынъ молодецъ: сказалъ, что будетъ домовладѣльцемъ и — сдѣлалъ... Ну пиши: купили мы себѣ въ Петербургѣ домъ...

— И что намъ нужно денегъ, потому что всѣ деньги израсходовали на покупку, перебилъ мужской голосъ.

— Что ты! Что ты! Экъ какъ бухнулъ! Ха-ха-ха!

— Да ты что смѣешься-то надо мной, — развѣ я тебѣ мальчишка какой!..

Въ мужскомъ голосѣ послышалось нервное дрожаніе и гнѣвъ.

— Ахъ! Что, ты мой жизненочекъ? я это такъ...

мнѣ просто весело... Ахъ, извини, душа моя! Ангелъ!.. ласково и нѣжно говорила женщина.

— Ну, говори... Чего тамъ еще нужно? сердитымъ тономъ спрашивалъ мужчина.

— Да я, мой другъ... Мнѣ кажется... вѣроятно, и ты того-же мнѣнія, что лучше всего написать такъ...

— Ну, говори...

— Мы на чемъ тамъ, мой ангелъ, остановились-то? Потрудись, жизненочекъ, прочесть...

— Купили себѣ въ Петербургѣ домъ...

— А вотъ и прекрасно, и превосходно, мой ангель! Теперь, мой другъ, продолжай: домъ этотъ приноситъ весьма значительный доходъ, но этотъ доходъ можно еще увеличить, если сдѣлать нѣкоторыя улучшенія въ домѣ, а у насъ деньги всѣ вышли на покупку; впрочемъ, уповая на Божіе милосердіе... Что душенька, написалъ?

— Написалъ... Ну что дальше?

Письмо окончилось все-таки просьбой денегъ, но эту просьбу женскій голосъ облекъ въ такую почтительную ласковую и нѣжную форму, что если-бы я былъ ихъ папаша, то вѣроятно ни минуты не задумался-бъ послать моимъ дѣткамъ просимые двѣ тысячи. Подъ письмомъ подписались оба: „Иванъ Сорокинъ и Надежда Сорокина“, за тѣмъ слышались нѣжности и поцѣлуи, поцѣлуи и нѣжнести, а потомъ супругъ (очевидно супругъ) сказалъ:

— Ну, Надинька, я пойду. Поцѣлуй меня на дорогу.

— Ахъ, милый мой! слышался полный любви голосъ супруги: душка моя! Какъ мнѣ безъ тебя скучно! Ты не повѣришь, какъ мнѣ скучно: сижу, сижу и все думаю—ахъ скоро-ли мой Ваничка придетъ.

Слышны горячіе поцѣлуи.

Милый! Ангелъ! Вотъ точно я только вчера съ тобой обвѣнчалась, ахъ! какъ незамѣтно эти десять лѣтъ прошли!

Долго еще продолжались между супругами нѣжности и поцѣлуи, но наконецъ-то счастливый супругъ, должно быть, ушолъ, потому что въ комнатѣ въ продолженіи получаса почти ничего не было слышно. Супруга мурлыкала себѣ подъ носъ какой-то романсъ и вѣроятно помадила волосы: — слышно было, какъ она растирала на рукахъ помаду. Мурлыканье романса шло все кресчендо и кресчендо и изъ мурлыканья перешло въ отчаянное визжаніе, какъ вдругъ дверь отворилась и кто-то вошолъ...

— Ахъ! чуть слышно взвизгнула госпожа Сорокина.

— Ахъ! повторилъ за ней мужской голосъ, но это былъ уже не голосъ мужа и затѣмъ начались нѣжности и поцѣлуи.

Вотъ тебѣ на! Я, въ дѣтствѣ моемъ слышавшій много разсказовъ отъ своей няньки о вѣроломствѣ мужчинъ, просто пришолъ въ ужасъ, когда эти разсказы во очію повторились; но странное дѣло! Нянька мнѣ

никогда ничего дурнаго не говорила о женщинахъ, потому-ли что она (по ея разсказамъ) сама принадлежала къ прекрасному полу, хотя я этому почти не вѣрилъ, ибо ничего прекраснаго не находилъ въ моей разрушавшейся изсохшей нянькѣ, но тѣмъ не менѣе теперь я вижу, что она въ настоящее время конечно, разрушившаяся и исчезнувшая съ лица земли старуха, хитрила со мной и безсовѣстно надувала меня, расписывая самыми хорошими красками достоинства прекраснаго пола и проходя упорнымъ молчаніемъ о его недостаткахъ. О хитрая старушонка! Теперь, по твоей милости, я въ первый разъ въ жизни слышалъ, какъ нѣжничаютъ и цѣлуются замужнія женщины не съ своими мужьями. Это происшествіе такъ меня обезпокоило, что я поспѣшилъ пригласить къ себѣ для переговоровъ мою нѣмку.

— Что это у васъ, Амальхенъ, за жильцы такіе? Что это тамъ все цѣлуются?

Но не успѣлъ я кончить своего вопроса, какъ лицо моей доброй толстой нѣмки приняло тайственное выраженіе. Она положила мнѣ на плечо свою тяжолую жирную руку и поглощенный занимавшими меня вопросами, я съ замѣчательнымъ терпѣніемъ переносилъ боль тяжести взвалившейся на мое плечо и слушалъ, какъ изъ нѣмецкаго рта моей квартирной хозяйки велетали одинъ искалеченнѣе другаго,—звуки русской рѣчи.

— Это есть маленька шалость. Вы пожалійста молчитъ. Одинъ молодой человѣкъ очень любитъ M-me

Сорокинъ, очень много любитъ, очень цѣловайтъ... Только! Больше ни—ни! О! М-me Сорокинъ строгій мадамъ... Только цѣловайтъ! Онъ имѣетъ сынъ Петя 10 лѣтъ. Петя своя маменька ножка топаетъ: Петя знаетъ, что маменька молодой человѣкъ много цѣловайтъ!..

— Ухъ! Амалія Ивановна! Плечо!... Снимите руку, охъ!.. неимѣя силы выносить боль вскрикнулъ я.

Нѣмка отскочила и смотрѣла на меня испуганными глазами.

— Ви болѣнъ?

— О нѣтъ! Рука ваша, рука! Плечо мнѣ отдавили...

— Аха-ха! Ви очень слабій... Понимайтъ... Ахъ извиняйтъ...

Нѣмка сдѣлала преуродливый книксенъ и снова одинъ за однимъ выходили изъ ея рта искалеченные, изломанные звуки русской рѣчи, напоминая собою старыхъ инвалидовъ возвращающихся по окончаніи компаніи на родную сторону. Изъ разсказовъ Амаліи я вывелъ такое заключеніе, что если голова господина Сорокина, еще неукрашена рогами, то вѣроятно онъ скоро получитъ это невидимое украшеніе. А сынишка-то каковъ? Вотъ то ловкій мальчишка! Воспользовался тайной и теперь на мамашу ножкой топаетъ! Вотъ оно что значитъ не запирать дверь, когда дѣлаешь то, чего не нужно видѣть и знать другимъ...

Декабрь 16.

Вчера вечеромъ у сосѣдей былъ большой шумъ. Всѣхъ

громче слышался голосъ г. Сорокина; впрочемъ изрѣдка пискливый голосъ супруги покрывалъ другіе голоса. Я сначала подумалъ: Ну, г-жа Сорокина! Попались вы съ своими поцѣлуями! Тайна открыта! Примите достойное наказаніе! Но потомъ мнѣ пришлось измѣнить свое мнѣніе: — тайна осталась тайной, а было что-то другое, совсѣмъ другое. Въ общемъ шумѣ только и можно было понять: Двѣ тысячи! Въ тѣ минуты, когда умолкали голоса супруговъ, слышалась ровная безстрастная рѣчь какого-то господина съ нѣмецкимъ акцентомъ.

— И теперь, сообразить, на основаніи статьи, свода законовъ гражданскихъ, выводилъ нѣмецъ.

— Да что вы съ вашими законами-то... Ахъ Боже мой! двѣ тысячи! Боже мой! кричалъ неистово г. Сорокинъ.

— Двѣ тысячи! Двѣ тысячи! Непремѣнно вытребовать съ него двѣ тысячи, что это такое! Господи! Да за что-же?! пищала госпожа Сорокина!

— Двѣ тысячи... Я умру! Я сейчасъ умру!... Охъ, уми-ра-аю! стоналъ мужъ.

— Ваничка! милый! успокойся! Ахъ, мы несчастные!

Чрезъ нѣсколько времени крикъ въ комнатѣ затихъ. Сорокинъ тяжело дышалъ и стоналъ, супруга хныкала, нѣмецъ молчалъ.

Прошло минутъ пять молчанія.

— Но все-же я имѣю вамъ объяснить, что этотъ самый ошибка на васъ остается, по прежнему ровно и тихо началъ нѣмецъ: зачѣмъ ви задатокъ имѣли давать, и потомъ свое условіе нехотѣли исполнять.

Сорокинъ опять закричалъ, очевидно вскакивая съ дивана.

— Какое условіе! Какое условіе! Я ему далъ двѣ тысячи и получилъ отъ него росписку въ томъ, что онъ взялъ отъ меня ихъ въ видѣ задатка, за проданный имъ мнѣ домъ; а теперь я себѣ нашелъ другой домъ, въ половину дешевле его дома....

— Это ничего не означаетъ, замѣтилъ нѣмецъ.

— Какъ ничего? Я не хочу его домъ покупать и потому требую назадъ мои двѣ тысячи!

— Вы имѣете ваши двѣ тысячи потерять на основаніи десятаго тома свода законовъ, статьи...

— Ахъ, Боже мой! Что вы моего Ваничку раздражаете? Васъ пригласили за совѣтомъ, а вы раздражаете только!... слезливо замѣтила супруга!

— Я, сударыня, какъ честный шеловѣкъ, на основаніи свода законовъ...

— Что вы мнѣ съ вашими сводами-то лѣзете! Тутъ не только сводовъ, тутъ никакаго потолка нѣтъ, гнѣвно съострилъ Сорокинъ.

— Я имѣю вамъ сказать, что на основаніи статьи...

— Замолчите! Перестаньте! рыдая, перебила супруга Сорокина,—вы подумайте лучше о томъ, за что-же онъ хочетъ наши двѣ тысячи у себя удержать? Развѣ онъ могъ получить въ недѣлю двѣ тысячи убытку?

— О, да. Можетъ быть, и нѣтъ, а по закону онъ право имѣетъ. Онъ имѣетъ сказать, что въ это врем

онъ домъ другому лицу могъ продавать и очень много могъ профитъ получать...

Нѣмецъ холодно и спокойно продолжалъ свои доказательства, приводилъ изъ свода законовъ статьи за статьями; Сорокины недавали окончить ни одной фразы, какъ опять начинали кричать и спорить. Нѣмецъ стоялъ на своемъ и выходя изъ комнаты твердилъ:

— Вы, на основаніи статьи, имѣете потерять...

— Подите вы къ чорту со всѣми вашими статьями! кричалъ Сорокинъ,—какой вы адвокатъ,—колбаса вы, а не адвокатъ!

— Мерзкій! гадкій! противный! пищала вслѣдъ супруга, топая въ корридорѣ ногами.

Но нѣмецъ на эту брань ничего не отвѣтилъ и мѣрнымъ шагомъ шолъ по корридору къ выходу. Слышно было, какъ онъ осторожно притворилъ за собой дверь...

Сегодня цѣлое утро супруги составляли планы, какъ-бы выручить назадъ свои двѣ тысячи. Супругъ не смотря на то, что обругалъ нѣмца за правду и не далъ ему ни копѣйки за совѣтъ,—принялъ въ соображеніе статьи закона и сознаетъ, что онъ не имѣетъ возможности взыскать свои двѣ тысячи судомъ.

— Милый! томно и грустно говорила супруга, — надо ужъ какъ нибудь такъ...

— Ну какъ-же такъ-то? научи какъ-же?

— Надо попросить его... Онъ богатый. Съѣзди, мой жизненокъ, можетъ быть, Богъ и поможетъ. Ну, если онъ тебѣ не отдастъ, не сжалится, — я тогда поѣду и

Петю съ собой возьму... какъ нибудь ужъ надо вымаливать...

Часа черезъ два Сорокинъ грустный возвратился домой.

— Ну, что мой ангелъ? заботливо спрашивала жена!

— Уѣхалъ! мрачно отвѣчалъ мужъ.

— Ахъ! Боже мой! Какъ? Куда?..

Слышны торопливые шаги по комнатѣ.

Уѣхалъ за городъ. Черезъ недѣлю, говорятъ, будетъ. Швейцаръ мнѣ говорилъ, — да такой надутый, важный, — точно у него языкъ-то суконный, едва имъ ворочаетъ...

Декабрь 21.

Вотъ уже цѣлая недѣля прошла съ того шумнаго дня, когда Сорокинъ обругалъ нѣмца колбасой и съ того самаго дня до настоящей минуты въ квартирѣ моихъ сосѣдей могильная тишина, слышны только тяжолые вздохи мужа и его безсвязное бормотанье о несправедливости людской и о двухъ тысячахъ.

— О люди! люди! вздыхалъ Сорокинъ.

— Милый мой! изрѣдка мрачно замѣчала супруга, — что дѣлать, — успокойся. Вотъ завтра, можетъ быть, онъ возвратится... Смирись! Съѣздимъ къ нему, можетъ быть, онъ и отдастъ.

— Охъ, Надя, Тяжело мнѣ...

— Что дѣлать, другъ мой...

— Я умру! Я чувствую, что я не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ...

— Милый мой! зачѣмъ ты такія мрачныя мысли забираешь себѣ въ голову?..

Супругъ уходилъ куда-то изъ квартиры. Супруга по уходѣ его начинала бормотать романсы и по привычкѣ переходила изъ тихаго тона въ крикливое визжаніе.

— Ска-а-жите ей!... орала она во всю глотку.

Сегодня во время пѣнія этаго романса, снова появился молодой человѣкъ и madame Сорокина снова испуганно постаралась вскрикнуть:

— А-ахъ!

— Ахъ! негромко подхватилъ кавалеръ.

Дальнѣйшій разговоръ шелъ почти шопотомъ.

— Но, другъ мой... какъ же? слышался голосъ Сорокиной. У меня денегъ нѣтъ...

— Надина! Мнѣ нужно; мнѣ до крайности нужно, всего двадцать пять рублѣй... говорилъ молодой человѣкъ.

Чортъ знаетъ что это за отношенія такія!

Декабря 22.

Не понимаю, что это такое дѣлается у моихъ сосѣдей. Сорокинъ болѣзненно охаетъ, стонетъ, жена его всхлипываетъ и рыдаетъ, сынъ реветъ во все горло. Что за печальная исторія! ужели все это отъ несчастныхъ двухъ тысячъ? Вслушиваюсь: слышны плачъ и стоны.

— Папа! милый! не умирай! па-а-па! рыдаетъ мальчикъ.

— Ваничка! жизнь моя! прости, я тебя обидѣла! я

тебѣ грубое слово сказала;—Охъ! прости, я никогда не буду... Я всегда буду ласкова, почтительна...

Слышны всхлипыванья.

— Нѣ-ѣ-тъ! По-о-здно! умира-а-ю! охъ, смерть моя, слышится глухой болѣзненный голосъ Сорокина.

— Ангелъ! сокровище мое! я буду тебя почитать, уважать...

Рыданія.

— По-здно! поз-дно! умира-а-ю! Пе-е-тя! сынъ мой.. все кончено... охъ!..

— Па-а-па! отчаянно и дико кричитъ сынъ.

Ну, думалъ я, сосѣдъ-то мой, вѣроятно, отправляется въ дальнюю дорогу, вотъ она жизнь то человѣческая! И двѣ тысячи, должно быть, такъ и не получилъ. Эка бѣднята!

Вечеромъ.

Амалія Ивановна заходила ко мнѣ давеча, послѣ сборовъ моего сосѣда. Онъ уже раздумалъ отправляться на тотъ свѣтъ! Вотъ странный человѣкъ жена ему что-то грубо сказала, онъ раскапризничался и давай умирать! да вѣдь какъ ловко-то, просто прелесть, я думалъ онъ и въ самомъ дѣлѣ умираетъ. Странный человѣкъ: на театръ бы ему надо поступить, чѣмъ задаромъ свой талантъ расходовать предъ своими домашними. Амалія Ивановна только руками разводитъ.

— И я думаль, шептала она, думаль, зовсѣмъ умирайтъ, человѣкъ! Господи, думаль я, онъ умирайтъ, ме-

блированный комнатъ будетъ долго, очень долго пустой. Ви самъ знайтъ, какъ послѣ покойникъ, очень долго меблированный комнатъ ни кто не занимайтъ... О я бѣдный! нешастній женщинъ! зачѣмъ я изъ Гамбургъ на Питербургъ пришоль!..

Нѣмка при этихъ грустныхъ мысляхъ даже глаза платкомъ вытерла и потомъ вдругъ лицо ея прояснилось, толстыя мокрыя губы сложились въ ироническую улыбку, сѣрыяя глаза забѣгали и нѣмецкій ротъ раскрылся для новыхъ звуковъ.

— А о-онъ, ви понимайтъ? онъ комедіи строилъ! хо-хо-хе! глазы это та-а-къ,—Амалія Ивановна закатила глаза подъ лобъ—и лицо это та-а-къ—Амалія скорчила самую плачевную рожу—ну вотъ зовсѣмъ, зовсѣмъ умирайтъ... Ахъ какой! ошинь ошинь хитрый человѣкъ!.. Петя, бѣдній Петя, много, много плакаль... Но только madame его еще похитрѣй умъ имѣйтъ; madame его за носикъ водитъ, такъ, та-акъ, и Амаліи потянула сама себя за носъ. — Madame очень хорошо знайтъ, что ея супругъ комедія сочиняйтъ, а тоже пла-а-китъ... Ахъ, какой луди! я никогда такой луди не видаль:.. ха-ха-ха! одинъ часъ, два часъ—все плакитъ, уми-ра-аю! ахъ какъ луди!..

Январь 3.

Сегодня у Сорокина торжество и, по случаю этого торжества, крикъ шумъ, хохотъ и чортъ знаетъ что! Утромъ часовъ въ 11, лишь только я проснулся и поль-

зуясь тишиной, такъ пріятно на меня подѣйствовавшей,—хотѣлъ было сѣсть за свой дневникъ, какъ вдругъ въ корридорѣ раздался самый отчаянный звонокъ; колокольчикъ пронзительно занылъ, даже проволока застонала. Я долго не могъ придти въ себя. Слышу—у сосѣдей хохотъ и крикъ поднялся невообразимый и долго не умолкало ура! Наконецъ-то я понялъ въ чемъ дѣло. Сорокинъ, вѣроятно, получилъ деньги и по этому случаю безобразничаетъ. Жена его надрываетъ тоже свое горло изрядно и оретъ тоже ура-а! Сынишко, вчера такъ горько и безъутѣшно плакавшій надъ лже-умирающимъ родителемъ, сегодня тоже безобразничаетъ и кричитъ, только не ура, а что-то совсѣмъ другое, несообразное.

— Ахъ! душка мой! милый! какъ ты умѣлъ все такъ хорошо устроить! умница! ура-а! визжала жена Сорокина.

— Устроилъ! устроилъ! все устроилъ!

— Умница! красавецъ! теперь можно на платье отдѣлить, а?

— Можно! можно! урра-а!

— И въ театръ можно? въ ложу, а? ангелъ! можно?

— Можно! все можно... Теперь ѣдемте сначала обѣдать къ Дюссо...

— Милашка! жизнь моя!... Поцѣлуй! ахъ!

— Петя! собирайся съ нами! надѣвай свою лучшую пару...

— Аха-ха! ля-ля-ля! бумъ, бумъ! визжалъ сынъ и козломъ плясалъ, кружась по комнатѣ. На моемъ столѣ

чернилица, совсѣмъ не приглашенная ни въ театръ, ни къ Дюссо и никогда не имѣвшая ни какой пары платья, тоже заплясала во время бѣснованія Пети. Чему она обрадовалась — чортъ знаетъ, — не видитъ, что люди просто за просто безобразничаютъ!

Долго продолжались у сосѣдей сборы, поцѣлуи, нежности и т. п. Первый порывъ отчаяннаго веселья прошолъ и Сорокинъ началъ разсказывать подробно, какъ онъ получалъ свои двѣ тысячи. Звукъ его голоса дѣлался то громче, то тише:—онъ, вѣроятно, тоже надѣвалъ свою лучшую пару и исполняя свой туалетъ удовлетворилъ любопытству своей благовѣрной супруги.

— Прихожу я къ нему, моя милая. Тихо звоню. Отпираютъ. Дома?—дома, говорятъ. Доложили. Скорчилъ я самую печальную, убогую рожу, кланяюсь низко и тихо, тихо говорю: не погубите,—жена, дѣти!.. Что, говоритъ, васъ губить! вы же не бѣдный человѣкъ,—домовладѣльцемъ хотите сдѣлаться... Я, какъ ты меня научила, заплакалъ. Пожалѣйте, говорю, у меня пятеро дѣтей, жена больная, мать старуха старая, слѣпая... У меня, говорю, капиталу-то всего и есть 5,000 руб. Сказалъ я это и замолчалъ, голову этакъ на сторону повѣсилъ. Онъ сидитъ все на одномъ мѣстѣ и все молчитъ, только смотритъ какъ-то не хорошо, совсѣмъ не ласково какъ-то... Пожалѣйте, говорю... Дурной, говоритъ, вы человѣкъ, такъ деликатно говоритъ,—дурной, безпорядочный человѣкъ. Вы, говоритъ, не дѣлаете чести ни себѣ, ни семьѣ и позорите собой то сословіе,

къ которому придлежите. Я, говоритъ, съ вами никакого дѣла имѣть не желаю и очень буду счастливъ, если вы меня избавите отъ этого навсегда... Я молчу. Слышу и понимаю, что онъ меня словами-то все равно, что по щекамъ бьетъ, — молчу. Поговорилъ онъ и все это такъ тихо, спокойно, и замолчалъ: потомъ вынулъ изъ боковаго кармана ключъ, отперъ бюро, сердито выбросилъ на столъ деньги и сѣлъ опять въ свое кресло. Я, знаешь, поскорѣе подобралъ эти деньги и началъ раскланиваться, а онъ опять было завелъ свою рацею: это, говоритъ, только благодаря мнѣ, вы получаете деньги по закону вамъ не слѣдующія, а другой-бы взялъ васъ, не говоря дурнаго слова, просто велѣлъ бы вывести вонъ... Я говорю: милостивый государь! какъ вы смѣете! я самъ дворянинъ!.. Онъ поднялся съ кресла, оглянулъ меня съ головы до ногъ, позвонилъ и крикнулъ слугѣ: проводи, говоритъ, этого дворянина, а самъ такъ сердито хлопнулъ дверью, что стѣны въ домѣ задрожали... Халуй говоритъ мнѣ:—пожалуйте. А, говорю, какъ ты смѣешь, негодяй? я жаловаться буду и сохраняя свое достоинство, я медленно вышелъ въ прихожую и ушолъ... Ну я готовъ, вотъ только галстучекъ что то у меня морщится... Ты, Надя, готова? Петя?

— Готовы, готовы... Однакожъ Ванюрчикъ, какой этотъ баринъ невѣжа, а?

— Э, да чортъ съ нимъ! стоитъ о нёмъ думать...

— Папа! такъ онъ тебя хотѣлъ бить, что-ли? спросилъ Петя.

— Дур-ракъ! кто меня смѣетъ бить? я его хотѣлъ отколотить.

— Ну что же ты, побилъ?

— Побилъ, нехотя отвѣтилъ отецъ.

— Молодецъ папа! люблю! ай-да папа! а ты мнѣ, папа, за обѣдомъ шампанскаго дашь выпить...

— Дамъ, дамъ...

— Стаканъ?

— Ну вотъ еще торговаться... что ты, купецъ что-ли? стыдись! выпей столько, сколько тебѣ захочется...

Слышно,—надѣваютъ шубы.

— А что, Ванюрочикъ, если-бы теперь на этаго барина претензію подать, можно вѣдь? спрашивала супруга.

— Можно, да что толку-то? свидѣтелей-же не было...

— Ахъ, да! какая жалость...

— Ну готовы? пойдемте. Петя, кутайся воротникомъ теплѣе. холодно. Ушли.

Январь 5.

День прошолъ тихо. Сорокинъ съ утра куда-то уѣхалъ, пріѣзжалъ въ 3 часа домой и снова уѣхалъ. Слышно изъ разговоровъ, что хлопочетъ все по покупкѣ дома. Жена цѣлый день воетъ романсы. Послѣ обѣда въ ихъ квартиру приходило много народу и все говорили что-то о закладныхъ, о кредитномъ обществѣ и о шампанскомъ. Вечеромъ собрались ѣхать въ театръ, вышли было изъ комнатъ, но вскорѣ возвратились. Въ

прихожей начался шумъ. Извощикъ сердито и отрывисто бросалъ угрозы, что пойдетъ жаловаться. „Что, говоритъ, вы за господа за такіе—съ 10 ч. утра взяли карету, ѣздили ѣздили, до самаго вечера и не отдаете того, за что рядились.

— Пошолъ вонъ! пошолъ вонъ! кричали оба Сорокины; ты получилъ то, что тебѣ слѣдовало... какъ ты смѣешь насъ задерживать? я сейчасъ пошлю за городовымъ...

— Эхъ господа! грустно сказалъ извощикъ и все затихло...

— Этакій нахалъ!

— Невѣжа! мужикъ! бранили Сорокины ушедшаго извощика.

— Пойдемъ, Надя! позвалъ мужъ.

— Погоди, мой другъ,—пусть ужъ онъ уѣдетъ, а то опять будетъ браниться...

Чрезъ нѣсколько времени Сорокины ушли.

Полночь.

Сосѣди мои возвратились изъ театра. Вошли они тихо. Я думалъ, что это такое,—сегодня моихъ сосѣдей совсѣмъ не слыхать, но жестоко ошибся: прошло неболѣе пяти минутъ, пока они раздѣвались, а потомъ началась прежняя исторія сборовъ на тотъ свѣтъ.

— Охъ! умира-аю! жена! сынъ! идите, я васъ благословлю! стоналъ Сорокинъ.

— Милый! ангелъ! успокойся! все это вздоръ, пустяки! шарфъ твой, вѣроятно, найдется, да если-бы и

не нашолся, то что-же онъ стоитъ-то, всего-же только 10 рублей.

Госпожа Сорокина упрашивала мужа самымъ нѣжнѣйшимъ, ласковѣйшимъ голосомъ, но супругъ по прежнему стоналъ и охалъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе входилъ въ свою роль; даже покушался изобразить предсмертную хрипоту. Чортъ его знаетъ! такъ натурально разъигрываетъ, что меня просто морозъ по кожѣ подралъ при этой хрипотѣ,—видно, что онъ свою роль отлично изъучилъ. Только отъ чего-же произошла вся эта исторія? Какой тамъ у нихъ шарфъ пропалъ? гдѣ? послушаемъ.

— Милый! успокойся!... Можно будетъ въ театральную дирекцію обратиться, попросить взыскать съ капельдинера... успокойся!

— Нѣтъ, ужь я не жилецъ! ахъ! Пе-е-тя... живи честно... будь спра-а-вед-ли-ивъ... хр-р-р....

Ну, захрипѣлъ опять! фу, чертъ его возьми—досада беретъ. Эти разъигрыванья сценъ умирающаго до того мнѣ опротивѣли, что я, не смотря на весь интересъ такого сосѣдства,—готовъ съѣхать съ квартиры...

Январь 6.

Утро. Сегодня госпожа Сорокина необыкновенно ласкова съ мужемъ, — вѣроятно поджидаетъ опять своего молодаго человѣка. Мужъ не въ духѣ, — больше пыхтитъ, нежели говоритъ, и, на всѣ ласки своей супруги, отрывисто отвѣчаетъ:

— Да ну, Надя, отстань... довольно!..

— Жизненочекъ! ангелъ! и проч., голосомъ полнымъ любви выводитъ супруга.

— Ты куда же это, мой милый? въ удивленіи спрашиваетъ она.

— Какъ, куда? будто не знаешь, — конечно, въ театральную дирекцію...

— Ахъ! ты уйдешь!.. А я думала, ты завтра...

Томные вздохи и аханья. Мужъ собрался.

— Ну, прощай, Надя...

— Мил-лый!..

Слышны горячіе страстные поцѣлуи.

— Такъ ты смотри-же, душа моя, веди себя какъ можно солиднѣе, важнѣе, знаешь... скажи: что-жъ это такое! наконецъ это возмутительно!.. шарфъ старинный фамильный, имѣетъ громадную цѣну, какъ рѣдкая въ, настоящее время вещь... ну и знаешь... возмущайся этимъ наглымъ воровствомъ... а потомъ уже когда тебя спросятъ, что же ты желаешь? скажи, — да что-жъ съ него взять, конечно, — всѣ они люди бѣдные, того, что шарфъ стоитъ имъ незаплатить, пусть 50 руб. отдадутъ и ни за что уже, сказавши, не уступай. Если даже будутъ говорить объ уступкѣ, ты, ни-ни! скажи имъ, такъ, съ грустной улыбкой: „я молъ, господа, не купецъ и своими вещами не торгую, а тѣмъ болѣе своей честью, — сказалъ разъ и свято...“ вотъ такъ, дружочекъ... однакожъ какъ мнѣ грустно, что ты сегодня ѣдешь, — я думала завтра, — такъ мнѣ грустно... Господи! какъ же я тебя, Ванюрочикъ, люблю-то, ахъ!

Опять поцѣлуи.

— Смотри-же ты скорѣе, скорѣе, какъ можно скорѣе возвращайся...

— Ну прощай.

— Прощай! Жизненочекъ! ангелъ!

Мужъ ушолъ. Нѣсколько времени прошло въ молчаніи.

— Петя! спрашиваетъ госпожа Сорокина, — ты что-же, такъ долго въ школу-то не идешь?

— Сейчасъ, сердито отвѣчаетъ Петя.

— Иди, дружочекъ, пора, ласково и нѣжно продолжаетъ мать.

— Уйди... успѣешь еще, что очень торопишься...

— Ахъ какой ты Пепя грубый! Какъ тебѣ не стыдно! Иди-же, я тебѣ на дорожку варенья дамъ съѣсть..

— Давай...

— Можетъ, тебѣ на конфекты нужно?..

— Давай...

— Ахъ, Петюша, какой-же ты грубый... Ну что голову-то наклонилъ?

— Ну давай, мама, а то я не пойду...

— На, мой другъ! Только зачѣмъ ты такой...

— Ахъ, пра-а-во!.. Такой да такой... Какой я!.. Надоѣла, мама!..

— Иди-же, мой ангельчикъ! На тебѣ па конфекты...

— Ля! ля! ля! Бумъ! Бумъ! Трррромъ! заоралъ Петя и вскорѣ его шаги слышались далеко въ корридорѣ.

Вскорѣ по уходѣ сына, у сосѣдки начался знакомый шопотъ. Слова: „милый! божество! жизнь моя!“ долго

слышались въ моей комнатѣ, сопровождаемыя страстными поцѣлуями, но потомъ разговоръ принялъ совершенно неожиданный оборотъ.

— Если такъ, то я всѣ твои письма перешлю страховымъ письмомъ къ мужу и къ отцу—тому и другому пополамъ...

— Ахъ! Владиміръ!.. Что ты со мной дѣлаешь! Ты, слѣдовательно, не любишь меня? Тебѣ, значитъ, только деньги...

— Я люблю тебя, повѣрь мнѣ, люблю сильно, страстно, божественно!.. Но что же мнѣ дѣлать, когда мнѣ такая страшная, непроходимая нужда...

— Ахъ, Боже мой!

— Мнѣ нужно всего только сто рублей и это въ послѣдній разъ...

— Владиміръ! Вспомни, какой же это послѣдній разъ! Сколько ты разъ то-же говорилъ...

— Клянусь тебѣ! Ну, понимаешь, на колѣняхъ клянусь...

— Нѣтъ! рѣшительно сказала госпожа Сорокина,— нѣтъ, Владиміръ, ты не меня любишь,—ты деньги только любишь...

— Повѣрь чести!..

— О, Боже мой! Да ты о моей-то чести подумай! Что ты со мной-то сдѣлалъ? Ты знаешь въ какомъ отношеніи я къ сыну,—онъ почти все знаетъ... Охъ!..

Слышны всхлипыванья.

— Надина, другъ! Выручи! если нѣтъ, завтра— тюрьма!

— Который это разъ я слышу?.. сквозь слезы спросила г-жа Сорокина.

— Ты не любишъ меня, Надина?

— Я?

Молчаніе.

— Да я не люблю васъ, Владиміръ Викторовичъ...

Всхлипыванья. Звонокъ порывисто занылъ. Сосѣдка встрепенулась. Начался испуганный, торопливый шопотъ: „вотъ, вотъ, сюда,—къ этой двери: если *онъ*, то ты спрячься, пока онъ пройдетъ по корридору и потомъ— въ эту дверь“... Но колокольчикъ затихъ: кто-то прошолъ въ комнату Амаліи Ивановны и шопотъ сосѣдей перешолъ въ говоръ.

— Такъ какъ же? спросилъ Владиміръ.

— Я не знаю...

— Ну, Надина, полно! Перестань, не сердись... Мало ли что бываетъ... Перестань...

— Ахъ, Владиміръ! томно говорила госпожа Сорокина,—какой ты тиранъ, извергъ!

— Ну, Надина, забудь... Ну дай мнѣ двадцать пять рублей...

Слышенъ поцалуй.

— Злодѣй! полусердито, полушутливо замѣтила Сорокина своему другу.

— Ну перестань, забудь...

— Не будешь мнѣ впередъ угрожать письмами?

Поцалуи.

— О, нѣтъ! никогда! никогда! Надина! Какъ ты добра...

Слышится шелестъ ассигнаціи.

— Дай, дружокъ, еще...

— Владиміръ!

— Дай!

— Безстыдникъ! Ну вотъ тебѣ еще пять рублей, больше нѣтъ, — всѣ!.. Ну поцалуй же меня крѣпко, крѣпко...

Опять звонокъ. Опять торопливый первическій шопотъ.

— Вечеромъ въ 5 часовъ съ Итальянской у подъѣзда Пассажа?

— Да, да... Сюда, сюда. Когда пройдетъ по коридору, тогда отвори и тихонько выйди...

Возвратился мужъ. Жена бросилась къ нему съ ласками и распросами.

— Все хорошо. Вѣроятно, получимъ деньги...

— Ну и что же? Что же? Какъ все тамъ у тебя шло? Ангелъ!

— Все хорошо. Завтра, завтра будетъ рѣшено дѣло... Охъ, усталъ! Карета досталась такая дурная, тряская,—вѣроятно, рессоры, что ли, ужъ очень тугія, ужасно утомился... А гдѣ Петя?

— Въ школу ушолъ, давно уже...

Далѣе слушать у сосѣдей было нечего. Мужъ взялъ карты и началъ раскладывать пасьянсъ, а жена вѣроят-

но, что нибудь шила или вязала. Изрѣдка они перебрасывались между собой ничего незначущими словами и потомъ опять все затихало. Супруга замурлыкала себѣ подъ носъ: „скажите ей“, мужъ сталъ подтягивать баскомъ и вышелъ какой-то кошечій концертъ.

Января 7.

Вечеромъ. У сосѣдей сынишко расхворался. У него на тѣлѣ сдѣлалась сыпь и не даетъ ему покоя ни днемъ ни ночью. Мальчикъ плачетъ и чешется и тѣмъ болѣе увеличиваетъ зудъ. Сначала госпожа Сорокина обратилась за совѣтомъ къ Амаліи Ивановнѣ. Нѣмка покачала головой, посмотрѣла и таинственно прошептала:

— Знаите, что я вамъ сказывайтъ?

— Нѣтъ, Амалія Ивановна, не знаемъ.

— Самій лучшій средства, который помогаетъ, противъ эта болѣзнь, эта, эта..! знаете... Надо хорошій докторъ приглашайтъ...

— Ахъ Боже мой! Это мы и безъ васъ знаемъ...

— А если вы знайтъ, то зачѣмъ меня спрашивайтъ?

Амалія Ивановна обидѣлась и ушла къ себѣ въ комнату.

— Что же дѣлать-то надо? спрашивалъ мужъ, — за докторомъ что-ли съѣздить?

— Я не зна-а-ю милый мой... Но мнѣ кажется, не лучше-ли въ лечебницу — это же такъ близко. Тамъ тоже хорошіе доктора есть, а за совѣтъ-то берутъ несравненно дешевле...

— Въ самомъ дѣлѣ! согласился супругъ.

— Конечно, мой другъ, въ лечебницу. Для чего нибудь открыты же онѣ, а какая въ нихъ разница въ цѣнѣ-то, — всего только надо заплатить-то 20 к. засовѣтъ...

— О да, да, да, Конечно, конечно... Такъ завтра утромъ и свозить его.

Такъ а порѣшили мои сосѣди.

Января 8.

Сегодня въ нашей прихожей произошла печальная сцена. Я слышалъ ее отъ слова до слова и едва не выскочилъ изъ своей комнаты, чтобы вступиться за бѣднаго человѣка. Теперь сижу и ругаю себя, отчего это я не вступился? На какомъ основаніи я не раскрылъ ихъ обмана? Я же слыхалъ нѣсколько разъ, что шарфъ Сорокина стоилъ не болѣе 10 рублей, слышалъ его собственныя слова и — не поѣхалъ въ дирекцію объявить. Отчего же это? А все оттого же, что во мнѣ много обломовщины, — лѣнь поворотиться, — что, да какъ? Да кто меня будетъ выслушивать? Да дадутъ-ли еще моимъ словамъ вѣру? А то, пожалуй, еще и къ присягѣ да къ дѣлу притянутъ! Вотъ отчего и не поѣхалъ и не заявилъ и — считаю себя за это участникомъ въ подлости. У меня еще до сей поры слышится въ ушахъ полный тоски голосъ просителя. Дѣло въ томъ, что театральная дирекція распорядилась приказать взыскать съ виновнаго требуемыя г. Сорокинымъ деньги 50 руб-

лей за пропавшій шарфъ. Человѣкъ, имѣвшій несчастіе брать на сохраненіе вещи Сорокиныхъ и приговоренный къ уплатѣ за потерянный шафръ, пришелъ сегодня утромъ вымаливать отъ Сорокина уступки. Сорокинъ и его благовѣрная супруга не хотѣли слушать просьбъ, мольбы и слезъ бѣднаго человѣка. Напрасно бѣднякъ кланялся въ ноги, плакалъ и просилъ пожалѣть его.

— Отстань, отстань любезный! Этого дѣла оставить нельзя безъ наказанія, наставительно говорилъ Сорокинъ, — да мы и сами не Богъ знаетъ какіе богачи, чтобы бросать свои деньги встрѣчному и поперечному. Ты долженъ быть и за то благодаренъ, что съ тебя не берутъ сто рублей, а берутъ только половину того, что стоилъ шарфъ.

— Ты долженъ, любезный, благодарить, подсказала и супруга г Сорокина.

— Покорнѣйше васъ благодарю , сударыня... Но повѣрьте мнѣ ради Христа! Я едва имѣю возможность прокормить свою семью. Ваше взысканіе просто разоритъ меня!..

— Что же дѣлать! Самъ виноватъ! замѣтилъ супругъ.

— Впередъ будь осторожнѣе,—это тебѣ будетъ хорошій урокъ, подсказала его жена.

— Ради Бога, пожалѣйте!..

Слышенъ земной поклонъ и стуканье лбомъ о полъ.

— Отстань, отстань любезный! Ты унижаешь свое человѣческое достоинство!

— Прошу у васъ не для себя, — для дѣтей моихъ сдѣлайте уступку...

— Нельзя, нельзя...

— Сдѣлайте милость!.. Вѣдь вашъ шарфъ я помню... онъ старенькій...

— А-а! Такъ ты еще грубіянить?!

— Простите, ради Бога!

Слышны сдерживаемыя рыданія.

— Вонъ, мерзавецъ!

— Простите... пожалѣйте!

— Венъ! Ты смѣешь говорить, что шарфъ... А-а! Такъ ты вотъ ка-а-къ! Ты самъ, можетъ быть, укралъ мой шарфъ и теперь притворяешьоя несчастнымъ...

— Сдѣлайте божеское одолженіе...

— Вонъ! Вонъ! чтобъ и духу твоего не было!

— Не гоните, грустно сказалъ бѣдный, — самъ уйду... Богъ съ вами! Пусть Онъ васъ, Отецъ небесный, судитъ!..

Дверь затворилась.

— Каковъ? спросилъ супругъ свою Надю.

— Каковъ? въ свою очередь вопросила она: — ахъ Боже мой! Какое невѣжество! Ахъ!..

— Нѣтъ, еще долго намъ ждать того времени, когда каждый будетъ вести себя какъ слѣдуетъ... Грубость! Необразованность!..

Я совершенно увѣренъ, что господа Сорокины въ эти минуты чистосердечно жалѣли о грубости русскаго на-

рода и воображали, что шарфъ ихъ дѣйствительно стоилъ не 50, а 100 рублей.

Чрезъ нѣсколько времени супруги перебросились между собою слѣдующими словами:

— А намъ вѣроятно пятьдесятъ-то рубликовъ заплатятъ, а? весело спросилъ супругъ.

— Конечно, мой милый, еще бы!..

— Не даромъ этотъ грубіянъ притащился съ поклонами-то...

— Ну конечно!.. Ахъ, какіе люди, Боже мой! Вотъ ужъ именно пословица-то справедлива: „Знаетъ кошка чье мясо съѣла“.

— Да-а! протянулъ супругъ.

Января 15.

Цѣлую недѣлю я не заглядывалъ въ свой дневникъ, а въ это время совершилось кой-что достойное того, чтобы быть записаннымъ. Во первыхъ Сорокинъ, кажется, окончательно рѣшилъ дѣло по покупкѣ дома, этотъ фактъ для меня весьма важный, важный потому, что мои сосѣди, вѣроятно, скоро переѣдутъ въ свой домъ и мой дневникъ можетъ вдругъ оборваться. А жаль! Они такіе замѣчательные субъекты, что ихъ жизнь стоитъ прослѣдить повнимательнѣе.

Далѣе. Въ эту недѣлю сынъ моихъ сосѣдей расхворался, было, не на шутку. Возили, возили они его въ лечебницу, но сыпь его не проходила и страданія нисколько не уменьшались. Третьяго дня онъ уже оконча-

тельно слегъ въ свою постельку и болѣзненно стоналъ. Отецъ настаивалъ, чтобы послать за докторомъ, но мамаша долго отговаривала его отъ этого расхода, увѣряя, что доктора вездѣ одинаковы и что все равно докторъ — что въ лечебницѣ, что въ другомъ какомъ либо мѣстѣ. Но господинъ Сорокинъ сжалился надъ стономъ своего сынишка и рѣшился израсходовать три рубля на доктора. Докторъ пріѣхалъ и послѣ необходимыхъ распросовъ посовѣтовалъ вымыть мальчика раза два зеленымъ мыломъ.

— Я думаю, что завтра, или послѣ завтра, онъ будетъ совершенно здоровъ, заключилъ докторъ.

— Какъ? Неужели только отъ мыла?

— Да, я думаю... Потому что это средство весьма радикальное...

Сегодня сынишко Сорокиныхъ уже на ногахъ. Отецъ его куда-то уѣхалъ съ утра, а мать расхаживаетъ по комнатѣ и скучаетъ. Видимо, что скучаетъ, потому что и не поется ей, какъ прежде. Затянетъ: „Ска-а-жите ей“ и замолчитъ, потомъ опять походитъ, походитъ и опять взвизгнетъ: „Атравлена младая жизнь моя!“ и затѣмъ снова шагаетъ... Предметъ ее страсти что-то давно не показываятся; съ того дня, когда угрожалъ ей ея-же письмами и получилъ 25 да 5, а всего 30 рублей. Видѣлись-ла они у Пасажа,—ходъ съ Итальянской“ —не знаю. Вѣроятно, видѣлись.

— Петя! дай мнѣ, дружокъ, пожалуста, книгу... у

тебя гдѣ-то она тамъ была... лѣниво попросила госпожа Сорокина сына.

— Какую тебѣ, мамо?

— Дай какую нибудь. У тебя, кажется, Le Robinson suisse...

Госпожа Сорокина нѣсколько времени перелистывала книгу и потомъ вдругъ швырнула ее въ сторону и снова заходила по комнатѣ, изрѣдка взвизгивая: „Скажите ей!“

Февраль 3.

У сосѣдей опять великій праздникъ. Супругъ сегодня утромъ, напутствуемый совѣтами и благословеніями супруги, отправился изъ дому и въ часъ дня возвратился въ квартиру веселый и торжествующій, точно сдѣлался мексиканскимъ императоромъ. Шумъ, крикъ, стукъ и пляска поднялись на всю квартиру и долго не умолкали. Самъ Сорокинъ заливался хохотомъ и по временамъ вскрикивалъ:

— 50 рублей! ха! ха! ха! Ай-да я! Молодецъ!

— Душка! Ангелъ! Такъ сегодня въ оперу?

— Ѣдемъ! ѣдемъ! Куда угодно!...

— Радость моя! Какой ты малый! Добрый!

— Ѣдемъ! ѣдемъ! Петя!... Одѣвайся!

Сынишко взвизгивалъ и метался по комнатѣ, какъ съумасшедшій! Онъ бросался на шею отцу и цѣловалъ его, потомъ плясалъ и снова бросался къ отцу.

— Папа! Милашка папа!...

— Отстань! довольно... Одѣвайся!

— Ля! ля! ля!... Мама, поцѣлуй меня! Бумъ! бумъ!

Снова полъ дрожитъ. Госпожа Сорокина съ сыномъ скачетъ по комнатѣ.

— Ну, одѣвайся же!

— Ванюрочикъ! Такъ куда же мы теперь?

— Сначала поѣдемъ обѣдать, выпьемъ бутылку шампанскаго, потомъ возьмемъ троечныя сани, скатаемъ за городъ, а оттуда въ оперу...

— Блестящая фантазія! съ восторгомъ провозгласила супруга.

Господа Сорокины скоро уѣхали. Амалія Ивановна пришла ко мнѣ въ комнату. Она нѣсколько времени стояла у дверей и печально качала головой, показывая глазами на комнаты сосѣдей, потомъ приложила руки къ ушамъ и опять закачала головой.

— Ви мнѣ повѣряйтъ, — я скоро совсѣмъ ушки потеряйтъ: гамъ, гамъ! Ха-ха! Ля-ля!... Пфуй!...

Проговоривъ эту фразу, Амалія Ивановна плюнула, подошла къ моему столу и горячу заговорила:

— Я сорокъ пять годовъ на свѣтѣ животъ,—такой странній люди не видаль, не слыхаль: „Ля! ля! ля!“ О Господи помилій!... „Бумъ! бумъ! А-ахъ! Уми-ра-а-ю!“ передразнивала Сорокиныхъ моя квартирная хозяйка и потомъ снова начала длинный монологъ о томъ, какъ она сорокъ пять лѣтъ прожила на свѣтѣ и не видала такихъ людей, какъ ея жильцы, господа Сорокины.

Февраля 10.

Сегодня квартирная хозяйка съ иронической улыбкой объявила мнѣ, что господа Сорокины весьма интересуются моей особой и желаютъ познакомиться. Удивляются, говоритъ, они, отчего у меня въ комнатѣ всегда такъ тихо и на основаніи этой-то постоянной тишины они до сегодняшняго утра думали, что моя комната никѣмъ не занята. Возвращаясь вечеромъ въ свою квартиру, я на крыльцѣ встрѣтился съ незнакомой мнѣ дамой. Я видѣлъ ее въ первый разъ и узналъ въ ней госпожу Сорокину, узналъ потому, что она, идя, мурлыкала свой любимый романсъ. Она шла мнѣ на встрѣчу; я посторонился, желая дать ей проходъ, такъ какъ лѣстница нашей квартиры очень узка, да и кринолинъ госпожи Сорокиной имѣлъ весьма обширные размѣры. Она потупила глазки и вспыхнула, вѣроятно подозрѣвая, что я знаю ея отношенія къ молодому человѣку.

— Ахъ! мелодично протянула она, при встрѣчѣ со мной.

— Ахъ! поддакнулъ и я.

— Вы, кажется, нашъ сосѣдъ?

Да, сударыня, имѣю это удовольствіе.

— Скажите, пожалуста! И вы, говорятъ, тутъ давно живете?

— Полгода.

— Представьте! И мы не знали... Къ вамъ въ комнату, я думаю, все слышно, что у насъ дѣлается?

— О нѣтъ, почти ничего не слышно... Но если и

слышно что, то, признаюсь вамъ, я дома очень мало бываю, солгалъ я въ утѣшеніе ей.

— Прошу къ намъ. Мой мужъ будетъ очень, очень радъ.

Я поблагодарилъ и завтра думаю воспользоваться приглашеніемъ, чтобы посмотрѣть на героевъ моего дневника. Это тѣмъ болѣе интересно потому, что въ моемъ воображеніи давно уже сложились ихъ физіономіи. Посмотрѣть не мѣшаетъ, каковы-то они въ дѣйствительности.

Февраль 11.

Я не ошибся. Мои терои таковы и есть на самомъ дѣлѣ, какими я себѣ ихъ представлялъ. Мужъ высокаго роста, весьма сухой, лицо блѣдно-зеленое, глаза впалые и выражаютъ величайшее истомленіе. Супруга его маленькаго роста, тоже весьма тощая и угреватая, въ глазахъ ея много хитрости и очень мало доброты; манерами своими она старается бить на великосвѣтскость, но весьма неудачно. Мальчикъ похожъ на отца; здоровье его, видимо, очень слабо, въ глазахъ много мысли,—вообще очень умненькое лицо, но, къ сожалѣнію, онъ весьма избалованъ и капризенъ. Вотъ они, мои старые знакомые, которыхъ, не видя въ лицо, я уже два мѣсяца очень коротко знаю. Приняли они меня радушно и даже извинились, что ихъ сосѣдство, должно быть, для меня не весьма пріятно, потому что—говорятъ—у нихъ всегда шумно.

— Вы знаете, хлопоты по дѣлать, то да се... Просто ужасъ! объяснялъ господинъ Сорокинъ,—повѣрители,—смучился окончательно... Я, знаете-ли, домъ здѣсь въ Петербургѣ покупаю, ну при этомъ, конечно, безъ хлопотъ нельзя...

— Да, но теперь, поддержала госпожа Сорокина,—теперь уже дѣло все почти окончено и мой милый Ваничка скоро успокоится: мы переѣдемъ въ свой домъ, въ свой собственный домъ и онъ будетъ почивать на лаврахъ...

— Да, признаться, ужь и пора... Старъ становлюсь.

— Онъ такой нервный, слабый,—пѣвучимъ голоскомъ заговорила его супруга,—мы долго жили заграницей для его здоровья, въ Венеціи... Ахъ! Венеція! Венеція!.. Какая прелесть тамъ!.. Гондолы!.. Баркаролы!.. Ахъ!..

Госпожа Сорокина томно закатила глаза, глубоко вздохнула и снова въ томъ же тонѣ продолжала таять о Венеціи и гондолахъ.

— Да-съ, пожили на своемъ вѣку, пожили хорошо, весело погуляли вдоволь, пора и за дѣло приниматься...—перебилъ супругъ;—да, вотъ кстати: завтра у насъ будутъ вспрыски новаго дома.—Заходите выпить и поздравить насъ...

Я поблагодарилъ и ушолъ отъ сосѣдей.

Февраль 12.

Сосѣди присылали сына звать меня на свой праздникъ, но я отговорился болѣзнію и не пошелъ. Звонокъ раздается то и дѣло. Воображаю, какая тѣснота должна быть теперь въ комнатахъ сосѣда. Въ числѣ гостей, вѣроятно, находится и обожаемый госпожею Сорокиной молодой человѣкъ,—потому что я снова слышу его шопотъ.

— Ну, поди... Скорѣе поди... туда... Пожалуй, догадаются...

— Надина! ангелъ!.. красненькую!.. только... Больше не надо. Дай красненькую!..

— На! Поди... догадаются...

— Поздравьте меня, — слышится голосъ господина Сорокина,—я домовладѣлецъ: имѣю каменный домъ въ Санктпетербургѣ!

Гости пили и кричали ура.

Чрезъ нѣсколько времени говоръ гостей и хозяевъ слился въ какой-то общій гулъ. Сорокинъ кричалъ о великихъ заботахъ, принимаемыхъ имъ на себя съ покупкою дома, гости не слушали его и говорили свое.— кто оспаривалъ превосходство своей силы передъ силою товарища, кто толковалъ о Тамберликѣ...

— Сковорода!..

— Стой! мой кулакъ...

— Заботы домовладѣльца... дворники... чистка улицъ...

— Погоди! Ты не то!..

— Ур-ра! Шампанскаго!..

— Я домовладѣлецъ!..

Ничего нельзя было понять,—всѣ говорили никто никого не слушалъ.

— Послѣдній бокалъ и—обѣдать! Обѣдать къ Дюссо! отчаянно кричалъ г. Сорокинъ.

— Да будетъ вамъ! обѣдать...

— Сковорода!..

Я такъ могу двинуть тебя въ бокъ, что и перегородка съ тобой вмѣстѣ повалится въ преисподнюю...

— Обѣдать! Ур-ра!.. Домъ!.. Домовладѣлецъ... Петя! Петръ! Сынъ мой! наслѣдникъ моего имени и дома—одѣвайся! Обѣдать!.. Ур-ра!

— Ур-ра! Ур-ра!

Гости шумѣли и кричали. У меня отъ шума трещала голова. Я не могъ дождаться ихъ ухода, — надѣлъ поскорѣе пальто и, безъ галошъ, какъ угорѣлый, вышелъ на улицу.

Февраля 13.

Сегодня ко мнѣ явился Сорокинъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

— Напрасно вы вчера къ намъ не зашли. А мы превосходно кутнули, — ѣздили на тройкахъ, были за городомъ,—вообще очень, очень веселились... Правда-а.. Это не дешево стоитъ, но за-то-о, въ послѣ-дній разъ! Послѣ завтра,—въ свой домъ и баста! Шабашъ! Пора за дѣло приниматься.

Сорокинъ докурилъ папироску, швырнулъ ее съ огнемъ на полъ и сталъ прощаться.

— Прощайте пока. Я, сегодня, знаете, въ офиціальномъ костюмѣ, — нельзя: принимаю своихъ квартирантовъ...

Онъ повертѣлся еще нѣсколько времени и ушолъ. Чрезъ нѣсколько времени я слышалъ какъ представлялись Сорокину его будущіе квартиранты. Сначала явились дворники съ хлѣбомъ солью, за ними пришла какая-то подпольная и подкрышная бѣдность, а больше никто и не явился. Сорокинъ спросилъ дворниковъ, отчего другіе жильцы не явились?

— А кто ихъ знатъ, — нейдутъ!.. нехотя отвѣчали дворники.

— Ну, я долженъ вамъ объявить, что у меня строго. Понимаете? Строго! Чтобы все и вездѣ было въ порядкѣ, начальническимъ тономъ говорилъ Сорокинъ дворникамъ.

— Это такъ. Порядокъ завсегда хорошо...

— То-то! Вы должны быть всегда аккуратны... Во всемъ!..

Госпожа Сорокина тоже подсказала:

— У насъ не такъ, какъ у другихъ, — точность, аккуратность...

Чтобы все и вездѣ хорошо! чтобы исправно было...

— Отчего-же, мы за-всегда... кланялись дворники.

Находя, что дворникамъ сказано все, что было нужно, г. Сорокинъ обратился къ жильцамъ.

— А вы сколько разъ въ день печи топите?

— Да мы, батюшка, два раза, отвѣчала какая-то старушонка,—два раза, родимый. Ужъ оченно квартира-то выстываетъ, вѣтромъ-то, что-ли, ее, али ужъ такъ она сыра...

— А какъ вы смѣете два раза топить? сердито крикнулъ Сорокинъ.

— Да вѣдь мы, батюшка, своими дровами топимъ.

— А печи-то чьи? Печи-же мои! — а?! Вы смотрите, если только что нибудь—такъ я васъ всѣхъ подъ судъ!—Поняли? строго кричалъ г. Сорокинъ.

— Поняли! отвѣчало задавленное нуждой убожество.

Пріемъ кончился. Сорокинъ торжествовалъ и, своимъ разговоромъ съ супругой о пріятностяхъ домовладѣльства, напомнилъ мнѣ Гоголевскаго городничаго.

Апрѣлъ 15.

Сегодня я проходилъ мимо дома Сорокина и спросилъ дворника, какъ поживаетъ его хозяинъ.

— Да какой хозяинъ-то? лѣниво спросилъ дворникъ.

— Г. Сорокинъ.

— Эка, хватились!.. Онъ еще въ мартѣ прогорѣлъ.. Теперь ужъ его и въ Питерѣ-то нѣтъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Домъ-то онъ купилъ съ переводомъ долгу по закладнымъ и въ кредитное и въ частныя руки... Процентовъ заплатить было нечѣмъ, все ждалъ

откуда-то денегъ, надо-быть отъ отца, а тотъ не послалъ. Ну, вертѣлся, вертѣлся, да и продалъ опять домъ—тысячи двѣ, кажись, убытку взялъ... Теперь къ отцу поѣхалъ—деньжонокъ-то порастресъ видно порядочно.

— А что онъ съ супругой уѣхалъ или одинъ?

Дворникъ улыбнулся и искоса посмотрѣлъ на меня.

— Съ супругой, конечно, а то такъ? Поссорились, было, чего-то они, да потомъ помирились... Молодецъ, вишъ ты, у ней завелся... да не вы-ли, ваше почтеніе и были-то? Что-то больно о нихъ распрашиваете?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—они мои знакомые.

— То-то... То-то... А если, значитъ, соболѣзнуете о барынѣ-то очинно, то понапрасну:—теперича ужъ ея, здѣсь нѣтъ, уѣхавши они въ деревню... Такъ-то...

Дворникъ хитро улыбнулся и ушолъ въ ворота. На воротахъ была прибита новая дощечка съ фамиліей новаго домовладѣльца.

ПОСОЛЬСТВО.

Небывалое и невозможное происшествіе

(Шутка).

I.

Тамъ гдѣ широкой волною безмолвныя воды,
Быстро несутся къ берегамъ отдаленнаго моря,
Тамъ на пустынной равнинѣ, поросшей лишъ чахлой березой,
Городъ стоялъ, молодой не устроенный городъ.
Небыло въ немъ ни церквей православныхъ, блестящихъ на солнцѣ крестами,
Ни каменныхъ зданій, высоко и гордо стоящихъ,—
Въ бѣдной и жалкой часовнѣ Божія служба свершилась,
Въ мрачныхъ холодныхъ избушкахъ тѣснились граждане.
Только у берега грозно и страшно стояли
Пушки громадные, страхъ и угроза плсменъ азіатскихъ;
Пушки тѣ жизнь охраняли правителя града, —

Домъ его длинный, изъ древа сложенный, собой закрывая,
Грозныя пасти свои, на манчжурскій уставивши берегъ.
Вечеромъ майскимъ, когда златовидно-багрянымъ отблескомъ,
Въ воды безмолвныя солнце глядѣлось съ послѣдней улыбкой,
Сѣла къ окошку супруга, правители града,
Грустно взглянула на воды, вечерній вдыхаючи воздухъ.
—Мужъ и владыка мой! Мудрый и славный правитель!
Вдругъ ея нѣжный ласкающій голосъ раздался!
— Что моя вѣрная, смугло-румяная Зора,
Что твое сердце желаетъ, повѣдай — исполню я точно,
Ласковымъ гласомъ спросилъ градодержецъ,
Масляный взоръ свой свой на смугло-румяную Зору уставивъ.
О! отвѣчала томясь и вздыхая прекрасная Зора:
Я нежелаю нн почестей знатныхъ, ни славы, —
Все мнѣ доставилъ ты мудрый и славный владыка,
Домъ нашъ, что храмы вѣнчанныхъ отъ Бога:
Съ берега грозныя пушки его охраняютъ,
Съ площади воины вѣчно стоятъ со штыками.
Ты какъ владыка отдѣльнаго царства господствуешъ въ краѣ...
Только послы небывали изъ странъ отдаленныхъ,
Въ нашемъ обильномъ богатствѣ и знатностью домѣ.
Сдѣлай ты счастье своей благовѣрной супругѣ,
Мудрый свой умъ изощривъ, ты придумай посольство,

Бъ тѣсныя связи вступи ты съ владыкою знатнымъ манчжуровъ.
Съѣздитъ полосъ твой въ полдневныя страны,
Много сокровищъ въ подарки онъ намъ предоставитъ
И будутъ къ намъ ѣздить послы изъ страны той богатой.
Смолкла, и тихо сконившись главою къ плечу градодержца,
Ласковымъ взглядомъ смотрѣла она на супруга,
Станъ ея нѣжный обнявнаго страстно.

II.

Въ креслахъ нахмурясь сидѣлъ градодержецъ въ своемъ кабинетѣ,
Думы бродили въ главѣ отягченной заботой.
Было безмолвно и тихо во всемъ его домѣ,
Шопотомъ всѣ говорили глубоко и тяжко вздыхая
И если-бы барсъ, подъ столомъ градодержца лежавшій
Былъ живъ, то навѣрно и онъ бы не смѣлъ шевельнуться.
И только лишь мухи, незнавшіе скорби владыки, лѣтая шумѣли,
Да слышались вздохи, могучіе вздохи владыки.
Вдругъ онъ поднялся и радостно крикнулъ: Народы!
Эхо откликнулось въ длинныхъ обширныхъ покояхъ,
И быстро предстали предъ очи владыки народы,
Руки по швамъ опустивши и жаждая знать приказанье.

— Сейчасъ чтобъ явились, немедля ни мало, чиновникъ
Что служитъ для личныхъ, особыхъ моихъ порученій
И тонкій политикъ Малео, извѣстный какъ авторъ
Похвальныхъ писаній къ властямъ именитымъ.
Рѣкъ онъ и слуги какъ будто „елень быстроногій“
Разомъ помчались исполнить велѣнье владыки.
Вскорѣ явились въ покой градодержца два смертныхъ:
Одинъ былъ румяный и статный, одѣтый въ роскошныя ткани,
Завитый барашкомъ; другой, — съ безобразной бородою,
Низкій и толстый какъ древа большаго обрубокъ.
Оба предстали и должнымъ по чину поклономъ почтили владыку.
— Вы мнѣ извѣстны какъ тонкій, искусный политикъ,
Къ толстому рѣчь обращая, промолвилъ владыка, —
Вамъ поручаю я ѣхать въ полдневныя страны,
Ѣхать посланикомъ, волю мою исполняя;
Что сотворить тамъ и лѣло какое подѣлать —
Все объяснитъ вамъ пакетъ сей изрядный.
— Слушаю, молвилъ Малео, браду безобразную глядя, —
Только, — дерзнулъ онъ добавить, — я въ грамотахъ царскихъ,
Ваши права на посольство ни разу не видѣлъ.
— Смертный! Умолкни! въ отвѣтъ раздалось громоносное слово владыки:
Лишъ солнце окончитъ свой путь по небесному полю
И звѣзды несмѣтныя явятся съ мѣсяцемъ блѣднымъ на смѣну, —

Ты долженъ собраться и ѣхать къ странамъ полуден-
нымъ
А злато на столъ и прогоны да выдастъ сей смертный,
Служащій для личныхъ особыхъ моихъ порученій.
Смолкъ градодержецъ и эхо за нимъ повторило въ
покояхъ,
Дрогнули слуги стоявшіе чинно въ передней,
Воинъ у входа дремавшій, воспрянулъ и сдѣлалъ со
страху военный артикулъ.

III.

Не вѣтеръ несется пустынной ровниной манчжурской,
Не буря качаетъ вѣтвями деревьевъ зеленыхъ,—
То пусть совершаетъ Малео въ полдневныя страны,
Съ нимъ храбрые воины, острыя сабли имѣя, его про-
вожаютъ;
Съ пуками стрѣлъ за спинами, отрядомъ манчжурское
войско
Жизнь охраняя посланника, слѣдуетъ съ нимъ по дорогѣ.
Пять тысячъ стадій окончивъ, Малео узрѣлъ предъ собою
Городъ великій Дкизикиръ, могучій въ Манчжуріи го-
родъ.
Улицы, храмы и домы минуя Малео проѣхалъ—
Прямо къ Таймуню (верховному дому судилищъ).
Открытая страшныя пасти драконовъ и змѣй безобраз-
ныя жала,

Изъ древа искусной работы, отъ рукъ полуденныхъ народовъ,
Вездѣ красовались на крышахъ высокихъ Таймуня.
Какъ волны морскія гонимыя вѣтромъ, несутся въ своемъ безконечномъ теченьи,
Такъ точно спѣшили народы страны полуденной, къ верховному дому судилищъ,
Видѣть великое чудо, посла изъ далекаго царства.
Шумно и дико толпа грохотала въ великомъ смятеньи,
Видя не видѣнный въ вѣки, костюмъ европейскихъ народовъ.
Велѣньемъ владыки Манчжуровъ, Малео съ почетомъ былъ принятъ,
Явства различныя были представлены въ храмъ для него отведенный,
Стража почетная въ двѣсти манчжуровъ стояла у входа.
Ночь миновала и глянуло солнце въ покои посла дорогіе,
Грустный сидѣлъ онъ, неспавшій всю ночь и со страху
Порою тревожно кругомъ озмрался на стѣны:
Мнилось ему, что недоброе дѣло выходитъ—
Ибо манчжуры его за посла отъ царя припимаютъ.
Долго сидѣлъ онъ угрюмый и мрачный, глубоко вздыхая;
Выстрѣлъ изъ пушки раздался, давая народамъ извѣстье,
Что грозный владыка манчжуровъ проснулся.
Дрогнулъ Малео и бодро всѣ силы собравши,
Сталъ ожидать приглашенья, явиться къ владыкѣ Манчжуровъ.

IV.

Медленно, тихо вступая по полу роскошнаго храма,
Толстый Малео, съ тоскою на сердце предсталъ предъ очами.
Дряхлаго старца—владыки, сидѣвшаго въ креслѣ высокомъ;
Стража кругомъ того кресла въ безсчетномъ числѣ находилась,
Острыя стрѣлы сверкали у ней за плечами,
Гордо стояла она, ужасая собою Малео.
Дряхлый сей старецъ былъ полный владыка манчуровъ,
Волею царской намѣстникъ, пекинскимъ дворомъ утвержденный.
— Кто ты, повѣдай намъ? вымолвилъ старецъ надмѣнно,
Кто ты невѣдомый? Прибылъ откуда? съ какимъ порученьемъ?
Кто поручилъ тебѣ въ наши полдневныя страны явиться?
— Я прибылъ оттуда, гдѣ воды широкой волною
Быстро несутся къ берегамъ отдаленнаго моря,
И гдѣ на пустынной равнинѣ, недавно построенъ нашъ городъ,
Началъ Малео, едва успѣвая удерживать сердце,
Быстро стучавшее, чуя недоброе дѣло,—
Въ городѣ томъ градодержецъ великій приказомъ

Мнѣ поручилъ, предъ очами твоими явиться съ поклономъ
И просьбы свои изложить пунктуальнымъ порядкомъ
Тихо старикъ шевельнулся въ томъ креслѣ высокомъ,
Грустно улыбка мелькнула на старыхъ губахъ властелина
И молвилъ онъ: Знать я не знаю такого владыки, о смертный!
Умъ помраченъ твой и умъ твоего градодержца:
Я не имѣю сношеній съ такими властями...
Смолкъ онъ и тихо вздохнувъ, обратился
Къ стражамъ, съ улыбкой презрѣнья смотрѣвшимъ посланнику въ очи.
— Слуги мои, поручаю вамъ, тихо промолвивъ Владыка,—
Дѣло съ посланникомъ этимъ покончить,—пусть старшій
Вѣрный Амбань нашъ, распроситъ его по порядку.

V.

Тамъ гдѣ стояла почетная стража изъ двухъ-сотъ манчжуровъ,—
Точно въ волшебномъ разсказѣ, вдругъ все измѣнилось:
Стража изчезла и только оборванный, грязный
Воинъ манчжурскій, у входа въ покои остался.
Убитъ и задавленъ печальнымъ исходомъ посольства

RB 146

Тонкій политикъ Малео, въ покой отведенный приходитъ
И гнѣвно, озлобленно крикнулъ своимъ провожатымъ:
—Ей вы холопы! Живѣе! Живѣе сбирайтесь въ дорогу!
Ваше оружье берите, скачите скорѣе на кони,
Мигомъ помчимся обратно въ свой край отдаленный.
Быстро схвативши свои небольшіе пожитки,
Тронулся было Малео изъ храма, но былъ остановленъ Амбанемъ.
—Гость нашъ невѣдомый! Ласково молвилъ Амбань обращась къ Малео,—
Волею власти владыки страны полуденной,
Я предстою предъ тобою съ вопросомъ о дѣлѣ:
Ты мнѣ повѣдай посланникъ, причины посольства
И если хотѣнье твое справедливо, то будетъ, по волѣ Владыки
Все вамъ даровало, жители странъ отдаленныхъ.
Снова лучъ свѣта проглянулъ посланнику въ сердцѣ,
Радостно сталъ онъ разсказывать все по порядку:
—Нашъ градодержецъ желаетъ, что-бъ дали намъ островъ,
Островъ стоящій противъ Залбазинскаго града,
Что-бъ дали намъ землю, на берегѣ правомъ рѣки многоводной,
Что-бъ наши сношенія были всегда безпрерывны
И ваши посланники ѣздили въ наши владѣнья.
Амбань засмѣялся и молвилъ: Ахъ, много труда и работы

На лѣвомъ брегу, заселенномъ такъ мало народомъ,
Напрасно и проситесь вы, неуправившись съ лѣвымъ,—
на правый,
Мы-же посольства изъ странъ полуденныхъ въ далекія
страны,
Къ вамъ посылать никогда не желаемъ!

VI.

Мылась въ купальнѣ прекрасная смугло-румяная Зора,
Тѣло свое молодое, водами рѣки омывая,
Черные волосы, длинной широкою прядью,
Дивно лежали по стану прекрасной изъ смертныхъ.
Вдругъ она слышитъ шаги отдаленные мужа,
Быстро онъ шолъ приближаясь все ближе и ближе.
—Милая! крикнулъ онъ въ щелку купальни, уставивъ
Масляный взглядъ свой, на нѣжно-прекрасную Зору.
—Ахъ мой Владыка и мужъ мой, мнѣ стыдно...
Крикнула Зора, свой станъ погружая въ холодные воды.
—Другъ мой! иди поскорѣе въ покой—твой прекрасный—
Грустныя вѣсти привезъ намъ Малео, изъ странъ по-
луденныхъ!
Взвизгнула Зора, почуявши женскимъ инстинктомъ всю
тайну,
И руки ломая, прекрасныя бѣлыя руки,
Жалобно стонъ издала и заплакала горько...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе автора I
Благопріобрѣтеніе 1
Уѣздный городъ 37
На базарѣ 65
Извозъ 83
Бѣглецы и бѣглянки 111
Съ утра до вечера 97
На большой Сибирской дорогѣ 137
На границѣ 169
Всуе трудяхуся (повѣсть изъ Амурской жизни). 187
Les Misérables. (Дневникъ изъ Петербургской жизни) 250
Посольство. (Небывалое происшествіе. Шутка) . 293

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

DOBBS BROS. 4
LIBRARY BINDING
APR 74
ST. AUGUSTINE
FLA.
32084

LIBRARY OF CONGRESS
00024144914